

PS.

литературное интернет-издание

№61 апрель 2017

Books not dead!

проза

Пенан

публицистика
Р свобода

е эротика

фанфик

поэзия

Мансёнг

п

м

Д

хокку

о

и

т

р

с

у

т

а

и

а

г

у

ж

г

и

любовь

новелла

киберпанк

рубаи

PS.

антиутопия

сарказм

Т

Р

а

з

е

д

и

я

скетч

п

поэма

п

ь

е

с

а

пародия

литературное

юмор

песня

лирика

п

повесть

фельетон

интернет

сонеты

о

религия

издание

э

шансон

видения

литература

стимпанк

м

рассказ

ф

э

н

т

е

з

и

а

действие

Драпа

стих

мемуары

п

р

и

к

л

ю

ч

н

и

я

фантастика

роман сюрреализм

Рубаи

ирония

драма

критика

сказка

№61 (апрель 2017)

Философия

5 лет журналу "PS"... Когда он только создавался, сама мысль о том, что нам когда-то будет 5 лет, такой маленький юбилей, казалась далекой. На тот момент у нас были дела важнее, чем что-то представлять и мечтать. Мы хотели сделать литературный журнал, доступный для всех авторов, независимо давно они пишут или недавно, независимо от того где проживают, какой национальности принадлежат и прочее. Мы хотели сделать журнал для творческих людей. И у нас это получилось. И сам журнал необычен еще тем, что его основатели живут в разных странах, России и Украине. Искусство и творчество объединяет!

5 лет мы создавали журнал, таким какой он есть сейчас. По крупицам, постоянно обновляя, дополняя и дорабатывая его. Первый год мы сами искали авторов в Сети, рассказывали им о журнале, предлагали публиковаться у нас. И хотим сказать большое спасибо нашим первым авторам, которые не побоялись опубликовать свои творения в молодом никому не известном литературном интернет-журнале. Спасибо нашим постоянным авторам, за то, что вы с нами. Спасибо всем нашим авторам. Вы наш источник вдохновения. Мы вас любим!

ВНИМАНИЕ!!!

Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины и РФ, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах. Пунктуация и орфография авторов сохранена.

ВНИМАНИЕ!!!

Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.

Прочтение возможно с разрешение родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

При копировании материала ссылка на АВТОРА и «Литературное интернет-издание PS» ОБЯЗАТЕЛЬНА!

www.ps-lit-jur.ru

Колонка главного редактора

Ровно пять лет назад вышел первый номер нашего журнала. С тех пор прошло многое. Менялась команда журнала, внешний вид, подходы к работе с авторами. Но главным своим достижением мы считаем запуск печатных тиражей. Да, об этом мы уже не раз говорили, но для нас это действительно большое достижение.

Сейчас же мы хотели бы поговорить о будущем. О том, что ждет нас впереди. А ждет нас много чего.

Сейчас полным ходом идет реорганизация «Брайта». Наши друзья преодолели кризис и готовы к работе с новыми силами. Конечно, работы предстоит сделать не мало. Возможно, что «Брайт» произведет слияние с другим литературным проектом, «Фамильяром писателя». Но не будем загадывать наперед.

Что это значит для нас? В первую очередь, это развитие дружественного проекта. Как и ранее, «Брайт» будет выпускать свой сборник «Звездопад». А это уже повод для радости и нашим авторам, так как для них открывается новая возможность опубликовать свои произведения.

Да не просто опубликовать, но и получить печатный альманах в свои руки.

Что и как будет происходить, мы пока не знаем. Заем, что все в процессе. Сейчас решается ряд проблем связанных с перезапуском альманаха, и в ближайшее время будет объявлено о наборе произведений в новый сборник.

Это что касается внешней политике журнала. Какие изменения коснутся самого журнала?

Первое, это пересмотр объема журнала. Возможно, объем номера будет увеличен. Так как количество поступающего материала огромно! Сейчас очередь на публикацию заполнена до декабря 2017 года. Речь идет о полном заполнении номеров. Если говорить о частичном, то очередь простигается аж до 2021 года.

Второе, это введение рейтинга авторов. В рейтинге будет отображаться порядка 30-50 авторов. Основным критерием оценивания рейтинга будет количество публикаций автора в журнале. Данный рейтинг будет показывать активность автора в журнале. Будет ли какая-то польза автору от рейтинга? Скорее всего, чисто в качестве морального удовлетворения. «Я

достиг!». Хотя, не исключено, что лидеры рейтинга будут получать некоторые бонусы от журнала.

Кстати, о бонусах. В планах внедрение бонусной системы. Её суть заключается в том, что каждый участник жизни журнала (автор, читатель) за свою активность будет получать бонусы. К примеру, за публикацию, автор получит 20 бонусов, за отзыв 5 бонусов и так далее. Бонусы будут постепенно накапливаться и их можно будет обменять на скидку на заказ печатных тиражей или же другие льготы от журнал. К примеру, единократное увеличение лимита на публикацию в одном номере.

Это планы. Не все, но основные. Какие-то из них будут воплощены в жизнь, какие-то, возможно, и нет. Мы, и не только мы, работаем над развитием нашего журнала. Если у вас есть предложения по развитию нашего издания, пожалуйста, высказывайтесь. Сайт, группы в соцсетях—пишите ваши предложения, мы все рассмотрим.

На этом все, как всегда, приятного прочтения!

С уважением, главный редактор **Александр Маяков.**

Поэзия

8

«Весна нагрянет, а пока лишь тишь...» Коробьина Юлия	8
«Увы, Мой Друг, - всё не как будто...» Владимир Родченков	8
«Маятник» Денис Банников	10
«Про друзей...» Евгений Орлов	13
«Я Вас люблю...» Джулия Беркли	13
«Пульсирующий улей» Александр Глуховский	13
«Порою так не хочется бороться...» Александр Глуховский	14
«Коммуналка в моём мозгу» Александр Глуховский	15
«Многоразовый шут» Александр Глуховский	15
«Я променял твоё тепло» Александр Глуховский	16
«Они вместе сидели на облаке» Головкин Андрей	16
«Любовь» Милисса Мелтон	17
«Легко» Милисса Мелтон	17
«Письмо для незнакомца» Ника Якименко	18
«Размышления» Ника Якименко	18
«Спешу» Ника Якименко	19
«Ностальгия» Авхад Джамалдинов	19
«Осени» Нелли Мершон	20
«Заколотый закат» Нелли Мершон	21
«Бывает иначе?» Нелли Мершон	21
«Воспоминаньям путь свободен» Нелли Мершон	22
«Этого нет и не было... не бывало...» Нелли Мершон	22
«Как светлы небеса над Россией» Михаил Кучерявый	23
«Пьяный дождь. Пузыри разгнездились в лужах» Михаил Кучеря- вый	24
«Клен» Русаков Олег	24
«Банк Будущего» Евгения Казанджиду	25

Cinema **26**

«Время первых» - посмотри наверх!» Расима Ахмедова 26

Строка прозы **28**

«Скучно жить» Элеонора Кременская 28

«Зона» Абасада 29

«Чудо» Абасада 32

«Путь» Любовь Ткачева 39

«Пища» Любовь Ткачева 45

«День... Ночь...» Любовь Ткачева 47

«Недорезанный» Вадим Сыван 49

«Живая вода» Людмила Казакова 53

«На две семьи» Элеонора Кременская 62

Фанфик **66**

«Сверхъестественное: новые приключения» Гамиева Мария 66

Литературный сериал **78**

«Рожденная воином. Врата Нурберила» Хиль Де Брук 78

«Легионеры Хроноса» Александр Маяков 87

«Тайна всего мира» Сергей Кирин 93

«Летописи межмирья» Александр Маяков 99

«Потрошитель» Тугучева Ксения 101

«Замок из песка» Алексей Рубан 107

«Евангелие от Лейлах. Труп звезды» Вадим Доннерветтер 114

«Паренек» Владимир Хомичук 124

«Адаптированный под современность» Вячеслав Гаврилов 132

«История одного андрогина» Роттен Морган 134

Лучшее произведение номера **148**

«Антоний и Анжелика» Ирина Никитина 148

Весна нагрянет, а пока лишь тишь...

Август тихо зовет с собой осень,
Шепчет грусть и дожди по ночам.
На часах: без пяти минут восемь -
Это значит, прощаться пора.

До свидания, знойное лето
И лазоревый отклик полей,
Жгущий пламенем лучик света...
Нам пора принимать гостей.

Встретить листья в багровом закате
И на сердце тревоги печаль.
Осень льется богиней в злате,
Уводя от нас лето вдаль.

Но грустить нам нельзя сегодня,
За зимою придет весна,
И на нашем небесном своде
Снова будет нас греть звезда.

Застрекочут кусты сирени,
Хрусталем заблестит капель,
Хороводное настроение
Из сердец уведет метель.

А пока что крадется осень,
Словно кошка, прищуря глаз.
Август нам каждый раз приносит
Златокудрый хмельной рассказ.

Автор: Коробьина Юлия

Увы, Мой Друг, - все не как будто...

Увы, Мой Друг...,- всё, не как будто....
Здесь каждый день и каждый час
Роятся скучные минуты,
И «огонёк» – почти угас....

Осталась лишь былая свежесть
Души цветущей и живой.
И руки – дарят ту же нежность....
И в сердце – зиждется любовь....

Познать бы...– Времени секреты...!
(И Муза мне ещё верна...!)
Эх...! – где же тройка, где ж карета...?!
Где ж те благие времена...?!!!

Где в шумной зале бал в разгаре..., -
Кружатся пары вальсу в такт!
Обворожительные дамы,
На кавалерах – строгий фрак.

Ты рядом..., затаив дыханье,
Опущен вниз стыдливый взор.
Толь на щеках – свечей мерцанье...?
И платья пышного узор.

Влечёт к себе твой облик нежный,
Пленяет душу – чистотой!
Судьбе, предавшись безмятежно,
В сердцах – рождается любовь!

Не раде пошленькой забавы,
Но что бы чистой была страсть, -
Для нас двоих – маэстро Штраус,
В Россию шлёт свой Венский Вальс!

В соседней паре...– право, Пушкин...!
С родней по крови – Натали....
Ах...! – эта дева – хоть и душка, -
Но не с Тобой... её сравнить!

Да и к чему нужны сравненья,
К чему рядиться – прок, какой...?
Коль в сердце – соловьиной трелью,
Поёт без усталости любовь...!

***

Жаль, нам на Небе отписали
Совсем другие Времена, -
Здесь, в скучном сереньком реале,
И Я – один..., и ТЫ – одна....

Автор: Владимир Родченков

Маятник

Эти стены не стали родными
Даже спустя столько лет
Ведь
Каждая секунда здесь
Убивала
Ее
И никто не замечал как
Глубоко внутри
Были спрятаны
Слезы
Потому что
Взрослые слепо улыбались
Проходя мимо
И
Призраки прошлого
Стали
Единственными ее друзьями
Другие дети в приюте игнорировали девочку
Казалось
Она успела забыть
Каково это
Быть любимой
И
Утопать в крепких объятиях
Перестать бояться
Хотя бы на момент
Ей уже не суждено
Мечты приводили в тупик
Каждый раз
Но
Грезя наяву
Она продолжала ждать
Менялись лица
И
Летело время
Остальные находили дом
Девочка хотела семью
Думая об этом
Она плакала
И
В один миг
Все случилось

Ее оставили в комнате
Затем
Пришли незнакомые люди
Чуть позже
Она и родители соприкоснулись взглядами

В первый раз
Словно
Мир вокруг замер
И
Воцарилась крохотная вечность
Спустя
Мгновение
Девочку поцеловали
Ее переполняли
Чувства
Она дрожала
Но
Девочку прижали к груди
Чтобы страхи испарились
Только лишь
В этот момент она хотела
Разобраться в окруживших ее мыслях
Ей уже не
Казалось
Что она чужая
Девочка осознала
Новый дом
Ждет
Ее
Она будет проводить каждый день
Вот так
Сможет называть кого-то мамой и папой
Она больше не
Боялась наступления завтра
Теперь она
Меняется
Все вокруг
Сияет
Ее лицо больше не
Будет выглядеть измученным
Ее прошлое
Не будет иметь значения
Ее горечь
Улетучится
Материнская любовь
Оградит девочку от невзгод
Папа не
Позволит кошмарам взять верх
Отныне реальность
Покажет сокрытую изнанку
И
Окружение преобразится
С минуты на минуту
Ее заберут
Она знала
Пространство закрутилось в спираль
Звезды
Падали

Слишком быстро
Но
Девочка загадывала желания
Все они сбудутся
Большие
И
Маленькие
Худшие опасения
Отразятся в зеркале заднего вида
Семья
И
Счастливые будни
Не оставят девочку
Монстры под кроватью и скелеты в шкафу
Будут заперты в воспоминаниях
Мама и папа
Став для нее бескрайним миром
Не
Подведут девочку
И
Будут искренне любить друг друга
Ведь они больше не
Почувствуют вкус одиночества
Родители
Увидят как их дочь повзрослеет
И никогда не
Пожалеют о принятых решениях
Мама и папа
Совсем скоро
Покажут девочке ждущий ее мир
Другие люди
Через считанные часы
Превратятся в пережиток прошлого
И
Минувшие дни сгорят ярким пламенем
Девочка знала
Настала пора прощаться с этими стенами
Они так и не стали друг другу родными
Даже в последние моменты
Потому что
Мама с папой уже стояли у выхода
И
Девочку
Ждал
Новый дом

Жизнь, точно маятник – подтолкни, и направление полностью изменится. Вещи, казавшиеся привычными, в мгновение станут фантастичнее вымысла. Люди, которые находились рядом, окажутся на другом конце вселенной.

Прочитайте рассказ вновь, на этот раз с конца. Строчку за строчкой, начиная с последней. Подтолкните маятник, если осмелитесь.

Если нет, я пойму.

Автор: Денис Банников

Про друзей...

Когда-нибудь мы все поймем!
Когда немного повзрослеем,
С друзьями песню вновь споем!
Которую мы в детстве пели..

Прошли года, разъехались друзья!
И вечерами стало грустно,
И кончилась веселая игра,
В которую играли дружно..

Наверное, всех вместе не собрать!
Нас раскидало по России!
И остается протирать,
Их фотографии, от пыли..

Автор: Евгений Орлов

Я Вас люблю...

Я Вас люблю любовью безнадежной
То страстно, то порывами тоски.
Я Вас люблю, но так неосторожно,
Что угодила прямо в ревности тиски.

Моя любовь продлится бесконечно —
Не побороть её сбегающим годам.
Я Вас люблю, как друга ведь... конечно,
Но никому и ни за что Вас не отдам!

Я не хочу печалить Вас отныне...
Нет, я не буду в вашей жизни как балласт
Я Вас люблю назло своей гордыне,
Как дай Вам Бог другими — но не даст!

Автор: Джулия Беркли

Пульсирующий улей

Сегодня он улитка, завтра – пуля
Раздробленный на дни хронометраж,
Здесь каждый в мозг въедается типаж
И в целом весь пульсирующий улей.

Потоки пчёл, изъятых из природы,
Начнут опять бессмысленный полёт,
Ведь сладкого от них никто не ждёт
Отрава получила статус мёда.

Струится по короткому запалу,
Огонь, и притаилось всюду зло
Как будто под раскрученным сверлом,
Легко пропасть под раскалённым жалом.

Тут многих в неизвестность пылью сдули,
Но если знаешь правила игры,
То мысли станут чётки и быстры,
Покинешь свой пульсирующий улей!

Автор: Александр Глуховский

Порою так не хочется бороться...

Порою так не хочется бороться...
Кому кричу? Вокруг лишь пустота!
Сквозь призму тьмы уже не вижу солнца
И в мусорном ведре лежит мечта...

Но снова встану, так мой мир устроен,
Внутри ещё кипят остатки сил!
Валяясь в состоянии покоя,
Итак, я слишком много пропустил.

Теперь стоять на месте – преступление,
А значит, каждый миг идёт в зачёт!
Из кучи хлама те найду решенья,
Что приведут к движению вперёд!

Вперёд из надоевшего болота,
Исхоженного вдоль и поперёк,
Бью лень и скуку до седьмого пота,
Ломая в пыль привычный потолок!

Не жди других, никто тебе не скажет,
Что, мол, дружок, вставай, пошли, пора!
Лишь только ты в ответе за бумажку,
Которую достанешь из ведра!

Автор: Александр Глуховский

Коммуналка в моем мозгу

Воздух спёрло от запахов кислых
Коммуналка в моём мозгу.
Кто-то мрачный на кухне, из мыслей
Тихо варит к утру рагу.

Кто-то в комнате рьяно, под мухой
Рассуждает о смысле дней,
Проклинает судьбу, словно шлюху,
Но всё также идёт за ней.

По углам зашуршали, проныры
Тянут щупальца, словно спрут
Расселить их по разным квартирам
Дело, явно, не двух минут.

Эту бешеную канонаду
Слушать больше я не могу
Ну а может, под снос уже надо
Коммуналку в моём мозгу?!

Автор: Александр Глуховский

Многоразовый шут

Многоразовый шут,
Смех сквозь занавес боли,
Соскочить не позволят,
Туго стянут хомут.

И нельзя отступить
От наклеенной бирки
Он – лишь собственность цирка,
Снова тянут за нить.

Улыбаться толпе –
Надоевшее кредо,
Всё так просто, до бреда –
Не хозяин себе.

Нет для грусти минут,
Не простят здесь такое,
Вмиг в чулане закроют
И на тряпки сдадут...

Автор: Александр Глуховский

Я променял твоё тепло

Поэзия

Я променял твоё тепло
На холод города большого,
Да, это всё давно не ново,
И к этому всё, видно, шло.

Теперь не ярок будет свет,
Не будет ласковых объятий,
Лишь поиски других симпатий,
Которых, может, вовсе нет.

Искать, кто виноват кто прав,
Наверно не имеет смысла,
Календари съедают числа,
А в кровь идёт поток отрав.

Чтоб в сердце просочилось зло
Порой хватает даже слова,
На холод города большого
Я променял твоё тепло...

Автор: Александр Глуховский

Они вместе сидели на облаке

Они вместе сидели на облаке,
Он нежно за плечи её обнимал.
Таял от каждой черты в её облике,
Не знал, что сказать, просто молчал.

Звезды падали где-то вдали,
Месяц поднялся, как солнце в зенит.
Они так сидеть веками могли,
Друг для друга были сильнее чем магнит.

Она прижималась к его сильной груди,
В грезах витая, как бабочка в свет,
И понимая всю силу любви,
Боялась одно, настанет рассвет.

Они вместе сидели на облаке,
Они так сидеть веками могли,
О них вы наверно уже и не вспомните,
Молча, неслышно к звёздам ушли....

Автор: Головкин Андрей

Любовь

Любовь как не разгаданная тайна.
И у каждого в ней свой тупик.
Для кого-то та так долгожданна,
А для кого-то как неожиданный порыв.
Где-то угасает за мгновения,
А где-то разгорается сильнее.
Вспомнишь лишь одно её прикосновение
И на душе становится теплей.
Порою она нас удивляет,
Порою водит даже в шок,
Но не кого она не оставляет
Среди запутанных дорог.

Автор: Милица Мелтон

Легко

Легко одеть чужую маску,
Легко за нею спрятать боль,
Легко поверить в чью-то сказку,
Легко доставить ею боль,
Легко смеяться когда грустно,
Легко плакать через смех,
Легко любить когда нет чувств,
Легко солгать самим себе,
Легко сказать чужие мысли,
Легко сыграть чужую роль,
Но не легко открыть нам истинные лица,
И не легко сыграть нам собственную роль.

Автор: Милица Мелтон

Письмо для незнакомца

Две составляющих любви...
Легко. И все же как познать?
Ответь, прошу! И как привить
Её себе? И как отдать?

Быть может, знаешь. Так скажи.
Тебя с ответом буду ждать.
Мы не знакомы... Миражи
Тебе помогут отыскать

Меня. И знаю, ты рожден...
Не важно, что за зодиак.
Покажет время. Подождем.
Пока не знаю где и как

Мы встретимся с тобой. Пути
(банально) пусть пересекутся!
Не сможем мимо мы пройти
Друг друга и не обернуться.

Это послание прочти,
Когда найдешь меня, мой Свет!
Быть может, мы на полпути
Уже. Вот мой тебе «Привет» :)

Автор: Ника Якименко

Размышления

Не важно мне в кого ты веришь, парень.
В Христа иль Будду. Иль ты вовсе атеист.
Ведь сложно выбрать наилучший камень —
Все камни хороши: янтарь и аметист,
И лазурит, и кварц... Да хоть булыжник.
Важны душа и ум. А вера — нет
(Почти). И ведь для ваших ближних
Важно лишь то, каков Вы есть внутри.
Религия придумана не нами,
А душу, ум обогащаем мы.
Зачем желают люди быть "слонами"?
В посудной лавке не нужны слоны.
"Слоны" — те люди, верящие слепо

В единственность своих религий, божества.
И думают: "Война равно победа",
А не "война равно кровь сотен, большинства".

Надеюсь, что "слонов" на свете мало,
И что не станут они в лавки залезать.
Ребятусики, подумайте сначала,
А уже после — ружья доставать...
Пожалуйста. Договорились? Я вам верю.
Ведь люди могут мудро поступать,
Коль не желают горькую потерю
Родных и близких их переживать.

Автор: Ника Якименко

Спешу

Жизни стирает время безжалостно,
Мчатся троллейбусы, люди в метро.
При виде бездомного сердце сжимается,
Но кто-то спешит и ему всё равно.

Люди, подумайте! Мир нынче катится
В бездонную яму неверия, лжи.
Но многие мыслят: "Меня не касается"
И продолжают куда-то спешить.

В работе, в делах наша жизнь продолжается..
Так пробегают тысячи дней..
А кто-то от стресса в себе закрывается,
Мечтая и думая: "Я всех сильнее,

Я выдержу, вытерплю!"... Хоть беспощадны
Года, что прошли, но, забрав красоту,
Они и надежду, и веру оставили
Лишь тем, кто ни разу не молвил "Спешу!"

Автор: Ника Якименко

Ностальгия

Когда свободен и не занят делом
Обычно, по утрам и вечерам
В извечном споре и душа и тело
Грущу бывает я по пустякам

Вся жизнь проходит вдалеке от дома
Где счастлив был и верил и любил

И было всё, до боли мне знакомо
Во-всём я радость жизни находил

Как лист осенний на ветру холодном
Гоним судьбой, собратями гоним
Я прозябаю в мире незнакомом
Где, сам с собою я непримирим

Здесь воздух и вода без вкуса, цвета
Нет неба синевы, голубизны
Здесь всё не так, здесь не хватает света
Любви, добра и женской красоты

И снеди привкус приторный и горький
Всё пахнет как пожухлая трава
Не так красивы утренние зорьки
Ночей, непервозданна тишина

Бледнеют краски осени и росы
Не пахнут ароматами цветов
Душа моя, уединенья просит
Свободы просит от своих оков

Всё потому что, вкус теряю к жизни
От скуки и тоски к родным краям
Будь проклята навеки, ностальгия!
Благословенными, Россия и Чечня

Автор: Авхад Джамалдинов

Осени

Я скажу это только шёпотом
Чтоб никто не услышал рядышком
Расставаться с тобой... не хлопотно
Ну, ладошка в ладошку... Ладушки??

Подустав от кленовой вялости
И слезливости ливня тощего
Так расщедрилась ты на шалости
И на игрища. Мне... попроще бы?!

Но за дверью виски чугунные
Утыкаются в струи острые
Будто сверху... сорвавшись струнами
Небо, хлещет лучами звёздными

И в чернеющих лужах оторопь
Отражают гитару рванную
Как подросток, играет осень... рок
Перепонкою барабанною.

Автор: Нелли Мершон

Заколотый закат

Мне трудно говорить, но вижу, вижу -
Бирнамский лес пошёл на Дунсиан
В ладу с собой лишь мёртвый, обездвижен
И широко распахнутые крыши
И сон, в котором гордый Оссиан
Там побывал - где косточки от вишен
Не сплёвывают, и волна не лижет
Собачей преданностью, мачты и штурвал
Ночные твари заползают в ниши
А солнца луч пронзает наповал
Растянутого горизонта тело
В отдельно взятой точке - так умело
И лезет – «лес пошёл на Дунсиан!»
Мне трудно даже шёпотом, но вижу
Дунканом... пал, заколотый закат
А волны надвигаются, и дышат -
Что Макбет... Только Макбет виноват...

Автор: Нелли Мершон

Бывает иначе?

Мы плакали долго... очень
Туманными вечерами -
И плакала память с нами -
Незванная. Толку... впрочем

Напористые замашки –
Двужильная... всё хлопочет
Жилетку... или рубашку?
Платок носовой – не хочет!!

Подробные годы... выслуг
Но врач... не добавит стажа
И бьётся в надбровный выступ –
Бывает иначе? Глаже?

Автор: Нелли Мершон

Воспоминаньям путь свободен

Мы покидаем дом... И стены -
Чужие станут трогать руки
В куриной слепоте и скуке
Шероховатости... везде

Не тот фасон, как кройка платья
Занятий столько в пустоте
Квадрат заброшенной кровати
И тикают часы... не те

Зрачок открытого клозета...
И лесенка висит на входе...
И песенка похоже спета...
Воспоминаньям... путь свободен

Автор: Нелли Мершон

Этого нет и не было... не бывало...

День день денёк разбегался, ах хорош
Как шоколад свисают каштанов щёчки
Сонно блестят... Да что там - не разберёшь
Косточки в мякоти слив... кошек ноготочки...

Шёлкова гладь спины... не Китайский путь
Мы не вывозим ткани в обмен на вина
Кони своё отслужили... перелистнуть
Старых историй забытую половину

День день денёк - разбегался жеребцом
Цокают об асфальт плоды. Копыта -
Перебирали так... перед тем крыльцом
Мокро лупил в лицо Анатоля – прыток

Снег – наметал, полозья не взяв в расчёт
Только кудряшки и глаза, разрез кошачий
Дальше не важно уже - куда и зачем... ещё!
Плачет Наташа, и трепет у пальцев - влажный

Девочки лёгкой, дыхания короткий бег
Время скользит паркетом, по кромке бала
Гаснут огни, и мокнет залётный снег
Этого нет... и не было... не бывало...

Автор: Нелли Мершон

Как светлы небеса над Россией

Как светлы небеса над Россией,
Мне созвучные утром и днём,
Нет синее вас и красивее
В упоённом напеве своём.

Под пронзительной вечною высью
Расцветает родная страна,
Сокровением божией искры
Ты на свете такая одна.

Расстиляется на пол - мира
В грациозном величии покоя,
Восхищения былинная лира,
Мне молитвой звучит вековою.

Грандиозна своим знаменiem,
Окаймлённая сонмом вод,
Изумление и вдохновение,
Верный мирного неба оплот.

Под крылами орла двуглавого
Триколорного стяга покров:
Возносись, о Россия державная,
Пресвятая моя любовь!

Автор: Михаил Кучерявый

Пьяный дождь. Пузыри разгнездились в лужах

Пузыри разгнездились в лужах
В осознании косого дождя,
Я устал вялый дождь этот слушать:
Окропил он печалью меня.

Он промозглостью таял в вечность,
Нахлобучив дырявый свой плащ,
Он мою пригвоздил беспечность,
Отсекая, что спорый палач.

Он, как я, этот дождь, был пьяный
Непогожей осенней хандрой,
Обкурился он видно кальяном
Предосеннею поздней порой.

Просидел в кабаках разгульно
В ожидании урочных часов,
Поглощая хмельное огульно,
Взвесил осень на чаше весов.

Дождь кривым языком заплетался
В пьяном рвении объять небосвод,
К хмурым тучам пристать попытался,
Завести удалой хоровод.

Дождь - гуляка напрополую
Серой краской залил небеса
В осень мокрую и золотую
Он опять натворил чудеса.

Автор: Михаил Кучерявый

Клен

В моем дворе растет огромный клен
Большими листьями часть неба закрывая,
Огромной кроной летом от жары спасая,
Стоит он, в ясно - солнышко влюблен.

Лечить его из леса дятел прилетает,
Когда ветра устав уснули на реке.
А на ветвях, в мерцающей листве,
Друг с другом белки юркие играют.

Зимой его скелет как птицам сто насестов,
Прямые ветки подпирают падающий снег,
И не удержат ветки клена быстрой вьюги бег,
Зимой прозрачна крона от немых протестов.

Но лопаются почки под конец апреля,
Толкаясь, вылезает в свет огромный лист,
И на ветру, так весело танцуя легкий твист,
Глотает он лучи и птичьи трели.

Кленовый лист имеет много жил,
Он, как ладонь трудящегося человека,
Не выпускает небо в протяжении века,
И при дожде имеет море сил.

В жару кленовый лист от зелени крепчает.
Вбирая лета возмужавший взор,
Не предлагая буре добрый разговор,
Он силой крону ветром наполняет.

И вот седые небеса простуженного неба
Раскрашивают клен в пурпурно - красный цвет.
И в Бабье лето, поздней теплотой согрет,
Бросает лист себя к итогу прожитого лета.

В любую почву брось от клена семя,
Взрастет оно за пару быстрых лет,
Поднимется, ловя летучий свет,
И разведет большой ладонью время.
Накрыв его палитрой теплого ковра,
Отдав Земле последний вздох осеннего добра.

Автор: Русаков Олег

Банк Будущего

Чтоб жизнь моя из трудной безопасной стала,
из Банка Будущего денег очень мало,
как видно по всему, мне ожидать пристало.

В наличии большого, сомневаюсь, капитала.
Я опасаюсь, первый кризис лишь настанет,
и эти деньги банк платить вдруг перестанет.

Автор: Евгения Казанджиду

«Время первых» - посмотри наверх!

Фильм повествует о первом в истории мира выходе советского космонавта Алексея Леонова в открытый космос. 18 марта 1965 года был запущен космический корабль «Восход-2» с капитаном корабля Павлом Беляевым и вторым пилотом корабля Алексеем Леоновым.

Картина получилась по-настоящему живой, душевной и технической. Алексей Леонов в исполнении Евгения Миронова – романтик, мечтатель и художник, который был веселым, жизнерадостным, безрассудным, смелым и одновременно сильным человеком. На протяжении всего фильма показывается сон Леонова, где он еще мальчиком лежит в поле со светлячками под ночным звездным небом, отталкивается от земли и летит в

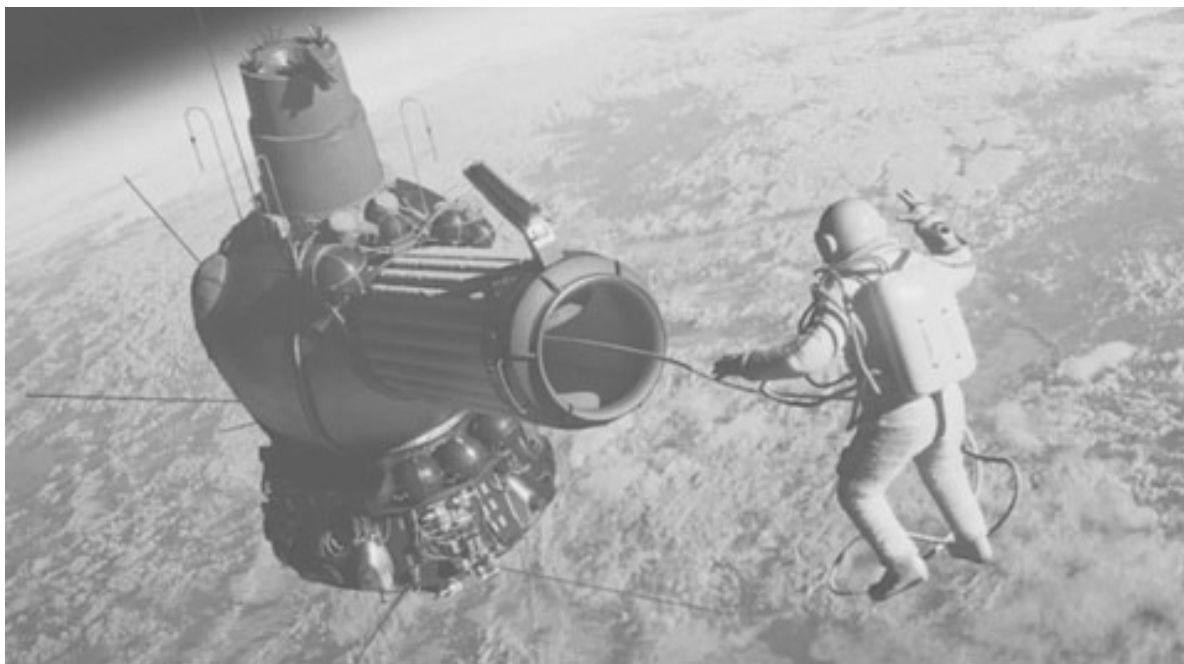
его черноту. Это была мечта простого советского человека и его призвание.

Павел Беляев в исполнении Константина Хабенского – сдержанный, опытный, немного суровый летчик и профессионал своего дела. Он готов идти на риски ради интересов своей страны, но и старается держать внештатные ситуации под контролем. Команда несколько раз оказывалась в смертельной опасности – это и большое давление в скафандре Леонова, и не запиравшийся внешний люк, который отделял их от космоса, и угроза разгерметизации корабля, и отравление кислородом, и суровые холода в безлюдном лесу – но Леонов и Беляев справились с проблемами и шли навстречу своей судьбе, какой бы она ни была.

Смелость, отвага, готовность отдать свою жизнь ради своей страны, фраза «Служу Советскому Союзу!», звучавшая как «Доброе утро!» – все это было буднично, обыденно, само собой разумеющимся для наших героев. Простой и скромный быт – стол, полка с книгами, простенький надутый телевизор с одним каналом в квартире, деревянный велотренажер, турникеты и грифели – для тренировок, даже сам корабль кажется нарочито скромным и простым. Все это отличает дух советского времени – простота и скромность, которые подкупают сразу же.

И картина получилась такая же – простая, понятная, повествовательная история о мечте, о небе, о героизме, о преодолении жизненных трудно-

стей. Я знаю, что мне не врут — сам Алексей Леонов был консультантом фильма.

Самые потрясающие моменты картины — это детская мечта космонавта, где он летает, вид звездного неба и вид на Землю через шлем. От такого просто перехватывает дыхание и бегут мурашки по телу, до чего же красива наша планета! Когда тебя от холодного, но потрясающе красивого космоса отделяет лишь скафандр — от этого замирает сердце, я сама почувствовала то, что чувствовал Леонов. Это потрясающе! Но как бы ни была красива мечта, достижение ее было очень трудным.

Времени для подготовки корабля и экипажа — мало, зато риска — хоть отбавляй. Это война, хоть и холодная, гонка вооружения, гонка космических технологий. Удачное завершение космической миссии воспринималось как победа, а Леонов

и Беляев были как солдаты на войне. И Сергей Королев в исполнении Александра Ильина понимал это, и, тем не менее, ставил на первое место жизни своих космонавтов. Строгий, сосредоточенный, расчетливый, он отдавал своей работе всего себя, без остатка.

Патриотизм через край, скажете вы? Чрезмерный героизм? Гордость за свою отчизну? Нет. Это просто история, рассказанная от первых лиц, трудности, борьба и воля. Посмотрев трейлер, я в этот же день отправилась смотреть этот фильм. И теперь я знаю, что у русского кинематографа — хорошее настоящее и прекрасное будущее.

Здесь нет ничего лишнего, все просто и лаконично, а мечта показывается в своем истинном, немного наивном виде. Теперь я знаю, что в СССР жили мечтатели, которые не боялись своих желаний и шли вперед, несмотря ни на какие

трудности. Ни на первую мировую, ни на Гитлера, ни на холодную войну. Как сказал Леонов в фильме: «Я бегал босым зимой в школу, соседи забрали у нас мебель, вещи, а потом и дом, назвав диверсантами. Потом сосед пришел и снял с меня последние штаны, так и остался я стоять в длинной рубашке. Я выгрызу себе люк, если нужно. Мы столько перенесли и пережили, неужели и это не переживем?»

Конечно, переживем. Что говорит картина? Не бойся! Мечтай, твори! Действуй, рискуй! Беги, если нужно! Но никогда не отчаивайся и не отступай! А если это смертельно опасно? Помни, ради кого ты это делаешь. Ради детей, внуков, правнуков, потомков, которые будут знать о тебе, чтить и помнить. И ради тех, кто ждет тебя дома.

Автор: Расима Ахмедова

Скучно жить

Скучно жить! Кругом одно и то же, новости как с фронта, у дикторов лица напряженные! Президент Америки на Россию наезжает. Я взял фотоаппарат, пошел к автобусной остановке, в часы пик, сфотографировал народ штурмующий автобусы, выложил американцам в Facebook в Google, внизу подписал:

«Это русские добровольцы торопятся в российскую армию попасть!»

Мне в ответ, что такое? Шум, гам, вопросительные комментарии от американцев.

Включаю телевизор, снова новости, снова президент США нагнетает обстановку и выставляет нас, русских, агрессорами.

Я за фотоаппарат. Сфоткал дачников. Те, известное дело, бодрячками с тяжеленными рюкзаками и тележками со своих огородов прутся. Выбрал самый колоритный персонаж, сухощавую, жилистую бабульку с рюкзаком на спине, с рюкзаком на груди и с багажной тележкой в прицепе. Выложил у американцев на интернет страницах с подписью:

«Ветеран Второй мировой войны рвется в бой. Все на борьбу с вой-

сками НАТО!»

Что тут было! Засыпали вопросами, неужели и женщины у вас участвуют в военных операциях?

Я опять за фотик и в деревню, где на сборе урожая выследил нескольких крепких баб, ядреных, мускулистых, одним словом: «Коня на скаку остановят!» Сфотографировал, выложил с подписью:

«Русские военнослужащие готовят площадку для запуска боевых ракет в сторону США!»

Выложил фотографию бабы в ватнике, за рулем трактора. Муж у нее, тракторист, в канавке отдыхал, пьяненький. Так баба вместо него работала, жена, как-никак. Подписал:

«Русские женщины проходят переобучение в танковых войсках!»

Поверили! Американцы выть начали, прямо со своих интернет страниц, начали выть от страха.

А еще и главнокомандующий России отдал приказ о всеобщих учениях. Прокрался я с фотиком к реке, где военные спешно строили понтонный мост. Тут и население местной деревеньки, бабки, дедки стоят, дожидаются, на отрица-

тельные махательные движения командиров не реагируют. Мост, он и в Африке мост, как не воспользоваться, когда свой, деревенский давно прохудился. Ну и снял я, как местный люд, сметая военных, понесся с коровами, козами, курами, кошелками набитыми всякой всячиной на тот берег. На том берегу, невдалеке, в соседнем селе базар был, вот и дождались деревенские, когда можно было продать какую-никакую живность, пенсии маленькие, людям всякая деньга – подспорье.

Я за фотик. Снимки хорошими получились, четкими такими.

Выложил с подписью:

«Гражданское население сдает нормы ГТО! Даже военные уступают в физической подготовке русским старикам и женщинам!»

И тут меня вызвали. В секретные органы. О чем говорили, не скажу – потому, как секрет! Только сейчас я поеду в танковые войска, затем в космические, а после снимки в интернете выложу, так что, ждите!

Автор: Элеонора Кременская

Зона

Я терпеть не могу Мишку Горбачева. Он умел только ломать. Хорошо помню его любимую фразу: «С этим что-то надо делать!» А что делать? Он тогда еще не придумал... Я бы ему сейчас столько наговорила... Но мой рассказ о другом.

В смутные девяностые я осталась одна в своём доме. С трудом оплачивала коммунальные услуги и жила впроголодь. Работы не было. Заказчики на пошив одежды, в связи с безработицей, появлялись крайне редко. Приходилось торговать на базаре. Это у меня получалось плохо. И вот, как-то зимой, мне предложили временно поработать диспетчером в РАПО (районное агропромышленное объединение). Я согласилась подменить уехавшую на длительное лечение сотрудницу. Основной моей задачей на этом посту было сидеть на телефоне, принимать горячие сводки из сел по выполнению норм и планов работ, а также отправлять телефонные депеши от районного руководства. За время работы в РАПО немного сдружилась с секретаршей, добродушной простушкой.

Был февраль. По-настоящему лютый в тот год. Снега намело столько, что селяне не могли добраться до тех немногих скотоводческих ферм,

что ещё не успели окончательно развалить. Остатки техники не справлялись с очисткой дорог. Скотина редела в стойлах. Настроение у всех было унылое. «Перестройка» ломала не только систему, но и сознание людей. Хитрожопые и беспринципные ловили «рыбку» в мутной воде, а тлеющая интеллигенция, оказавшаяся не у дел, впадала в отчаяние и пьянство. Деловые мерзавцы умышленно разваливали вполне прибыльные и перспективные хозяйства. Разбирали на «болтики» и продавали. Именно они и вышли впоследствии на «арену» жизни. Чего хорошего теперь от них ждать? Так создавалось новое общество. Очень смутный и мутный процесс.

В это тревожное время происходила «перестройка» и в моём сознании. Я часто находилась в депрессивном состоянии, тщательно скрывая это от посторонних за широкой улыбкой. Работа в диспетчерской несколько отвлекла меня от мрачных мыслей. Я шла в РАПО с удовольствием и старательно выполняла свои обязанности.

И вот, февральским утром, просыпаюсь и вижу, что снега намело до самых окон. Рабочий день в диспетчерской начинался в семь утра. К этому времени хоть бы центр

города успели расчистить. А о том, что разгребут завалы в нашем дальнем переулке и мечтать не приходилось. Но надо как-то добираться. Выхожу и ... о, диво! По проулку проложена тропинка до самой дороги. Иду. И чем дальше, тем больше удивления. Дорога расчищена! На обочинах снег, а дорога гладкая и ровная. Только никого на ней нет. Ни людей, ни машин. Пока шла по дальней от центра улице, меня это особо не напрягало. Но, вот, выхожу к центру городка. Здесь, так вообще, красота. Расчищены все тротуарчики. Снег лежит гладко укатанный и на нём ни единого следа. Что это? Может быть, мои часы врут и сейчас ещё очень рано? Но нет! Электронный циферблат городских часов показывает, что уже без пятнадцать семь. В это время наш город просыпается. И кто-то ведь чистил эти дороги? Почему нет следов ни от машинных колёс, ни от обуви людей?

Начинаю осознавать, что вновь попала в какую-то «зону». Прошло то время, когда я беззаботно шагала в таких местах. Остановилась и подумала, что надо бы внимательней рассмотреть окружающее и зайти к кому-нибудь из знакомых в дом. Может такое посещение поможет мне разобраться в этой ситуации?

И только стала придумывать предлог для столь раннего визита, внезапно налетели птицы. Их было сотни две. Огромные чёрные вороны. Они приземлились возле заснеженного фонтана, и перегородили дорожку именно к тому дому, куда я намеревалась зайти. Выглядели вороны зловеще. Поражали их большие клювы и блестящие глаза. По спине побежали мурашки. Я поняла, они меня не пропустят...

Пустынный город, странные вороны. И тишина. Птицы не каркали. Только тихо поскрипывал снег под их мощными лапами, и иногда проносился шум от взмахов огромных крыльев. Чем явственней для меня проявлялось, что нахожусь я в каком-то непонятном пространстве, тем напряжённей становилась обстановка. Вороны, казалось, понимали, о чём я думаю. Четко осознала, что ни к кому из знакомых зайти не смогу.

Как всегда в таких ситуациях, появляется лишь одна спасительная мысль – не смотреть в сторону исходящей угрозы. И в этом есть резон. Когда переступаешь черту в какую-то запредельность, выход из нее лежит не через контакт с этой запредельностью, а наоборот – усиленное абстрагирование от этой «зоны».

Решила уходить и не глядеть в сторону загадочных тварей. Заставила себя думать о работе и быстро зашагала по рас-

чищенной и пустынной дороге. И только во дворе РАПО успокоилась. Быстро вошла в нужную дверь. Здесь всё было обычно, как всегда, кроме того, что в диспетчерской сидела незнакомая мне женщина и что-то записывала в журнал. Диспетчер в РАПО начинала работать на час раньше всех остальных сотрудников. В коридорах тишина и пусто.

- Здравствуйте, - мило здоровается женщина и спрашивает, - вы к кому?

- А вы кто? – отвечаю на вопрос вопросом.

- Диспетчер.

Я знала, что меня пригласили временно поработать, но не предполагала, что замена придёт так скоро и без предупреждения. Зачем-то заглянула в журнал. Он был практически весь исписан, хотя ещё вчера было много листов в запасе. Когда она успела столько нацарапать?

- Я вас подменяла, - сказала, рассматривая брошь на её блузке.

- Так это вы! А я - Наташа. Приятно познакомиться. Вы так спешно рассчитались, даже не дождавшись меня.

Я не поняла, о каком расчёте она говорит, но не стала спрашивать. Настроение у меня обнулилось. И месяца не поработала, так что получу копейки и то, неизвестно когда. Зарплаты везде держивали. Попрощалась и ушла. Домой возвращалась другой дорогой. Кру-

гом спешили люди на работу. Колесили машины, но я уже не думала о снеге, пустом городе и воронах. Нужно было придумать, как заработать деньги на хлеб насущный. И придумала, пока дошла домой. Нарисую коллекцию вечерних платьев, так сказать, эксклюзив, полёт собственной фантазии. Пойду по школам к старшеклассницам, приглашу их шить выпускные платья у меня не дорого и безумно модно. Так что домой пришла немного успокоившись. Через час прибежала соседка.

- Ты чего на работу не вышла? У меня телефон разрывается, тебя ищут. Даже мой номер узнали и требуют, чтобы ты немедленно явилась.

Первой меня в РАПО встретила секретарша.

- Привет! Ты где пропала?

Я рассказала ей, что приходила на работу вовремя, но поскольку вернулась их постоянная сотрудница, ушла домой и намеревалась прийти завтра за расчётом и попроситься со всеми, с кем успела познакомиться.

- Какая сотрудница? – удивилась секретарша. – Тебе ещё не меньше недели здесь работать. И может быть, тебя оставят в РАПО. И кого ты здесь видела? – продолжала удивляться секретарша. – Когда я пришла, дверь была заперта.

Я подробно описала внешность женщины, которая представилась мне Натальей и добавила:

- У неё на кофточке была интересная брошь в виде ползущей ящерицы с изумрудными глазами.

Эта подробность очень удивила секретаршу, потому что у Натальи действительно была такая эксклюзивная брошь. Только самой Натальи в тот момент не было в городе. Секретарша мучительно обдумывала почему я сочинила столь запутанную историю, оправдываясь за не явку на работу. А я, в тот же день написала заявление, с просьбой меня рассчитать. В моей голове уже зрели сногшибательные фасыны выпускных нарядов.

Не нужно полагать, что каждый мой день начинался и заканчивался мистикой. Обычная череда событий. Но параллельно ей выстраивался тайный ряд особых ситуаций и явлений, которые врывались в будни и вязали меня по рукам и ногам, диктуя свою волю. Не я инициатор всех этих событий. Не я ими руковожу. Это они лезут в мою жизнь

Я часто пытаюсь дать объяснение тому, что сама объединила словом «зона». Что же это, черт возьми, такое?!

Я прекрасно понимаю, что никто специально для меня не расчищал улицы города, что город не был пустынным, что не живут в этом городе в тайниках жуткие вороны. Но я шла по улицам, видела все это, ощущала холод, снег, и наконец, я

пришла в РАПО. Только пришла в другое время.

Но во всех этих ситуациях есть одна общая для них составная – это измененное состояние сознания. Оно сходно легкому опьянению. Никаких наркотиков я никогда не употребляла и не употребляю. Алкоголем не злоупотребляю. Это состояние возникает именно в запредельных ситуациях.

И как бы я не сопротивлялась наваждению, как бы не стремилась, все осознать и понять, именно в тот миг, когда происходит НЕЧТО, мне это не под силу. Невозможно взять верх над тем, что гораздо сильнее тебя.

Входя в пространство «зоны», я не вижу никакой границы, не ощущаю никаких воздействий на свое тело. Не сверкают молнии и не бушуют громы, меня не раздрает на части. Иногда я вижу при этом туман. Но и он не обязательный атрибут таких явлений. А что представляет собой сама эта «зона»? Имеет ли она пространство, протяженность, занимает ли именно ту местность, которую я вижу, пребывая в ней. У меня есть лишь догадки. Прежде я расскажу еще несколько удивительных историй и после попытаюсь изложить свои мысли по этому поводу. Что же такое «зона»...

Если человек всю свою жизнь верил в Бога и посвятил ее этой вере, то никакие доводы, никакие разоблачения религиозной

лжи не поколеблют его веру. И будут восприняты им, как ересь. Ведь потерять веру для такого убежденного приверженца религиозных взглядов – все равно, что перечеркнуть смысл всей своей жизни. Я не ставлю перед собой таких грандиозных задач – искоренять веру у верующих.

Также яркий сторонник атеизма и прагматизма, которые давно и цепко заселили его сознание, никогда не примет идеи мистицизма и лишь усмехнется над их ересью. Потому что не захочет перечеркивать смысл своей жизни. А я вовсе и не собираюсь переубеждать сторонников атеизма и прагматизма.

А многочисленные гуру, никогда не согласятся с иными взглядами, не разделяющими их точку зрения. А я не собираюсь с ними спорить.

Я просто приглашаю в свой мистический мир. А как вы его воспримете – это ваше личное дело. Надеюсь, вам не скучно читать мои истории. И верите вы мне, или нет – они не плод моей фантазии.

А сейчас хочу рассказать о том, как сама понимаю происходящие «чудеса» в той «области», которую назвала ЗОНОЙ. Понимание мое достаточно ограничено, без научных терминов и доказательств. Но основано оно не только на интуитивном восприятии. Ведь кроме размышлений на данную тему, я имею опыт лично-

го соприкосновения с «зоной». И пусть он странный этот опыт, и не имеет разъяснительных шпаргалок, я попытаюсь воспользоваться тем, что было дано.

ЗОНА – это виртуальное, несуществующее безграничное пространство. Понимаю, что такое утверждение выглядит более, чем нелепо. Но не спешите с выводами. Сравнить понятие: «зона» можно с компьютерными понятиями: «гигабайты, мегабайты и т.д.» Сравне-

ние достаточно условно, но лучшего не нашла. Единица измерения количества информации, сама по себе не является информацией. А представляет собой гипотетический объем, который можно заполнить информацией.

Мир запредельности – далеко не компьютерные технологии. Но какие-то аналогии можно провести. ЗОНА – это виртуальная дверь в запредельный мир. За этой дверью нет ничего. ЗОНА – гипотетический мега-

мега-мегаБайт!!! Шагнув в эту ЗОНУ, человек своим присутствием пишет свою страницу. И страница эта не имеет ни протяженности в реальном обозримом пространстве, ни объема, ни ВРЕМЕНИ. Это иное измерение.

Шагнув за эту дверь, можно выйти в необозримое прошлое или будущее. Если машина времени существует – то это она. И это очень страшная машинка.

Автор: Абасада

Чудо

Пришёл август. Последний месяц каникул, перед последним школьным годом. Во дворе было скучно. Все куда-то разъехались отдыхать. Я ни на какие поездки не рассчитывала. И вдруг!!! Приходит однажды мамочка на обед с работы и говорит:

- Я договорилась, чтобы тебя включили в группу, которая едет на экскурсию в Ленинград. (Тогда этот город назывался так). Это тебе подарок от меня.

Мать работала в детском садике няней, а поездку организовывал районный отдел образования, в подчинении которого находились все школы и детсады. От такого неожиданного подарка я, конечно же, была в великом восторге и прыгала от нахлынувшего счастья. Ну кто не пожелал бы по-

бывать в легендарном и прекрасном Ленинграде? Мать, ласково на меня смотрела, что было ещё более неожиданно, чем сам подарок.

- Готовься. Ехать через три дня, - сказала и ушла.

Я достала рюкзачок, который брала с собой на все школьные экскурсии и стала паковать вещишки. Не было сил ждать ещё три дня. Вечером пришла мамка с работы и, увидев потёртый рюкзачок, красовавшийся на почетном месте посреди комнаты, спросила:

- Это ещё что такое?

- Как что? Готовлюсь, - ответила озабоченно, перебирая всякие, очень нужные, мелочи.

- Куда? – ласки в мамкином голосе не было.

Я подняла глаза и

увидела сердитое лицо.

- Что, опять в школе экскурсию организовывают? – спросила она.

- Так ты же договорилась в Районе о том, чтобы меня взяли в Ленинград, - сказала с замешательством, чувствуя, что поездка может не состояться.

- Какое Район? Какой Ленинград?! Совсем спятила? – мамаша хваталась за голову. – Сколько ты будешь надо мной издеваться?!

Я засопела, глотая слезы и сопли. Что-либо говорить было бесполезно.

Прошло два дня. Мы с мамкой почти не разговаривали. Мы вообще с ней мало общались. Это был период, когда мы жили вдвоем. Сестра училась в другом городе, а отец устроил себе очеред-

ные отгулы от семейного быта. И прохладился у какой-то бабенки.

Под кроватью пылился рюкзачок. У меня всё ещё теплилась надежда.

- Мама, так мне собираться или нет? – наконец, к концу третьего дня решила я спросить. – Завтра едут, – добавила неуверенно.

- Я ничего ни о какой поездке не знаю, – зашипела мамка.

Моя надежда рухнула, но рюкзак я почему-то не разобрала. Утром следующего дня она, как всегда, рано ушла на работу. Я валялась в постели и тихонько поскуливала. Вдруг услышала голос в коридоре.

- Вставай! Соня! Хватит плакать. Бери вещички и пошли. Там уже все собрались, тебя ждут.

Вскакиваю. За спиной, словно крылья взметнулись. Она стоит на пороге и ждёт меня. Она – и не она... В том же платье, что пошла на работу. Те же туфельки, те же чёрные глаза и химическая завивка на смоляных волосах. Но что-то не так. Она улыбается открыто и легко. И от неё идёт тепло. Она приходила ко мне часто. Всегда странно приходила и странно уходила, исчезая за дверью. Кто ОНА? Этот вопрос я решу очень не скоро. А тогда....

- Мамочка, спасибо тебе. Ты меня отправляешь? Я так хочу в Ленинград!

Мне хочется к ней

прильнуть. Это невидаль. Я ощущаю то, чего была всегда лишена – настоящую любовь к матери. Она со мной говорит. Спокойно, тихо и держит руку на моём плече.

- Валя! – из её уст по-новому звучит моё имя – не Валька, а Валя. – Это будет не лёгкая для тебя поездка. Но, все же, ты будешь ей рада. Посмотришь Ленинград

- Пойдёшь одна. Возле районо уже собирается группа. Тебя встретят не очень радушно, но будь терпеливой, – давала она мне наставления. – Скажешь, что ты записана в группу под именем: «важная персона».

Услышав это, я зарделась.

- Что ты! Я не смогу так себя величать!

- Пришлось так записать, не то, поездка для тебя не состоялась бы.

- Лучше я не поеду...

- Успокойся, – она гладила меня по голове. – Так надо. Ты должна уметь постоять за себя. В конце концов, избавляйся от своего внутреннего «зайца».

Я опустила глаза. Про внутреннего «зайца» ведь правда, хоть я его и стараюсь заткнуть, но он все равно, время от времени уши выставляет и дрожит внутри.

- И запомни счет. – Она называет число.

- Что это за счет? И почему мне надо его запомнить?

- Когда спросят, назовешь это число. Те-

перь иди, – легонько меня толкает.

Оставшись одна, почувствовала, как вдруг рюкзачок на плече стал тяжелым. Мне нужно было влиться в группу, а значит преодолеть своего «зайца».

В группу входили несколько учительниц со своими великовозрастными дочерьми, бухгалтер из Районо, дочь на выданье, няньки и пчеловода с мамкиного садика, здоровенный дядька, самодеятельный актёр из дома культуры. Лица все знакомые друг другу.

Когда я к ним подходила, они громко обсуждали важную персону, и даже не расслышали, как я поздоровалась. Я стояла возле ник понуро, как вкопанная.

Наконец меня заметили.

- Что ты здесь делаешь? – спросила мамкина сотрудница, провожавшая свою дочь. – Мы здесь собрались по делу и ждём ещё одного человека. А ты Валя иди...

У меня в горле образовался ком, но помня наставления о терпении, не стала уходить, лишь отошла от группы на приличное расстояние, не решившись сказать что я и есть та «важная персона». Представила, как меня засмеют после такого высказывания, и на миг у меня закружилась голова. Невольно прислонилась к дереву. И вдруг в уши ударили необычные звуки. Даже не сразу поняла, что происходит. Мимо

летела муха, как в замедленном кино и громко хлопала крыльями. По листку на дереве, под которым стояла, полз червяк и противно хрипел. В древесине что-то рычало, как трактор, где-то над головой в листве, кто-то чавкал. Испуганно закрыла уши ладонями. Всё стихло. Медленно отрываю. Мух и червяков более не слышу, зато ясно и чётко различаю каждое слово в кругу группы. Зная, что подслушивать нехорошо, отхожу ещё дальше. Но звуки, следуют за мной, и разговор экскурсантов отчетливо звучит каждой нотой.

- Я вас слышу! – сказала громко в их сторону, но на меня никто не посмотрел. Я стояла далеко.

- Эта Валя, вообще, со странностями, - заявила мамкина сотрудница и покрутила пальцем у виска, – И Лида (так звали мою мамку) ей не родная мать.

У меня потемнело в глазах.

- Девчонке ничего нельзя говорить, она сама не понимает, что с ней происходит, - продолжала нянька-пчеловод. - Главное, ей ничего не напоминать. А когда вырастет, всё забудет и станет такой, как все.

Вердикт по поводу моих странностей меня в тот миг зацепил менее всего. Во мне нарастал гнев. Я шла в толпу экскурсантов, забыв о своем «зайце».

- Почему вы говорите, что Лида не моя

мать? – спросила в упор. - И я не со странностями.

Нянька сникла.

- Она всё слышала! – взвизгнула Ирочка, дочь училки, хорошенькая и избалованная старшеклассница.

- Ты знаешь, что подслушивать нельзя, - начала, было, меня песочить училка, но осеклась, взглянув на то расстояние, с которого я «подслушивала».

- Валечка! Это я просто так сказала! Придумала все!!! Ты прости меня и ничего Лидочке Михайловной не рассказывай.

Нянька тараторила всякую чепуху, убеждала, что Лидочка, конечно же, моя мама, тербила меня за руку и уговаривала ничего не рассказывать Михайловне, чтобы её не расстраивать. Я, в который раз, поверила...

- Хватит нам тут головы морочить, - сказал дядька, не понятно к кому предъявляя претензии. – Нам ехать пора. На поезд опоздаем.

- Так, предупредили в Районо, если не придёт некая важная персона, счет аннулируют, - вздохнула бухгалтерша, – и тогда можно ехать только за личные деньги.

Экскурсанты зароптали. Ехать за личные деньги никто не хотел.

- Так где же она, ваша персона? – басил сердитый дядька актер.

- Это я, - выговорила с трудом, опустив от стыда голову.

- Ещё чего не хва-

тало! – хмыкнула Лариса, для которой поездка стоила не одной банки мёда.

- Мама сказала, что так нужно было записать. Иначе, меня бы не взяли, - мой заяц дрожал и плакал, но очень хотел в Ленинград.

- Лида ничего про Ленинград не знала и не просила за неё, - ткнула в меня пальцем мамкина сотрудница.

- Если ты важная персона, тогда скажи номер, - сквозь круглые очки на меня уставилась бухгалтерша.

Я уверенно продиктовала число, которое, очень хорошо выучила. Очки бухгалтерши сползли на нос, и она закусила губу.

- Это номер счёта, по которому оплачивается поездка. Его знаю только я и «важная персона». Если она не поедет, счёт аннулируют.

- Кто это всё устроил? – спросил дядька.

- Не известно, - ответила бухгалтерша. - Знаю, только, что с области прислали разрешение открыть счёт. Нам поставили условие - одного человека, который назовёт номер счёта, мы должны взять безоговорочно. Остальных членов группы подбираем на своё усмотрение. Поэтому в ведомостях мы этого экскурсанта записали, шутя, «важная персона».

- Кто тебе сказал номер счёта? – спросили меня.

- Мама, когда меня провожала.

Из-за непонятной ситуации, ехать со мной не хотели многие. Долго спорили. Каждый норовил высказать своё мнение. Большой дядька хлопнул в ладони, призывая всех замолчать, и сказал:

- Я не знаю, кто так обставил и состряпал это дело, но в Ленинград хочу попасть. Когда ещё придётся там побывать? И придётся ли? Так что, давайте заканчивать разбор, а то опоздаем на поезд. Пусть едет с нами, - махнул он рукой, глядя на меня.

Отказалась от поездки только Ирочка, вернее её мама.

- Доченька, - сказала историчка, - я не могу тебя отпустить в такой компании. - она вытирала слёзки шестнадцатилетней девицы и уговаривала её. - Ирочка, мы поедем всей семьёй, как только нам с папой оформят отпуск. Нам не нужны такие трюки и фокусы, что показывает ненормальная девка.

- Я хочу поехать с ними, - ныла Ирка. - Она одна такая дурочка, а все остальные нормальные. Они ведь едут...

Но училка настояла на своём.

А мы поехали... Впереди нас ждал Великий город. Это была не простая для меня поездка. Особый подарок!

Однажды, в августе месяце в свои неполные шестнадцать лет, как поощрительный приз за не легкие будни, я получила шикарный подарок - по-

ездку в легендарный город Ленинград. Так этот город назывался в то время. Мне название нравилось, и оно у меня никогда не ассоциировалось с именем вождя пролетариата. Есть река Лена, есть женское имя Лена. И вообще, просто красиво звучало - Ленинград!

Бесплатную экскурсию на две недели организовал районный отдел образования. В состав группы входило пятнадцать человек. Попала я в эту группу довольно невыигрышным путем, и трудности мне пообещали не шуточные. Но это не испортило мне настроения и ожидания встречи с Великим городом.

Итак, Ленинград. Условия проживания у нас были скромными. Комната для женщин с кроватями в два ряда и тумбочками, туалет и душ. И такие же "апартаменты" для мужчин. Питание не домашнее, зато бесплатное. Меня всё устраивало. Ведь это был Ленинград! Красивый город, музеи, парки, мосты. У нас была насыщенная программа. К счастью, в состав группы входили, в основном, заядлые экскурсанты, а не шопоголики, и за две недели мы все же увидели Ленинград, а не барахолку. Вечером, старшее поколение шло отдыхать, а мы, молодежь, бродили по городу до полуночи.

Но обещанные мне трудности не заставили себя ждать. Они, как обратная сторона медали,

всегда присутствовали. За каждый чудный подарок, плату требовали сразу. А вот за «ношу» и ее груз расплачивались не аккуратно. Поэтому откладываю многие горькие мистические истории из Ленинграда в свою копилку памяти. Они остались за гранью этого мира. Но одну, особую, хочу рассказать.

Наша молодежная группка состояла из семи школьников, старшеклассниц, и одной взрослой девушки Ларисы. Лариса - дочь мамкиной сотрудницы в детском садике, очень красивая яркая, двадцати лет отроду. У нее осенью намечалась свадьба. И конечно же, к свадьбе Лариске хотелось купить всякие нужные вещи и вещички, которых в нашей провинции не сыщешь.

Поскольку наши мамки работали вместе, то и мы с Ларисой давно знали друг друга. Я очень хорошо к ней относилась и считала ее милой и доброй. Впрочем, я всех считала милыми и добрыми. А Лариса захотела «прокатиться» по моей дурацкой доверчивости. Пару дней она хитро меня обманывала и вместо экскурсий таскала за собой по магазинам, используя в качестве дежурной в очередях за дефицитом.

Но обман быстро раскрылся. Ларису отчитала бухгалтерша из районо. И как ни странно, не я обиделась на произошедшую ситуацию, а «добродушная» Лариска.

В общем, как всегда, недоброжелатель вырисовался. Оставалось только найти повод для «битья». И повод тоже не заставил себя ждать.

Прогуливаясь с девчонками по вечернему Ленинграду, мы оказались у Исаакиевского Собора. Я любила бродить в старинных зданиях, величественных храмах, большинство из которых в советское время стали музеями. Исаакиевский Собор также, в порыве борьбы с религией, был превращён в государственный музей, и церковное богослужение в нём возобновилось лишь в перестроечные годы.

Было поздно. В свете ночных фонарей Собор выглядел загадочно и фантастично. Мне очень хотелось зайти внутрь здания. Я даже не задумалась о том, что музей давно должен был быть закрыт для посетителей. И поскольку, Исаакиевский Собор - дорогой музей, с дорогими экспонатами, то наверняка, находился под особой охраной. Центральные тяжёлые старинные двери были наглухо закрыты. Но обходя здание, я вдруг обнаружила менее помпезную приоткрытую дверь. Заглянула. Внутри неяркий свет освещал колонны, иконы на стенах. И главное, никто не препятствовал входу в Собор.

- Идите сюда! - позвала девчонок, что стояли на аллее, ведущей к ступеням, и не решались подойти к дверям музея. -

Здесь открыто, и можно войти.

Оглядываясь по сторонам, с опаской, они приблизились. Я вошла первой. Девицы за мной.

- Можно всё посмотреть, только тихо, - сама не осознавая, почему дала такое распоряжение.

Мы бесшумно ходили по залу и рассматривали старинную церковную утварь. Мои спутницы держались кучкой, чуть поодаль от меня и перешёптывались. Исаакиевский собор - старинное и очень помпезное сооружение. Это не маленькая церквушка. И заблудиться в соборе такого масштаба не сложно. И очень скоро девчонки забеспокоились не на шутку. Потому что в соборе никого, кроме нас, больше не было.

- Нужно уходить отсюда! - сказала Лариса.

Она среди остальных девчонок имела наибольший авторитет, как самая старшая и самая «умудренная». И тут, мы обнаружили, что все двери закрыты.

- О, Господи! Как мы сюда попали! Что теперь будет! - девчонки роптали в испуге.

- Не бойтесь - сказала я, - нужно найти ту дверь, в которую вошли. Она открыта!

Мы походили. Но такая дверь почему-то не нашлась. Более того, были закрыты и все остальные двери, которые встречались на нашем пути. Мы, оказались словно в западне. Все испуганно притих-

ли, и только я оптимистично продолжала дергать ручки церковных дверей.

- Хватит нам мозги пудрить! - сказала Лариса, и голос её прозвучал зло. -- Ты - мошенница! - она смотрела мне в глаза. - Проникла в группу, как жулье какое-то. Ты что думаешь, нам всем эта поездка бесплатно досталась? Одна ты без гроша в кармане здесь ошиваешься! Может, ты нас гипнотизируешь? А? Ты знаешь, что нам будет, если нас тут обнаружат?!

Я опешила. Не ожидала услышать и увидеть столько неприязни в свой адрес.

- Вход в музей закрыт! Поняла?! - всхлинула самая младшая из нас.

- Как ты нас сюда завела, падлюка! И, вообще, кто ты такая? Как это у тебя получается? - Лариска толкнула меня.

Я упала и почувствовала пинок ногой в живот, потом ещё один и ещё... Посреди Храма меня били ногами девчонки. Не пришельцы из тонкого мира, не барабашки, не одержимые, не маньяки, не преступники... Меня били обычные девчонки, мамыны дочки, дети учителей. Пинки острыми носками модных туфель не прекращались, а усиливались с нарастающим роптанием и ненавистью ко мне. Непонимание и зависть затмевает человеческий разум. Особо старалась Лариса...

Удар в висок был

решающим. На миг он меня отключил. А уже в следующий миг, я стояла за спиной девчонок, которые плотным кольцом окружили «нечто».

- Что вы там рассматриваете? – спросила, стараясь протиснуться и увидеть «нечто».

Но меня все игнорировали.

- Она что, сдохла? – спросил кто-то из девиц.

«Мышь они там дохлую нашли, что ли», - подумала я.

- Ой! Что теперь с нами будет? – взвизгнула другая.

- Надо сваливать, - рассудила Лариса.

Еще раз попыталась втиснуться в их круг, и буквально прыгнула на непробиваемую стену. Этот прыжок имел странные последствия. Я внезапно оказалась в другом конце длинного коридора и увидела приоткрытую дверь.

- Дверь!!! Нашла открытую дверь! – крикнула я девчонкам. – Идите сюда!

Не дожидаясь их, проскользнула за двери. Но за мной никто не последовал. Меня никто не слышал. Как только я вошла, дверь бесшумно захлопнулась. А меня ослепил яркий свет и я на миг зажмурилась.

Открываю глаза и вижу огромный зал, освещённый горящими свечами и утопающий в море живых цветов. Широко распахнутые двери центрального входа. От них тянется красная дорожка,

на которой стоят священники в ярких нарядах, со свечами и с церковной атрибутикой в руках, и поочередно читают непонятные мне тексты на старославянском языке. По обе стороны от них множество людей, которые крестятся и низко кланяются, когда священники провозглашают молитвы. Сладко поёт церковный хор. Идёт какое-то праздничное богослужение.

Я остановилась в самом тёмном углу возле колонны и наблюдала за этим действием. Вдруг с улицы послышался перезвон колокольчиков и цоканье копыт. Звук был не громким, но всепроникающим. Его услышали все. Сквозь пение, сквозь громкие возгласы батюшек звенел приближающийся колокольчик. Люди повернули головы к входу. Из возникшего облачка у самой двери появилась в мерцающем свете расписная чудная карета с тройкой лошадей. Стояла она прямо у входа, на мраморной площадке, а не внизу на аллее, за ступенями. что было не возможным по логике вещей. Но логики в тех событиях не было.

Дверь кареты открылась и из неё вышло Двое. Я не знала, кто Они. Они вошли в Храм. Вся толпа пала ниц, и даже священники, державшие в руках свечи и тяжелые старинные книги. На миг по залу пронёсся возглас удивления, и всё замерло в тишине. Я прижалась к колонне и словно раствори-

лась в её темноте. Двое ни к кому конкретно не подходили. Стояли недолго посреди зала, о чём-то говорили. После прошли по дорожке мимо замерших священников и словно растворились у Алтаря. Алтарь мне было плохо видно и поэтому миг исчезновения Приходивших, ускользнул от моего взора. Но я видела, как карета вновь скрылась в облачке, услышала тихий звон удаляющихся колокольчиков и стихающий вдали стук копыт.

Я вспомнила о девчонках, которые почему-то не захотели пойти за мной и не смогли увидеть столь великолепную и фантастичную картину. Как и кто устроил это действие, мне было не ясно. Как карета могла оказаться прямо у входа, минуя ступени? Что за белесое облачко её укрыло? Но, кто-то, же, смог всё это устроить?! Я подумала, что нужно быстро позвать моих спутниц, пока ещё не закончилась служба, и пусть посмотрят на эту красоту. Тихо проскользнула в боковую дверь. Девчонки всё так же стояли кучкой, испуганно перешептывались и оглядывались по сторонам.

Новая моя попытка протиснуться в их круг закончилась моим падением и осознанием, что лежу на холодном церковном полу, и что у меня болят бока.

Неизвестно, как закончилось все это, если бы не вышел из-за боковой двери какой-то стари-

кашка, позванивая связкой ключей. Может сто-рож?..

- Вы что тут устроили, мерзавки? И как сюда пробрались? - спросил он и, не дожидаясь разъяснений, прикрикнул, - Пошли вон! - подошёл к входной двери и распахнул её.

Я вышла последней. Понуро спускалась со ступеней. Девки стояли на аллее и ждали меня. Подходить к ним не хотелось. Говорить тоже. Но надо возвращаться в гостиницу. Они заговорили первые.

- Ты не расскажешь никому об этом? - спрашивали хором, окружив меня и отряхивая моё платье.

Я отрицательно мотнула головой. До самой гостиницы, где нас разместили, не проронила ни слова. Незаметно глотала нервный ком в горле. Зашли в комнату, разделались тихо, не включая свет, легли спать. Я тяжело провалилась в бездну сна.

Утром, открываю глаза и вижу на поручнях кровати своё платье. Оно грязное.

- Где это я вчера так вывалилась? - спрашиваю.

В комнате молчание.

- Может, я упала и не помню? - высказываю предположение.

- Ты что, не помнишь, где мы вчера были? - спросила Лариса.

- Помню! - ответила уверенно. - А вот поче-

му платье грязное и бока болят - не помню.

Кто-то хихикнул, но все остались довольны моей внезапной выборочной забывчивостью.

Большое счастье, что имела такую награду - способность забывать. Во что превратилось бы для меня путешествие в прекрасный город, если бы в памяти крутились разъярённые лица "подруг", дубасивших меня в Храме? Я помнила главное - Исаакиевский Собор, службу в нём и невероятное Чудо. В памяти до мельчайших подробностей зарисовалась карета, тройка лошадей и явление Двоих. Помнила, как мы все вошли в собор, как я попала на службу, как потом вернулась к подружкам и мы вышли в дверь, которую нам услужливо открыл старенький сторож. Потом ехали в трамвае, потом пришли и, не включая свет, улеглись спать. Вот и всё. Время открытия сундучка памяти было ещё далеко.

Лариса той осенью вышла замуж. Родила двоих детей. И все у них было вроде хорошо в семье, пока не грянул гром. Однажды она застала мужа с любовницей. Произошла драка и убийство. Подробностей этой трагедии не знаю. Ларисе тогда было всего тридцать пять лет. Услышав о ее гибели, я искренне переживала.

С тех пор прошло немало лет. Уже давно нет Ленинграда. Есть Петербург. В моей жизни произошло много событий, и

мне было не до воспоминаний о далекой экскурсии. Забылись и экскурсанты. Давно никого из них не видела. А может уже не узнавала. Люди с возрастом меняются. Забыла даже о гибели Ларисы. Но встретиться нам еще один раз довелось...

Это случилось, когда я продала свой дом в родном городке и собиралась уехать. Был август. Жаркий день. Мой последний день в этом городе.

Иду домой, хотя это уже не мой дом. Иду по до боли знакомой дороге. В последний раз. Завтра уезжаю. Навстречу мне женщина, лет тридцати - тридцати-пяти. Молодая, красивая. Подходит вплотную.

О! Боже! Лариса!!! Это ты? - останавливаюсь и изумленно ее оглядываю. - Здравствуй! Как давно тебя не видела!

Она поздоровалась. Только лицо не радостное. А я не перестаю удивляться.

- Ты так молодо выглядишь! Просто умница! Как же я рада тебя видеть!

Ни на миг, во время нашей встречи, у меня не пронеслась в голове мысль о ее гибели. Смутил лишь ее грустный и какой-то поникший взгляд.

- Что с тобой? - спросила. - Может ты забыла меня? А я здесь тараторю...-Помнишь Ленинград?

- Прости меня, - сказала она и пошла

прочь.

Мне показалось это странным. Подумала, что встретились не вовремя. Оглянулась ей вслед, но на пустынной дороге никого не было.

- Ну что ж, прощаю, - махнула рукой и

пошла далее.

О том, что Ларисы давно нет в живых, вспоминала уже после того, как покинула город.

Когда-то в Исаакиевском соборе случилось ЧОДО. Чудо- иллюзия. Я его уже видела. Но для

сотен петроградцев оно ещё только случиться. В ? году, в один из Великих августовских церковных праздников, к Храму придёт карета...

Автор: Абасада

Путь

Они шли наверно уже час, его проводник молчал. Молчал и Алексей. Эта дорога не была похожа ни на одну из тех, по которым ему приходилось ходить. А видел он разные дороги. И широкие, проходящие из города в город, лесные и горные, доводилось ходить и по таежным тропам.

Но эта дорога была абсолютно другой. Не был похож и его проводник ни на одного из тех людей, с кем он проколесил полстраны.

Каменное русло давно высохшей реки плавно тянулось вверх, извилисто проходя по телу этой закрытой от невежественного взгляда, сокровенной горы. Когда река высохла было неизвестно, и неизвестно почему вода покинула это русло. Хотя неизвестно это было Алексею. Похоже его провожатый знал все. Знал, но не говорил.

Они познакомились в Богом забытом посёлке. В забегаловке на привокзальной территории. Алексей ждал автобус, который должен был

отвезти его в город. Заканчивалась его экспедиция по Алтаю. Он собрал достаточно материала для хорошей статьи, его ждали в редакции. Он позвонил и сообщил дату приезда.

И тут это знакомство. Совершенно неподвижное и необычное, но явно записанное в его книгу судеб.

Рослый алтаец был очень красив. Трудно было определить его возраст, можно было сказать что ему чуть за тридцать, а можно запросто сказать что далеко за пятьдесят. Он стоял за круглым столом, являющимся неотъемлемой частью таких забегаловок, и ел пирожок, запивая его томатным соком.

Взгляд был расфокусирован, как будто он заглядывал внутрь пространства. В общем то ничего особенного, если бы не шепоток за его спиной.

Алексей стоял в дальнем углу и тоже заправлялся немудрёной общепитовской едой. Рядом пристроились три местных алкаша, пиво и су-

хая рыба источали неприятный запах который смешивался с и без того тяжёлым воздухом в комнате. Они вяло трепались черт знает о чём. Но через какое-то время компания зашептала.

- Ишь, смотри, Дикий стоит. Опять клиента ищет. Говорят он в прошлый раз какого-то иностранца водил. Туда говорят отвёл, а обратно один спустился. Хотя может брешут. Но того немца больше никто не видел в посёлке.

Мужичонка в замызганной кепке, с сизым носом хронического алкоголика, прищурив глаза глядел в спину Дикого. Остальные, вжав головы в плечи, тоже исподлобья вглядывались тому в затылок. Потом цыкнули и отпили по глотку пива.

Дикий обернулся, алкаши как-то вдруг сникли, опустили глаза и сделали вид, что вообще не заметили его присутствия. Сизоносый немного приподнял голову, удивленно поднял брови, вроде как только заметил Дикого и прикоснувшись к козырь-

ку кепки, криво улыбнулся в приветствии. Тот никак на приветствие не отреагировал и допив сок вышел из забегаловки.

- Уффф... Ну зыркнул, как-будто пулю пустил. Дикий и есть Дикий. Чёрт его знает, странный он. Что он на ту гору ходит? Все её за три километра обходят, место страшное. Туда никто из добрых людей никогда не подымался. А этот сам ходит, и народ пришлый водит. Да люди то странные к нему приезжают.

- Это точно, в том году помните компанию? Я к ним подошёл сотенку сшибить, так те не слова ни сказали, отвернулись как будто и нет меня.

- Не чистое дело говорю вам. Бабка мне так и говорит: нехристи и колдуны. Кто ещё на чёртову гору пойти отважится. От туда даже скотина не возвращается.

Алексей наострил уши, это было интересно. Если то, что говорят эти мужики правда, то это сенсационная статья. Редактор ему за такую статью прилично отвалит денег. Но это не главное. Важнее сама история, само приключение. Если все выгорит, то можно здорово развлечься.

Конечно Алексей не был мальчишкоромантиком, ищущим легких развлечений. Он был серьезным исследователем. Да журналист, но не из тех дешёвых бульварных газетёнок, падких до непроверенных, громких

сплетен. Журнал в котором он работал, хоть и не был чисто научным, но печатал статьи интересные, из проверенных источников, с глубоким анализом и со всевозможными подтверждениями учёных, с которыми они общались перед печатью любой серьёзной статьи.

Своим профессиональным чутьем Алексей сразу уловил что тут не простое деревенское суеверие. Конечно, если бы к нему подошла эта троица и стала бы рассказывать о местном колдуне ходящем на лысую гору устраивать шабаш, он бы отмахнулся не дослушав и половины. Но, он видел того человека, Дикого, как его называли мужики. И понял, что за их нескрываемым ужасом перед ним, было что-то серьёзное. То, что стоит и его внимания, и его времени.

Алексей вышел за парнем. Он даже не представлял, как кардинально он меняет всё: себя, свою судьбу, мировоззрение, и свои отношения со всеми. Но сейчас его интересовал только Дикий, куда он ходит и водит людей. Что за гора, какие тайны она скрывает.

Выйдя из забегаловки, он увидел Дикого стоящего в метрах пяти, тот как будто бы ждал чего-то, или кого-то. Увидев Алексея, он едва уловимо наклонился навстречу. Или Алексею это показалось, но смотрел он точно на него. Алексей подошёл.

- Здравствуйте,

меня зовут Алексей. - представился он.

- Приветствую! Я Сергей.

- Я слышал вы водите людей в походы. - Алексей не знал как правильно назвать те путешествия которые совершал его новый знакомый вместе со своими подопечными.

Сергей улыбнулся, было видно что это слово такая же глупость как если бы Алексей сказал: я слышал что вы енот, или что-то в таком духе. Но Сергей ответил просто.

- Это не совсем походы. Конечно можно и так сказать. Но это слово не передаёт того смысла, который есть в том, что я делаю. Давайте отойдём и поговорим в более спокойной обстановке. Если вам интересно, то я расскажу.

Алексей был полностью заинтригован. Он чувствовал что-то грандиозное, и с радостью согласился отойти куда-нибудь подальше от этой убогой привокзальной площади. Сергей-Дикий повёл его в направлении деревьев, стоящих поодаль через дорогу. Подойдя ближе Алексей увидел в глубине скамейку. Что она здесь делала, для каких целей её поставили, было абсолютно не понятно. Но сейчас она как нельзя лучше подходила для разговора наедине.

Они присели и полминуты наверно молчали, как будто прощупывали друг друга, настраиваясь на общую волну.

Сергей заговорил первый.

- Я знал что вы должны будете скоро появиться. Ждал уже два дня. Я всегда чувствую когда придёт новый человек. Вы пришли. Мне нужно объяснить чем я занимаюсь. Возможно не смогу все сразу сказать, но это не потому что не хочу, просто сейчас это только запутает. Так вот, я проводник. Но я не вожу людей в походы. Я веду людей вверх вон по той горе, - Сергей указал в даль, где виднелась гора, не самая высокая какую видел Алексей. Покрытая деревьями, без снежных пиков. Но не менее величественная. От неё исходила сила, Алексей чувствовал такие вещи.

- Это Цаганэж, по её склону лентой проходит каменная река Чулунзам. По этой реке мы поднимаемся до водопада Цэвэрлэх. Дальше бывает по разному. В начале пути сложно сказать чем закончится путешествие.

- Почему?

- Потому что это зависит не от меня, а от вас. Если вы конечно хотите идти. - Сергей пристально посмотрел в глаза Алексею. Тот почувствовал взгляд кожей, его как огнём опалило, в глазах сверкнуло и он на секунду ослеп. Момент, и все кончилось. И вопросов больше небыло.

- У меня есть время? Мне нужно позвонить редактору, объяснить что появился новый материал, нужно договориться что-

бы мне продлили командировку.

- Да, время есть, мне тоже нужно собраться, мы пойдём завтра, сегодня вы решайте свои дела, а потом подходите к моему дому, он вдоль дороги в самом конце, спросите где Дикий живёт, вам любой покажет.

- Скажите, - не удержался Алексей, - а почему вас зовут Дикий?

Сергей улыбнулся:

- Я особо не с кем здесь не общаюсь, вот и прозвали так.

Алексей не стал больше расспрашивать.

Новые знакомые простились и разошлись по своим делам.

Алексей пошёл на почту и стал звонить редактору. Связь была отвлечительной, еле позволившись он на удивление быстро обо всем договорился. Отправив заказным письмом собранный материал он вышел на улицу. Солнце светило и на небе не было ни облачка.

Алексей пошёл по дороге в сторону дома Сергея. Ему даже не пришлось расспрашивать где он живёт, дом он увидел сразу, как только подошёл. Дом как дом, небольшой, с маленьким участком возле крыльца. Но было сразу понятно это дом проводника. Тут, как и от горы шла сила. Дом был живой, как продолжение своего хозяина.

На встречу вышел огромный пёс, серый с коричневыми подпалинами, он был великолепен. Подойдя к калитке, приот-

крыл её носом как будто впускал. Взгляд был спокойный и осмысленный, он явно приглашал во двор. Алексей вошёл и пёс пошёл вперёд показывая дорогу.

Обойдя дом Алексей увидел хозяина, тот сидел на длинном бревне заменяющем скамью, рядом был сколоченный из необработанной древесины стол. На нем лежали всевозможные походные мелочи. Бечевка, кружки, котелок, нож, фонарь с запасными батарейками. И другая мелочь, которую берут в поход на несколько дней. Там-же лежали вещи и продукты. Алексей оценил все глазом бывалого туриста, продуктов было дня на четыре, пять. Собранные вещи говорили о Сергее как о знатоке своего дела.

Обернувшись хозяин увидел гостя:

- А, Алексей, уже вернулись? Быстро. Унен, - обратился он к псу, - молодец что встретил гостя, - он что-то протянул тому в ладони и пёс с осторожностью слизнул угощение - Ну что-ж, присаживайтесь, сейчас будем чай пить.

Алексей сел на бревно к столу, там где было свободное от вещей пространство.

Сергей пошёл в дом, через несколько минут на столе уже стояли чашки, чайник, в пиалах были варенье, мёд, целая миска домашних пирожков.

" что-же он тем дрянным пирожком да-

вился, когда дома все есть „

Сергей прочитал его мысли. - Я вас ждал, что-бы не привлекать особого внимания зашёл в буфет.

Алексей смутился:

- А я и думаю, такие вкусности, а вы там черствый пирожок едите.

И они принялись за еду. Пирожки были изумительные, неужели он их сам пёк. Опять Сергей как-будто прочитал его мысли.

- Вкусные пирожки? Бабка Акси́ня мне их печёт. Я ей по дому и огороду помогаю, а она меня кормит. - он заулыбался и преобразился, глаза как у мальчишки заблестели, улыбка до ушей. Алексей тоже разулыбался, напряжение, как бывает с незнакомыми людьми пропало. Стало спокойно и захотелось спать. Сергей заметил что гостя разморило.

- Вы идите в дом, Унен проводит. Я там постелил. Вам отдохнуть обязательно надо. Завтра ранний подъем и путь не близкий, а привалов мало будет, к ночи нужно дойти до места стоянки. Унен, проводи гостя в дом.

Алексей не стал ни о чем расспрашивать, почувствовав сильную усталость он поблагодарив за ужин отправился в дом. Унен сопроводил гостя, показал где кровать и ушёл. Улёгшись на кровать Алексей сразу-же уснул.

Рано утром Сергей

его разбудил. Они быстро позавтракали.

- Не берите телефон, связи там все равно нет, а ноутбук будет только лишнем весом. Если нужно делать записи я вам дам блокнот. Можете взять фотоаппарат, но сделать можно будет не больше десяти фотографий и там где я скажу. Это не обсуждается.

- Хорошо. - удивился Алексей, но спорить не стал, оставил в комнате телефон и ноутбук. Выложил и фотоаппарат, как-то почувствовал, что тот ему тоже не пригодится.

Взяв рюкзаки подготовленные Сергеем они отправились в путь.

Вышли они через маленькую калитку в конце небольшого садика за домом. По направлению горы от дома шла тропинка. До подножья было не больше двадцати минут. Подойдя к нему Сергей остановился.

- Это не просто гора, она мать этой местности, я вам уже говорил её имя - Цаганэж. Отсюда вы должны называть её так. Думать о ней и говорить понимая, что она живая и слышит, иначе она вас не примет. Так-же и меня теперь будут звать по другому -Туслах, это значит помощник. А вас я буду называть - Оютан, значит ученик. Вы запомните, Цаганэж вам поможет. И мы можем обращаться друг к другу на ты. Вы согласны?

- Да.- сказал Алексей, сейчас ему это казалось совершенно понят-

ным. Он легко запомнил что он Оютан, а Сергей - Туслах.

Восхождение началось.

У самой горы тропа резко пошла вверх. Пройдя минут пятнадцать по открытой местности они дошли до деревьев, здесь были березы, клены, осины. Много было зарослей жимолости и маральника даурского. Но чем выше они поднимались, тем чаще встречались сосны и лиственницы и меньше становилось других деревьев.

Красота была неопи́сываемая, высоко в небе кружил беркут, как-будто приветствовал их в своих владениях. Запах хвои очищал сознание, и успокаивал ум. На сердце становилось спокойно и радостно. Алексей чувствовал гору, она и правда была живая, давала силы и очищение от всего ненужного, временного, пустого. Того, чем заполнены жители больших городов.

- Туслах, скажи, почему местные боятся Цаганэж? Почему не считают её матерью?

- Они не местные, этот посёлок появился здесь пятьдесят лет назад, люди все приезжие, раньше работали на деревоперерабатывающем комбинате, что в пяти километрах вниз от посёлка, сейчас он закрыт, молодежь поужжала, остались старики, да те кто никуда уже не хочет ехать, живут огородами, кто-то на вахты ездит.

Местные жители

ушли от сюда, когда появились первые переселенцы. Ушли далеко, Цаганэж их благословила, а сама закрылась. Поэтому поселковые не могут на неё ходить, она их не пускает.

Здесь место силы, переход в верхний и нижний миры. Простому человеку здесь делать нечего. Сюда приходят только те, кто готов принять знания. По своему уровню каждый получает сколько сможет усвоить, не больше не меньше.

Раз ты сюда попал, значит ты готов. Цаганэж тебя позвала.

Теперь нужно идти молча, ты должен чувствовать, попробуй ничего не анализировать, просто созерцай, чувствуй и впитывай.

Алексей на секунду замер, он закрыл глаза и вздохнул полной грудью. В районе сердца почувствовалась вибрация, от этого захватило дух и сознание наполнилось невероятной свободой. Тело стало невесомым, хотелось бежать, кричать, смеяться. Он еле сдержался что-бы так не сделать.

Деревья стали гуще и старее, стволы нельзя было обхватить, кроны закрывали небо, и вокруг царил полумрак. Ощущалась какая-то тайна, волшебство, другой мир. Шорохи смолкли и был слышен только хруст ломающихся веток под сапогами. "как хорошо что Туслах дал мне сапоги, в кроссовках я бы много не

находил,, подумал Алексей.

Тропинка не поднималась ровно вверх, а бежала как серпантин, поэтому подъем был не такой изнурительный.

День пролетел быстро, Сергей и Алексей за время пути обмолвились всего лишь парой фраз. Наступил вечер.

- Сейчас будет привал, здесь есть стоянка, на ней мы и заночуем. На место придём только завтра после обеда. Как ты, Оютан?

- Устал, - Алексей вздохнул - есть хочется.

- Вон видишь площадку? Это наша стоянка, сейчас и поедим, и отдохнём.

Через пять минут они были на месте.

Площадка была небольшая, посередине была каменная кладка для костра, рядом лежало бревно. Над костром стоял треножник. В шагах десяти бил родник, от него исходил дивный запах чистой воды. Вниз бежал ручеек, чуть поодаль была сделана запруда.

- Вон там можно умыться и ополоснуть ноги, а если не боишься, то и вообще помыться. -Сергей улыбнулся и из кустов достал небольшое ведро - Под лапником спрятаны полотенца.

Алексей достал широкое льняное полотенце. Набрал в ведро воды лежащим рядом с запрудой ковшом и облился с головой. Вода была ледяная, но Алексей не почувствовал. Усталость как

рукой сняло.

Сергей подал ему чистые носки и белье.

- Цаганэж любит чистоту, не бойся, не простудишься. - И тоже раздевшись вылил на себя три ведра воды.

Они умело развели костёр, достали припасы и с удовольствием поели.

- Спать мы будем там, - Сергей кивнул на огромную лиственницу. Алексей поднял глаза и только сейчас увидел на ветвях построенный домик.

- а почему домик наверху? Почему нельзя было построить маленькую избушку на земле? - удивился Алексей.

- на дереве спокойно, здесь много зверей и не все они безопасны. - сказал Сергей подкидывая дрова в костёр.

Костёр весело трещал и подпрыгивал языками пламени вверх, обливая вечерний воздух. Было часов восемь но из-за деревьев казалось что уже ночь.

Наступило время тайны и ночных духов.

Сергей достал из внутреннего кармана комус, небольшой музыкальный инструмент в виде маленькой металлической подковки с загнутым язычком вибратором, и начал играть. Это даже была не игра, комус разговаривал. Разговаривал с ними, с Цаганэж, со всей вселенной.

Алексей закрыл глаза и понёсся в вихре по светящемуся тоннелю, голова кружилась, он не

понимал где верх, где низ. Он летел и рядом с ним пролетали святящиеся звери, птицы. Они обгоняли его и скрывались где-то впереди. Все смешалось в вихре. Вдруг по телу прошла волна и его вынесло на площадку. Но это было другое место, не там где они с Сергеем устроили привал, не было костра, не было Сергея. Не было ничего, только площадка метров десяти, а дальше все поглотила тьма.

Алексей даже не пытался встать, он сидел по турецки, с прямой спиной и смотрел вперёд. Тьма заколыхалась и перед ним возникло существо. По форме это был человек, но он был не плотный и больше походил на голограмму. И вдруг он заговорил, голос звучал громко, раскатисто, как будто говорили в трубу, этот голос обволакивал Алексея в плотное кольцо, он звучал сверху и снизу, справа и слева.

- Оютан, ты пришёл сюда потому что хотел, и просил многие жизни об ученичестве. Ты выбрал этот путь за долго до этого рождения. Со временем ты вспомнишь все. А сейчас выслушай меня.

С этого дня ты полностью изменишься. Твои мысли, твой характер. Вся шелуха накопленная тобой в этой жизни спадёт.

Ты станешь таким каким был всегда. Завтра ты сделаешь свой выбор. Ты должен сознательно принять решение, обратно дороги не будет. Думай

сердцем. Не позволяй уму запутать тебя. Твой путь был трудным. Ты не можешь ошибиться. Мы ещё встретимся чуть позже. А сейчас отдыхай.

Светящийся силуэт обернувшись беркутом растворился во тьме.

Раздался завершающий аккорд мелодии и комуз замолчал.

Алексей увидел вокруг себя знакомую обстановку, костёр догорал, Сергей сидел с закрытыми глазами, в руках он держал инструмент.

Где-то хрустнула ветка, Сергей открыл глаза и посмотрел на Алексея.

- Пора спать, - тихо сказал он. - завтра долгий путь. Надо хорошо отдохнуть.

Они залезли в домик на дереве и быстро заснули. Ночь была тиха, лишь отдаленное уханье филина, да лёгкие шаги мелких животных раздавались в тишине. Воздух был настолько чистым и целительным, что проснувшись утром Алексей почувствовал себя так, как никогда не чувствовал. Сила, легкость, энергия переполняли тело. Хотелось действовать.

Они снова ополоснулись у заруды, позавтракали, собрали рюкзаки и двинулись в путь. От привала путь шёл по каменной реке, она начиналось где то вверху а кончалась здесь у обрыва, наверно раньше здесь был водопад, где он заканчивался было не видно, обрыв уходил в бездну. Не

понятно почему тут такая высота, неужели они так далеко зашли. Со стороны Цаганэж не выглядела такой высокой.

- Это Чулунзам, каменная дорога, она приведёт нас к месту. Она ведёт к границе миров. Когда-то она была полноводной и заканчивалась здесь на обрыве. Вниз уходил водопад и от него начинался нижний мир. Но по причине которую люди не знают граница поменялась, река изменила русло и теперь осталась эта дорога.

Найти её может только тот кому открыт путь к этой границе. Это не значит что ты сможешь переступить её, но на пересечении трёх миров находится тайное место. Место, где люди получают знания не этого мира.

Живое существо живёт много жизней в разных телах и однажды к нему приходит понимание того, что есть иная жизнь, за пределами рождения и смерти. Когда живое существо это понимает, оно приходит сюда. Это первый уровень, знаний через него проходят все. Раз ты здесь, значит пришло твоё время. Вперед Оютан, не бойся ничего.

И они пошли вверх по руслу Чулунзам, камни были округлые, не большие и плотно прилегали друг к другу. Идти по ним было легко, эта каменная дорога вела сама. Шли молча, каждый погрузился в себя. Оютан не думал. Все мысли, которые подкидывал ему ум, он про-

сто не воспринимал. Он слушал сердце. Эти мысли не были облачены в слова. Что-то более глубокое было в них, как сама вечность, сама тишина. Оютан растворился в них и внимал этому безмолвию.

Не было ни времени, ни усталости. Сам путь был смыслом, и чем дальше они шли, тем глубже вспоминал он почему он здесь оказался. Вспоминал свои мысли, свои мечты, свои желания и чувства. Нет, он не вспомнил свои прошлые жизни, да сейчас это было и не нужно. Он вспоминал лишь что чувствовал, чего хотел и о чем просил.

Послышался шум, так звучит огромная масса воды падающая с огромной высоты и разбивающаяся о воду внизу. Обла-

ка спускающиеся вниз туманом закрывали от взора то, что находилось впереди. И вот они вошли в этот туман. Ничего не было видно, но как резко туман начинался, так же резко он и закончился. Взору Оютана предстал водопад.

Он был настолько огромен, что было не видно где он начинается. Падая он в огромное чёрное озеро. Зрелище было настолько завораживающее, что Оютан просто онемел. Туслах стоял в почтении перед этим великаном.

Сколько прошло времени, день, час, миг. Было не понятно. Туслах заговорил первым:

- Это Цэвэрлэх. Очищающий водопад. Это граница трёх миров. Там под озером нижний мир, вверху где начинается водопад, верхний. Тут наши

пути разойдутся. Я привёл тебя, то что ты просил исполнилось. Дальше ты пойдёшь один.

- Куда мне идти? - С дрожью в голосе спросил Оютан.

- Твой путь лежит за водопад, пересеки озеро и войди в него.

Оютан разделся и вошёл в озеро, перед водопадом кружил беркут. Оютан поднял руки и прыгнув в воду поплыл. Доплыв до водопада он обернулся, на берегу стоял огромный бурый медведь. Оютан помахал ему рукой, набрал полную грудь воздуха и поплыл через водопад.

Через секунду он и беркут скрылись в Цэвэрлэхе.

Автор: Любовь Ткачева

Паша

- Привет Данила. - махнул головой Гоша. Он столкнулся с соседом на лестничной клетке, закрывая ключом дверь. Данила наоборот заходил домой.

- О, Гоша, привет. Как твои дела? Опять субботний закуп? - Данила с улыбкой кивнул на тележку.

- да, этот рынок все деньги забирает, и время. Только и знаем с матерью что таскаем и таскаем, на рынок деньги с него хавчик. А через неделю опять пусто в холодильнике. - он сжал губы

и поднял глаза к потолку, давая понять как ему все надоело. - только и пахнешь на жратву. Что за жизнь пошла. Денег только на это и хватает. Да и то, что-бы хотелось, к тому не подойти, цены кусаются. - он бы ещё поговорил о несправедливом распределении зарплат и трат, но мать с низу крикнула его имя, призывая к делу.

- ладно Гош, удачи в закупе.- Данила зашёл в квартиру и щёлкнул задвижкой.

Гоша поспешил в

низ, приподнимая тележку-сумку чтобы колеса не задевали ступеньки. Эта тележка на базаре забивалась по полной, поэтому в холостую Гоша её не использовал.

- Что мать, поехали, - выйдя из парадной и щурясь на солнце сказал он - да, с Данилой там зацепился.- ответил на вопросительный, суровый взгляд матери.

Она с важным видом кивнула и тяжёлой поступью зашагала по направлению к рынку. Гоша зашагал за ней, таща в ру-

ке тележку взяв ту за бок.

Когда-то он так же гулял вместе с ней во дворе, она моложе лет на тридцать, но такая-же монументальная. А он шестилетний пацан в футболочке с волком из мультфильма по середине, в синих трикотажных шортиках, серых гольфах и коричневых сандалиях. Среднестатистический мальчик советской эпохи, со среднестатистической машинкой в руках.

За тридцать лет мать постарела. Он вырос, фигурой больше стал напоминать её, правда той стати не было, просто старый мамин мальчик, толстый и рыхлый. Видно было, что оба любили пожрать.

За тем и ходили на рынок каждую субботу, возвращаясь с него с набитой, под завязку, тележкой. Среди недели мать конечно тоже бегала туда, но так, по мелочи. Основной закуп был в субботу с участием обоих.

- Фуууфф... - оба в мыле, трубно вздохнули они, возвратясь домой. Мать присела на стул, стала стягивать туфли с отёкших ног. Взгляд упал на черным пакет с мусором, вот же ёлки палки, мусор забыли на помойку отнести.

- Гоша, иди мусор вынеси, воняет так, что мочи нет. - распорядилась она, вытирая влажный лоб.

Он взял пакет и покорно пошёл обратно на улицу. На площадке снова столкнулся с Данилой, тот

выходил с другом.

-Что? Уже вернулись? - в глазах Данилы искрились смешинки, но тон был участливый.

- Да. Вот, мусор забыли захватить - Гоша приподнял пакет и удивленно посмотрел на него, как так случилось, непонятно. И зашлепал за друзьями вниз.

Перед парадной суетился Ваня, местный бомж и помощник дворника. За помощь тот снабжал Ваню едой и кровом в подвальной каморке с инструментом.

- Ваня, приветствую вас. - Данила уважительно смотрел на того. Гоша поморщился. Он не только не здоровался, но даже брезговал смотреть на этого вонючку, как он про себя называл Ваню.

- Здравствуй Данила - голос Вани был спокойный и тихий, какое то благородство проскальзывало в голосе. Но Гоша таких вещей не замечал, бомж значит ничтожество, недостойный его внимания элемент. Была бы его воля, он бы всех таких уничтожил, чтоб своим видом не раздражали.

И Гоша высокомерно задрав свою блиноподобную физиономию, зашагал по направлению мусорки, спеша избавиться от вонючего пакета, в котором гнили недоеденные продукты. Они с матерью часто выкидывали испорченные продукты, сетуя на то, что те пропадают так быстро.

На обратном пути Гоша с удивлением уви-

дел что сосед с другом продолжают беседовать с этим бомжом. Разговор явно был интересен всем троим. Они что то обсуждали активно жестикулируя, у Ивана в руках была какая то книга. Он часто подбирал выкинутые книги и приносил к себе в каморку, читая по вечерам.

В далёком прошлом он был наборщиком в типографии, но так вышло, выпивка все сгубила и все отобрала, профессию, жильё, но тяга к чтению хороших книг осталась.

С Данилом сдружились на этой почве, как-то тот принёс Ване булочек, да кефира, ну и разговаривались. Данила учился на восточном факультете в СПбГУ на кафедре Индийской филологии. Очень интересовался Индийской культурой, религией, Ведами.

А тут Ваня, держит в руках несколько книжек Шримад Бхагаватам, похоже кто-то на помойку вынес, а Ваня подобрал, бережно стряхнул мусор и принёс домой в каморку. Данила сразу узнал по корешкам что за добыча у того в руках.

- Вы это будете читать?- с сомнением спросил он. Ваня посмотрел на Данилу удивленно

- Конечно, это богатство какое.- прижал еще ближе к груди книги.

- А вы откуда знаете?

- Так они тёплые, и светятся. - улыбнулся Ваня.

С тех пор дружба и

завязалась. Они встречались во дворе, беседовали, обсуждали прочитанное Ваней, спорили, делились откровениями. Иногда Данила был с друзьями и они все вместе устраивали философский диспут на свежем воздухе.

О чем они могут говорить, размышлял про себя Гоша. Данилу он знал с детства, мальчик из интеллигентной семьи, бабушка профессор, родители учёные, и вот бомж.

Как его бабушка, Марья Васильевна, померла, и оставила ему квартиру, так Данила и стал со всякой швалью общаться, сделал для себя вывод Гоша. Но шибко долго не раздумывал, дома мать готовила ужин. Надо спешить, скоро передача.

Они любили с матерью, наевшись вечером смотреть какие-нибудь программы с участием обычных людей. Где обсуждались всевозможные

бытовые истории. И чем грязнее они были, тем радостней было их смотреть, комментируя и осуждая героев этих пошлых историй. А в это время Ваня в своей каморке изучал Шримад Бхагаватам, сливки всех ведических писаний. И душа его очищалась слезами восторга, которые лились из его грешных глаз.

Автор: Любовь Ткачева

ДЕНЬ... НОЧЬ...

-Утомленное солнце нежно с морем прощалось.

В этот миг ты призналась, что нет любви...

Мне немного взгрустнулось, без тоски и печали.

В этот час прозвучали слова твои...

Разносил танго по квартире старенький патефон, подаренный маме давным-давно, ухажером, унесённым ветром гражданской за границу, не то в Ниццу, не то в Париж. Лет двадцать пять прошло, мама уже ушла в мир иной. А он все играл, и не ломался, как будто годы были не властны над ним.

Анюта, в воздушном платье, так восхитительно подчеркивающим её тонкую талию фарфоровой балерины, пританцовывая, вошла в зал,

неся в руках вазу с полевыми цветами, такими же хрупкими и воздушными, как и она.

- В этот час ты призналась, что нет любви - подпевала она.

Комната с трехметровыми потолками, с огромным окном занавешенным лёгким газовым тюлем, казалось светила от счастья. Солнце заливало его необычным для этого северного города светом. Круглый стол посередине был застелен вязанной крючком белоснежной скатертью, ровесницей патефона. Ближе к краю лежала офицерская фуражка, а рядом кортик в кобуре. На стуле висел морской китель.

Анюта поставила по середине стола вазу и с нежностью погладила погоны. Муж дома, мор-

ской офицер, красавец, он увидел её первый раз в Мариинском, где она танцевала. Целый месяц он ходил к ней на каждый спектакль и приносил огромный букет красных роз. Все девчонки из труппы с завистью смотрели на её ухажёра.

И вдруг он пропал, сколько его не было? Она не помнила, казалось целую вечность. А потом он пришёл. Подарил букет белых роз. Объяснил, что уходил в море. И предложил руку и сердце.

И вот год прошёл, пролетел так быстро, как один счастливый день. Дочке месяц. Анюта чуть располнела, но особо фигура не изменилась, зря она переживала, за полгода всё легко придёт в норму. Правда она особо не торопилась возвра-

щаться в театр. Да Бог с ней, с карьерой. Семья, вот оно счастье. Муж, дочка и она.

Ты уходишь, я не буду злиться.... провалировалась она по комнате. Ветерок, заглянувший в раскрытую форточку, надул занавески как паруса. Тяжёлые портьеры свисали по углам театрального бордовым занавесом, раскрывавшим окно как сцену, а за полупрозрачным тюлем билась жизнь. Слышались сигналы клаксонов, лёгкий гул голосов с Невского. И смотрящие с соседнего дома херувимы, держащие балкон, игриво улыбались на счастье жильцов этой квартиры.

Из ванной комнаты вышел муж, подхватил любимую и завальсировал вместе с ней. Глядя на неё, он до сих пор не верил, что это его жена. Та, которой он восхищался, глядя из глубины зала. Та, которая в невероятном танце словно летала по сцене как мотылёк, почти не прикасаясь пальцами ног к сцене, теперь его жена, и что ещё более удивительно, она мать его дочки. Так не бывает, чтоб столько счастья за такое короткое время.

Резко прозвучал звонок, какой-то мрачный звук издал этот старый, привычный, уже ставший родным, дверной звонок. Как то все сразу рухнуло, и свет стал тусклее, и звуки из

окна помрачнели. Расплакалась разбуженная дочка.

Муж пошёл открывать, вернулся через минуту.

- Вызывают - коротко сказал он, молниеносно оделся и ушёл, ничего не объясняя.

Там там там там, тарам там там там... Звучал марш "Прощание славянки,, И от этой мелодии перехватывало горло, в котором застрял крик и невыплаканные слезы. Спазм не давал сказать не слова. Уткнувшись в грудь мужа, Анюта просто вдыхала его запах, чтобы заполнить им себя на время разлуки. Сердце не стучало, оно еле всхлипывало, сжимаясь от каждого аккорда прощальной мелодии.

Холодный балтийский ветер трепал ленточки на бескозырках молоденьких матросов, к ним так же прижимались девушки, матери, рядом стояли деды, понутив головы и сжав в руках кепки, смятые в порыве отчаяния.

Анна не помнила, как дошла, как забирала у соседки дочку. Все делалось само собой, как в тумане, тело двигалось, а ум остановился, как сложенные часы.

Тяжёлые портьеры задвинулись, занавес закрылся.

Настала ночь. Открыв портьеры, Анна глядела в заклеенное,

крест-накрест бумагой, окно. Постаревшая на целую жизнь женщина, держала в одной руке длинный мундштук с зажженной сигаретой, другой обхватила себя за талию, придерживая руку. Она пристально смотрела на покалеченных осколками херувимов и во взгляде собралась вся боль земли, перенесшей эту страшную войну.

Изуродованная голодом фигура в расклепшенной юбке, в чёрной водолазке, с высоким воротом обтягивающем тонкую длинную шею, была похожа на ангела упавшего с небес в чёрной ад.

Никого больше не будет рядом. Муж на дне, дочка в общей яме, она одна несёт эту боль. И будет нести одна.

- Больше никогда... никогда... никогда я не выйду замуж... никогда не рожу ребёнка... большей боли я не хочу... Господи, помоги, Господи дай мне быть одной... Господи я больше не смогу... Я больше не хочу...- губы повторяли слова как молитву. Она вымаливала одиночество как милость, как лекарство от боли, а херувимы вслушивались в этот шёпот, пытаясь запомнить каждое слово, чтобы потом передать по назначению.

Автор: Любовь Ткачева

Недорезанный

Проснулся я от громкого щебета птиц за окном. Яркое светило солнце... где-то там... за головой. Солнце заполнило всю комнату и проникало мне под веки... Я открыл глаза... От резкого света стало больно глазам... Пришлось их прищурить... И почему-то голову от подушки оторвать было невозможно. С усилием приподнял правую руку... На стене отобразилась чёткая тень от моей поднятой руки, чему я тихо обрадовался: раз уж я отбрасываю тень, значит, я – живой! Хотя трупы тоже отбрасывают тени... И камни отбрасывают. Не правильно сформулировал. Надо бы: значит, я – не призрак холодный. На интуитивном уровне я чувствовал, что мне сейчас почему-то очень важно знать, что я отбрасываю тень. Интересно, а моя тень – тёплая или холодная? Я потрогал стену – комнатная температура. А если потрогать на снегу? Где ж его в комнате взять? Да в холодильнике же! Точнее – в морозильнике... Где этот холодильник? Это ведь какое-то незнакомое помещение... Где это я нахожусь?..

Медленно повернув чутко голову налево, я увидел вдоль стены две кровати... под ними – «утки»... Больница! Кровати небрежно приправлены. Их хозяев не было. На

тумбочке, стоящей между кроватями, лежали на тарелке яблоки и бананы, журналы и кроссворды, стоял пакет сока... Что я тут делаю? Что со мной случилось-приключилось? Надо вспомнить!

Вот шёл я по улице... И больше ничего не помню... Кирпич, что ли, мне на голову упал? Голова-то как сильно болит!.. Или я в аварию попал? Тело моё почему-то перевязано бинтами... и правая нога... Вот это меня шандарахнуло тогда!.. Когда?!.. Где?!.. Не помню... Надо у жены спросить. У... у... у... Господи, я не помню, как зовут мою жену!.. А она есть у меня? Была... Почему-то пришла уверенность, что я женат... Но я не могу представить лица своей жены... А дети есть у меня? Не помню... А что я помню? Как меня зовут? А имя моё простое... А какое?.. Боже мой, я не помню – кто я!

.. Вот это да! Со мной такого быть не может! С другими – может, со мной – нет!.. Надо вспомнить!.. Ох, как болит голова!.. Я попробовал приподнять левую руку к голове, но увидел, что от неё тянется трубка... к капельнице, стоящей где-то за головой... Ого! Похоже, я куда-то серьёзно вляпался!.. Куда?.. Когда?.. Где?.. Почему?..

Интересно, если я

не помню свою жену, она-то меня помнит? Если бы помнила, то сидела бы рядом... Значит – забыла... Или не было её у меня... Что я могу о ней вспомнить?.. Какая она?.. Если она была, значит, я должен помнить, как мы с ней... Не помню... Вообще не помню... Если жена была, то какая она? Толстая?.. Нет, толстые – не в моём вкусе... Должна быть невысокой – это в моём вкусе... Чёрненькая или беленькая?.. Ни то, ни другое... Она должна быть рыженькой и с веснушками... Обязательно – с веснушками. Почему?.. Так ведь мне веснушки у женщин нравятся... У мамы моей были веснушки... Мама?!..

Глаза мамы... Отдельно – её улыбка... Почему я не могу собрать черты её лица в единое целое?!.. Потому что голова болит... И горло... Глотать трудно... Почему мама всё время отворачивает от меня лицо?.. Вот она: зовёт меня маленького... Я к ней иду, выставив вперёд ручки... А у неё вместо лица – Луна... Господи, да покажи Ты мне маму!.. Не слышит Он меня... Он сейчас другим помогает... Нашим ребятам... Мы ведь попали в засаду... Стоп! Я – на войне... Нас подставил наш проводник... Взрывы... вспышки... стрельба со всех сторон по нам... кри-

ки «Аллах Акбар!..» Меня ранили: пуля пробила левую ключицу над бронезащитой... В ногу попал осколок... В правую ногу... В ступню... Из-за этого я упал и не смог перебежать... Больше ничего не помню... Даже не помню, где это было: в Афгане или в Чечне... Стоп! Раз я уже знаю про Чечню, то это – точно после Афгана... через... не помню через сколько лет... Вот это меня уделали!.. Ни фиги не помню!..

За входной дверью слышались весёлые голоса и какой-то стук... Через несколько секунд открылась дверь на пороге показались двое мужчин. Один шёл, опираясь на костыли (это его костыли так стучали). На нём поверх десантной тельняшки был надет больничный коричневый халат с зелёными воротом и обшлагами на рукавах... У него не было левой ноги... Второй был одет в спортивный костюм. Пустой левый рукав заправлен в брюки. У обоих перевязаны головы... Раненые... Военные... Госпиталь!.. Несмотря на полученные тяжёлые травмы, оба улыбаются и даже еле сдерживают смех, уговаривая вполголоса друг друга: «Да тише ты!..»

Я решил поприветствовать своих соседей поднятием правой руки. Оба остановились как вкопанные, смешно уставившись на меня, а потом «спортсмен» дико и очень громко заорал басом в коридор: «Сестра! Катюша!

Доктора зови срочно! Твой недорезанный пришёл в себя...» Это он про меня, что ли, так – «недорезанный»?.. Я поёжился от этого неприятного слова... Через минуту в палату быстрым шагом вошли доктор-женщина и медсестра. Обе – с повязками на лицах. Руки – в медицинских перчатках... В дверях столпились любопытные, которых шуганула докторша, и дверь закрылась. Я видел лишь недоверчиво-радостные глаза двух женщин. Докторша деловито и привычно воткнула в свои уши фонендоскоп и стала слушать моё сердце через бинты, посматривая на наручные часы... Одобрительно кивнув, она грудным голосом произнесла:

– Вот и замечательно, что пришли в себя! Не надоело целый месяц лежать без движения?

Я уставился на неё. Она, приставив палец к губам, твёрдым командным голосом произнесла:

– Молчите! Вам нельзя пока разговаривать! Связки... Если уж очнулись после комы, то жить будете! У Вас сейчас – послеоперационно-восстановительный период. Вы на мой вопрос только кивните или глазами покажите: Вы помните – кто Вы? А то Вы у нас пока что как имярек значитесь – без имени, фамилии, звания, возраста...

Мне пришлось медленно покачать головой, мол, не помню. Она сначала глазами успокоила ме-

ня, а потом сказала:

– Ну, ничего! Надеюсь, что вспомните! Мда-а!.. Кто-то за Вас усердно молился. Сильный у Вас ангел-хранитель. – Докторша обернулась к сидящим на своих койках моим соседям: – Так, Вешкин и Номоконов, к нему пока с разговорами – не приставайте! Успеете ещё наговориться... А ты, Катюша, продолжай делать те же процедуры... Если что, звони мне в любое время суток... Ну, слава Богу! Ещё одного вытащили с того света... – добро-строгая докторша, сунув руки в карманы халата, вышла, а медсестра Катюша подошла ко мне и поправила подушку:

– Всё будет хорошо! Вы обязательно поправитесь! Самое страшное – уже позади!

– Катюш, так ты ведь и есть его ангел-хранитель, – раздался бас «спортсмена». Его самого я не видел, т.к. он сидел на кровати где-то у окна, куда мне трудно было повернуть голову.

– Ерунду городите, капитан Вешкин. И вообще, Вы постарайтесь по тише тут басить! – попыталась нахмурить брови и строго внушить медсестра, но это у неё не убедительно получилось. – Как громкоговоритель, прямо, какой-то!..

– Хы, хы, хы! Ладно, ладно! Знаю!.. Ты – иди, а мы, если что – позовём тебя.

– Не доставайте его вопросами! Ясно? Ему сейчас отдохнуть надо.

Если вдруг попросит пить – зовите меня.

– Ух, какая строгая! Всё ясно, товарищ медсестрёнка!..

– Катенька, мы всё знаем. Не первый раз в армии, – подал голос «десантник». – Не беспокойся за нас! Иди на пост – службу неси! Всё с твоим любимым недорезанным будет правильно!

– Дурак Вы, Номоконов, хоть и подполковник, – Катюша вспыхнула и, взглянув испуганно-радостно мне в глаза, в смущении вышла из палаты также быстро, как и зашла. За дверью раздался её теперь уже командный голос: «Так, всем – разойтись! Чего собрались тут как на колхозное собрание?!.. Сюда никому пока нельзя! Идите, идите по своим палатам, и там выздоравливайте! Ему сейчас покой нужен!»

Я услышал мужские голоса: «Катюш, а это правда, что твой недорезанный-невзорванный пришёл в себя?..» – «Правда, правда! Идите к себе!.. – Круто!.. Ладно, пошли, мужики!.. Потом поговорим с ним...»

Опять – «недорезанный»!.. Голова как кружится!.. Будто я – на карусели... Пить... нет, пить пока не хочется... Курить? Интересно, а я – курю?.. Даже если и курю, то сейчас курить совершенно не тянет... А вот спать хочется... месяц ведь не спал – болтался где-то между мирами... между жизнью и смертью... эх, ты, подполков-

ник!.. Я услышал своё сопение, и неожиданно увидел, как бы сверху, самого себя, лежащего и засыпающего на госпитальной койке... Я улыбнулся чему-то уголками губ и... уснул.

Проснулся я, наверное, часа через три от стука костылей и цыкающих звуков «Тц-ц!». Это мои соседи по палате вернулись с обеда. Увидев, что я не сплю и смотрю на них, они мне дружески мигнули глазами. «Десантник» прошептал: «Ну, ты – как, братан?» В ответ я глазами показал, что всё у меня нормально! «Спортсмен» выставил большой палец, как бы говоря, что всё – пучком!

Я попытался произнести: «Где я?» Похоже, оба меня поняли... или прочитали по губам, потому что вместо членораздельной речи я лишь что-то промычал.

– Ты – в госпитале Бурденко... в Москве... в отделении нейрохирургии... ты уже больше месяца здесь припухаешь... Молчи, мы сами расскажем, что знаем о тебе, а ты, может, потом и сам нам расскажешь о себе... но не сегодня... Тебе надо молчать... У тебя связки были повреждены... – громким медленным шёпотом, чтобы я смог воспринимать информацию, стал говорить «десантник». Он присел на стул, стоящий у моей кровати, а «спортсмен» встал за его спиной так, чтобы я его видел.

– Короче, такие,

братан, дела. Тебя привезли сюда в апреле на вертушке из Моздокского госпиталя. При тебе ни документов, ни «смертничка» не было, ни табельного оружия какого... Опылительных знаков – тоже никаких... Вас в чеченском ущелье нашли... у всех шестерых – перерезаны горла... все были перед... перед «этим» ранены... Говорят, что одного вашего «духи» забрали в плен – местные жители видели, как его вели... Что у вас за группа была – не понятно... Тебе не дорезали горло, и ты остался единственный, кого смогли спасти, не считая пленённой... вот и почти всё, что мы знаем о тебе. Никто тебя ещё здесь не навещал... Ты уж, братан, не обижайся, что тебя тут пока что зовут «Недорезанным»...

Мне пришлось глазами их успокоить, мол, я и не обижаюсь... Недорезанный, так – недорезанный... «Спортсмен» Вешкин склонился надо мной и забасил полушёпотом:

– Тебя тут... это... Катюша выхаживала... Она с тобой – как курица с цыплёнком... Ты уж не обижай её, братишка! Её у нас любят все, но она никому повода не даёт для ухаживаний... А вот к тебе привязалась почему-то, – «спортсмен» подмигнул мне дружески. – Наша докторша, Галина Васильевна, строгая, но очень толковая... Так даже она говорит, что если бы не Катюшка, то ты бы не пришёл в себя... У тебя

три недели правая нога была загипсована и подвешена на блоке – уже сняли... Катюшка тебя и обтирала губкой, как пупсика, переворачивала, бесчувственного, чтобы пролежней не было, промывала фурацилином две пулевые раны: одна, вон, – в ключице, а другая в левом плече, брила тебя, ногти обрезала... и ещё шептала тебе что-то... Мало вообще кто верил, что ты вылезешь с того света... Тебя даже из реанимации досрочно месяц назад перевезли в нашу палату, как всё равно безнадежного... Лишь Катюша верила в тебя, да Галина Васильевна... Если бы не они... Ну, и мы верили... Кстати, меня зовут Алексей, а его – Иван. А ты ещё не вспомнил, как тебя зовут? Только ты не говори ничего вслух, а глазами покажи?

Я слегка мотнул головой, показывая, что не вспомнил... Зато я стал отрывками вспоминать боевую операцию... Проводник по имени Казбек... Я не доверял ему с самого начала, но нас убедили ему довериться... Он вёл нас к недавно обнаруженному большому схрону в ущелье, где мы должны были этот схрон уничтожить вместе с оружием и боеприпасами, забрав из него по возможности все имеющиеся там документы и дискеты от компьютера... Схрон, мол, нашли пацаны... А мне Казбек сразу не нравился... Деланный акцент... Огоньки бесовские в глазах... Я та-

ких нутром чую... Но командир сказал, что иного проводника у нас пока нет... Как зовут командира?.. Салават... Нет, Салават Галеев был до него, они сменились... пересмена была за два дня до этого... и я через три дня тоже должен был смениться... Моя четырёхмесячная командировка подходила к концу... До этого мы не потеряли ни одного человека... Много было боевых операций... пока не появился этот проводник Казбек... Засада нас семерых перещёлкала за минуту... мы были на открытой поляне, а вокруг – густые заросли... Опа!.. Это же он, Казбек, когда я упал с осколочным ранением в ногу, навёл на меня свой пистолет... А в другой руке у него был нож... Я помню пулю, медленно вылетающую из ствола... Больше ничего не помню...

– Братишка, говорят, что у тебя в руке была зажата граната с вырванным кольцом... Возможно, из-за неё тебе и не дорезали горло, – зашептал Иван-десантник...

А нового нашего командира отряда звали Андреем... Он ещё не успел освоиться в местных условиях, хотя и был на первой чеченской войне... и потому доверял непроверенной информации... Отлично, я уже начинаю кое-что вспоминать!.. А как меня-то самого зовут?.. Ух, как болит голова!.. И пить очень хочется – сухо во рту... Я со стоном прошептал: «Пить!..»

Ребята меня сразу поняли... Алексей бросился к двери, и басом громко зашептал в коридор: «Катюша, твой недорезанный пить просит».

Катюша появилась через полминуты. В руках она держала губку и бутылочку с водой. Иван уступил ей место на стуле... Смочив губку, медсестра приложила её к моим губам, при этом аккуратно приподняв мою голову... Моё ухо прижалось к её небольшой, но твёрдой груди... Как – у жены... У Марины... Нет, у бывшей жены – мы же разошлись с ней практически накануне моей командировки... Она ушла к нашему однокласснику-бизнесмену Эдику... Точно!.. Значит, я – уже не женат... Ну да, они же и на свадьбу меня приглашали – в какие-то Арабские Эмираты... Знали же, что я не смогу туда приехать... Она ещё радовалась, что, наконец-то, сможет съездить за границу, не то что со мной, у которого по службе вечно задерживают смехотворную зарплату... А ещё Марина много раз обвиняла меня в том, что я сыну разрешил поступать в военное училище, где он с детства мечтал учиться...

Сын... Наш сын был курсантом в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище... Стоп! Пашка ведь уже закончил учёбу и служил в... неважно!.. Он уже служил в звании лейтенанта... А я – подполковник спецназа... Э, нет! Мы ведь уже и моего пол-

ковника обмывали в командировке... Полковник Седов... Борис Михайлович... Сколько мне лет?... Не помню... Пока не помню... Сушь в горле прошла... Я поднял глаза на Катюшу и поблагодарил её морганием, а потом прошептал медленно: «Я – полковник... Седов... Борис... Михайлович». Она кивнула головой, что поняла меня... Мне стало хорошо от влаги во рту и от близкого тепла Катюши... глаза мои стали соловей, и я вновь раздвоился и взлетел над собой...

Вновь я увидел себя сверху: вот Катюша аккуратно кладёт мою голову на подушку... Иван Номоконов на костылях заковылял в туалет, а Алексей Вешкин полез за сигаретами в свою тумбочку, стоящую у окна... Катюша оглянулась на них, после чего быстро приподняла свою маску-повязку и нежно поцеловала меня в нос... Я ей улыбнулся во сне уголками губ, шепнув: «Спасибо, милая Катюша!»... Она расслышала: её глаза засветились от радости... Ни разу не видя полно-

стью её лица, я знал, что она трогательно улыбалась.

Катюша, трижды оглянувшись на меня, спящего, ушла на свой пост... А мне всё было видно сверху... Я уже наверняка знал, что скоро всё вспомню... и сколько мне лет... и маму... и номер части... и что буду жить долго... с Катюшей... Я даже знал размер её пальца для обручального кольца: тридцать восьмой... Да нет!.. Восемнадцатый... Тридцать восьмой – это размер её ноги... Катюше – двадцать два года... Она заочно учится в медицинском институте после успешного окончания медицинского училища... Фамилия у неё начинается на букву О... У неё до меня ещё никого не было... Живёт она с бабушкой... Откуда я это знал? Не знаю. Мне это будто кто-то сверху подсказывал... Я неожиданно стал обладать непонятными ранее для меня, да и для большинства людей, некими экстрасенсорными способностями – дальновидением, ясновидением, предвидением, или ещё чем-то подобным, в чём я пока не

разбираюсь... Может быть, эти способности – и временные – до выздоровления... Но сейчас я точно знал, что скоро вся моя жизнь будет совершенно другой... трудной и интересной, и... более счастливой...

А сейчас – спать! Мне, недорезанному, нужны силы для дальнейшей жизни... Нам с Катюшей нужны силы... Нам ведь ещё двух пацанов-близнецов поднимать... А Катюша сейчас пишет в истории болезни, что сегодня, девятнадцатого мая двухтысячного года, по моей просьбе впервые поила меня с помощью губки, и заполняет красивым немедицинским округлым почерком мои данные с моих слов... Мечтательно улыбается... Ну вот, отчество моё забыла – огорчилась!.. Не кусай ручку!.. Михалыч – я!.. Вспомнила, будто услышала мою подсказку – обрадовалась!.. Всё же жить, ей Богу – это так прекрасно!.. Даже в сорок с небольшим лет... Хорошо быть недорезанным!..

Автор: Вадим Сыван

Живая вода

Утро в городе начинается слаженно, быстро: один за другим вспыхивают огоньки в проснувшихся окнах многоэтажек, позёвывают во дворах и скверах ещё сон-

ные автомобили, подслеповато вглядываясь в окна: мой-то скоро? Около восьми, стряхнув с себя остатки сна, улица наполняется шорохом шин, бряцанием ключей и цокань-

ем каблучков. Рабочий день начался, и время пошло. Хлопки дверей в подъездах и машинах словно сигналы стартового пистолета: «Пора!».

Анне нравилось по

утрам переключаться с умиротворенного состояния на быстрый темп рабочего утра. Ей было комфортно в рабочем ритме. Гораздо комфортнее, чем в лениво размеренном течении выходных и праздников. С удовольствием вдыхала горьковатый клейкий аромат тополей, совершая перед работой пробежки в соседнем сквере пару раз в неделю. Энергично, но вдумчиво начинала рабочий день в уже привычном универсальном режиме одновременного выполнения сразу нескольких дел.

Это был её неотомимый город-труженик. Анна любила его за размашистый полет светлых высотных зданий, за четкий и энергичный ритм будней, за осязаемое «чувство локтя» в часы пик и возможность оставаться собой среди таких разных, ироничных и порой высокомерных, но настоячивых и смекалистых горожан. Пожалуй, больше всего полюбился ей дух старины, наполнявший старинные узкие улочки, в которых местами ещё сохранились каменные мостовые. Прогуливаясь по мостовой — сущая мука и гибель для каблучков, но фасады с лепниной и колоннами, с подозрительно разглядывающими прохожих кариатидами и атлантами, тихие дворики под арками, резные балконы и эркеры приводили в состояние умиления и восторга, навевали смутные мечты-грёзы о рыцарских турни-

рах, дуэлях, бурных романах и пышных балах. В её реальной жизни ничего подобного не было и быть не могло. Но Анну это несколько не огорчало. Минутных грёз о рюшах, мушках и локонах было достаточно, чтобы отдохнуть от напряженного делового ритма, обрести душевный покой и гармонию. И работать дальше, прокладывая дорогу к своей мечте: ей хотелось жить в одном из таких домов, нестандартном, с настроянием, с историей, с двориком под аркой, с витыми коваными периллами балкончиков, выходящих в сквер или во дворик с фасонистыми клумбами. И просыпаться по утрам от пения птиц во дворике, и готовить завтрак на просторной кухне с высокими потолками, и вдыхать аромат кофе с гвоздикой и корицей, сидя на балконе с резной оградой и выгнутыми перилами, рассматривая деревья и прислушиваясь к голосам птиц. И хранить в себе ощущение гармонии, красоты весь суеутивный день до вечера, когда тишина и покой вновь станут реальностью. И она шла к своей мечте изо дня в день. настойчиво и неторопливо, с приветливой улыбкой. Но сегодня что-то пошло не так. Она почувствовала это не сразу, только в офисе. Словно коготками царапнулось что-то изнутри. Что? Что-то забыла? Что же?

— Анна Аркадьевна, у меня все готово. Слоган обсудим с вами, есть два

концептуально разных варианта. Эскизы уже на стенде, план рекламной компании Вика сейчас размножит, через пять минут можно начинать. Анна молча развернула кресло, иронически приподняла бровь:

— Прямо-таки концептуально разные варианты? Тогда до начала презентации озвучь, пожалуйста, обе концепции. А я иду посмотреть на эскизы. Эскизы действительно были на стенде. На одном из них на фоне деревенского дома высился небоскрёб, буквально вырастая из покосившейся, крытой соломой хатки. Что-то вновь царапнуло Анну изнутри... Она поморщилась:

— Вы бы еще плетень нарисовали, чтобы стилизация под шевченковскую хату была идеальной. Какая солома? Если ключевой образ-метафора — дом, он должен быть узнаваемым. А тех, кто в таких хатках жил, давным-давно нет.

— Так лучше виден контраст.

— Контраст между чем и чем?...Вашей недооценкой клиента и вашим же самомнением? ...Чем вы только занимались целую неделю? Презентация откладывается, несите все ко мне в кабинет.

Анна поняла, что презентацию придется перенести. Чутье подсказывало, что слащавый слоган-фальшивка не пойдет, нужно искать гармонию, найти достоверную и четкую фразу, способную по-

разить солидного клиента, строительную компанию «Ваш дом» простотой фразы и оригинальностью ассоциации. Такие вот фразы и были ее коньком. «Не в бровь, а в глаз», – шутили коллеги. И шушукались, что Анна – колдунья, проникает в сознание клиента и выдает то, что он хочет услышать. И есть у нее особый ритуал, не зря же запирается на ключ в особо важные моменты... «Возможно, она даже зелье варит», – ехидничали самые желчные. Анну не задевали подобные слухи, скорее смешили и немного льстили. Боятся, – значит уважают... Дом... «Ваш дом» – ваша крепость... Банально... Тёплый дом... Близко... Дом должен быть тёплым... Как у бабули...

Вдруг она поняла, что именно ее царапнуло изнутри: письмо. Вчера вечером она достала из почтового ящика письмо из деревни. И до сих пор его не прочла. Сколько же она не была там?... Почти три года. Видимо придется-таки ехать. Ах, как не к стати... Столько дел... Анна достала письмо из сумки. Писала соседка, которая присматривала за бабушкиным домом. Новость была долгожданной: нашлись покупатели, семейная пара, живут где-то поблизости. Хотят, чтобы у них был загородный летний дом для многочисленных родственников, детей и внуков. Анна откинулась в кресле. Может быть не продавать пока? Можно же сдавать в аренду

этим же людям, к примеру. Пожалуй, придется ехать. А следовательно презентацию переносить нельзя и нужно быстренько сложить слоган. И даже не один. Заказчику нравится выбирать из нескольких вариантов. Пора «варить зелье», – усмехнулась про себя Анна. У нее действительно был ритуал, помогающий замедлить мышление, направить его, словно речной поток, в иную сторону, как бы пропустить через себя, чтобы изменить угол зрения, чтобы затем оказаться не в потоке а над ним, вне его,... и поймать нужную фразу, словно рыбку или бабочку...

Но сам подготовительный ритуал был прост до безобразия, потому никого в него и не посвящала, зачем разочаровывать? Анна обожала хороший кофе и не признавала кофемашин. Кофе для нее начинался с потрескивания зёрен в ручной кофемолке, с аромата.... Комфорт и уют тёплого дома.... Женский слоган, а среди команды заказчиков в основном мужчины... «Ваш дом»: вдали от суеты, в центре событий. Есть! Неплохо. Мелем кофе и едем дальше....

В поезде, отложив в сторону журнал, почти не слыша соседок, разглядывала однообразный пейзаж за окном, и вдруг опять ощутила тревогу, словно что-то она должна была сделать, но не сделала, не поняла, не услышала. Что-то, связанное с до-

мом, с бабушкой, с рекой и полем за околицей. С местом, которое она когда-то считала своей родиной. Когда-то давно. Но времена меняются. Прижилась в городе.... Прижилась... Слово-то какое, словно пружина: сжалась-прижалась-прижилась... Слоганы придумываешь, словно орешки щёлкаешь, а где твой дом?... А едешь ты его продавать... Хочешь жить в престижном районе, в доме с историей, а зачем тебе это? Дом должен быть тёплым, как у бабушки. Будет ли тёплым твой дом, Аня? Даже в самом престижном районе, даже построенный компанией «Ваш дом», будет ли он таким тёплым, каким был у бабули? Тебе ведь трудно расстаться с этим старым деревенским домом именно потому, что он все еще остаётся самым тёплым домом в твоей жизни. И ничего иного ты до сих пор не нашла, не создала, к сожалению. Анна вышла из купе, остановилась у окна, обескураженная этой мыслью. Она привыкла осознавать себя успешной, уверенной в себе современной женщиной, но эта иллюзия рассыпалась, стоило ей только изменить угол зрения. Да, это тебе не слоганы сочинять. Эта задачка посложнее будет. С особым замочком. И ключик к этому замочку следует найти, Аня.

...Ключа под крылечком не было, Анна шарила рукой под каменным порожек, пока не поняла,

что никого не предупредила о приезде, следовательно, её не ждали. Поезд приходит утром, значит соседка, которая присматривает за домом, сейчас на работе. Анна вздохнула, оставила сумку на крылечке и пошла к реке.

Возле реки было непривычно тихо и солнечно, словно в ином измерении, на другой планете. Анна зашла в воду, побродила, намочила руки, умылась, потопталась в воде, распуская любопытных мальков. Затем оглянулась... И вдруг иначе, снизу вверх, как в детстве, увидела желтоватую воду маленькой речушки с песчаным дном, невысокие ивы, зеленеющие вдоль реки, звенящий кузнечиками луг за речкой, светлые берёзовые рощицы на холме, пригорок с брусникой и голубикой, пару крикливых речных чаек, кружащих в бирюзовом небе. Солнце веселилось-сияло, разбрасывая лучи. Щекам стало горячо... Как когда-то в детстве она зажмурилась и плюхнулась спиной в пропахшую солнцем, звенящую траву. И в один миг стала вдруг маленькой, улыбчивой и непоседливой Нюшей...

Зелёный кузнечик карабкался по травинке прямо перед носом девочки, словно пытаясь выяснить: кто это проник в его владения? Нюша следила за ним с улыбкой, сожалея, что не может стать такой же маленькой, было бы интересно понаблюдать за большеглазым куз-

нечиком подольше, понять, как это он так ловко передвигается, коленками назад? И где живет? Есть ли дом у кузнечика? А дети? И как зовут жену кузнечика?

Кузнечика?...Трава пахла солнцем, желтела зверобоем, синела колокольчиками, стрекотала. Казалось, что звенит не только луг, но и небо, речка, берёзовая роща за рекой. Это был её мир, солнечный, просторный, медвяный, добрый и радостный. Нюша любила бежать к реке вниз по тропинке через поле льна, мимо открывающихся навстречу солнцу нежно-голубых цветков, которые вечером закрывались, склоняя вниз головы, и тогда поле оставалось рыжеватомедным до нового утра, в ожидании очередной игриво переливчатой улыбки летнего солнышка. По дороге девочка останавливалась у пригорка с кисловатой краснобокой брусникой, срывала веточки с ягодками, лакомялась и любовалась ими, потом собирала в листья подорожника для бабушки. Нюша больше любила ароматную голубику, а бабушка называла голубику «дурочкой», потому что «от неё, если много съешь, голова дурная», и хвалила бруснику. Бабушка всеми днями возилась в доме, в огороде, в сарайчике где жили поросята Борька и голенастые суетливые куры, но иногда после обеда присаживалась на лужок возле калитки и звала Нюшу:

– Ходи-ка сюда,

внученька, скажи, где была, что видала? Нюша прибегала и ложилась головой на бабушкины колени, обхватывала её руками, смеясь, бормотала:

– Бабуня ты моя родненькая, любименькая!

– Ну будя, будя, завалишь, – смеялась бабушка. – Слушай, что скажу...

До таких минут и припрятывала Нюша в траве под вишней свою добычу – завёрнутые в листья подорожника ягоды с пригорка. Бабушка брала ягодку-другую, крупные ягоды подталкивала внучке, гладила её по голове широкой ладонью, улыбалась и рассказывала о своём детстве и юности, иногда соглашалась спеть, тогда Нюшка прижималась головкой к бабушному плечу и подпевала, тянула за ней старинные песни:

Ой, быстра жива вода,

Ой, судьба ты, лебеда.

Ой, как я свою беду
Да водицей разведу

Нюша слушала и представляла себя взрослой, высокой, с косами... Нет, лучше с одной косой вокруг головы...Ах, вырастет ли такая коса из её пушистых золотистых волос? Вьются непослушные...Если намочить и распрямить, точно вырастут....Костик тётъ Танин одуванчиком дразнит....Вот будет коса, не будет дразнить, не посмеет. А я косу вокруг головы, нос кверху, и пойду, и пойду...И не гляну даже в

его сторону!...

«Набегалась стрекоза, поспи, поспи», – приговаривала бабушка, укладывая сонную девочку в саду под яблоней на старую полосатую раскладушку. У яблони узловатый ствол, широко раскинуты ветви. На ней всегда было много яблок, желтоватых, сладких и сочных. А у Ньюши перед глазами рябила желтоватая вода...

...Анна снова зашла в реку, оглянулась на звенящий кузнечиками пустынный луг, кое-где поросший камышом. Постояв так, оглянулась по сторонам, – никого! Она стянула одежду и, голышом, звонко, как в детстве, смеясь, упала в неподвижно-зеркальную воду, сначала расступившуюся, а потом волной хлынувшую на нее, втягивая в себя, возвращая в прошлое...

Нюша могла целый день, до прохладных сумерек, бродить по рощицам в поисках грибов и ягод, у нее повсюду были свои заветные полянки. Возле ягодного пригорка, например, грибы обычно прятались под молодыми осинками и берёзками, которыми обрастал пригорок с высокой стороны. Здесь можно спуститься в овраг, к роднику. Ньюша однажды увидела возле родника змею, а может быть ужа, не далось рассмотреть в траве, но с тех пор спускалась вниз с опаской, внимательно разглядывая траву: а ну, как и вправду змея? Родничок маленький, неприметный с троп-

ки, журчащий словно подпрыгивающий в том месте, где выбивается из земли. Деревянный настил позволяет подобраться к нему поближе, наклониться, держась за траву, чтобы испить воды, звонкой и колючей, до ломоты в зубах. Теперь можно и дальше идти, только убрать нужно приставшие к ногам колючки и веточки. Сидя на деревянном настиле, девочка обтирала ступни смоченной в родничке ладошкой, потому как совать босую пятку в родник она не могла. Родник грязи да мусора не любит.

Впервые её привела сюда бабушка, присела на траву, вытерла вспотевший лоб уголком платка, улыбнулась:

– Ходи-ка сюда, Ньюша. Посиди, остынь, пока я мусор поубираю.

– Какой мусор, бабуня? Тут только веточки...

– Эта и есть мусор. Родничок-та маленький, помочь нужна, ослобонить дорожку, расчистить. Вода родниковая живая, целебная, грязи да мусора не терпит, чахнет и погибает без дорожки-та.

Бабушка тоже не любила грязь и мусор, постоянно мела, скребла, обрезала старые ветки в саду, полола грядки, носила на коромысле воду из колодца в жестяных холодных ведрах или возила огородную воду для полива в больших молочных битонах «на возике», как она называла старую скрипучую зелёную тележку.

Уже больше пяти лет нет бабушки, запустел дом, зарос сад. Первые два года после ее смерти Аня приезжала два раза в год, оставалась на неделю, наводила порядок в саду, просушивала отсыревший за зиму дом, отворяя настежь окна и двери, очищала заросший бурьяном дворик. И дом оживал, наполнялся звуками, запахами лета, сада, яблок. Зелёная тележка возле калитки, старый яблоневый сад с полосатой раскладушкой под раскидистой яблоней и глядящий двумя окошками в сад синий бабушкин дом остались в памяти навсегда. Потому Анна продавать дом и не решилась, что приезжала сюда, словно в детство, воды родниковой испить, наполнить душу горячим солнцем, ароматом яблок да клубники, теплом бабуниной огрубевшей ладони, твёрдой, но доброй и нежной.

– Продавать надо, Анюта, – кивала головой соседка баба Шура.

– Дому-та руки нужны, мужик нужен... Ты давно не была-та. Всё одна?

– Одна, баб Шур. Пока одна. А дом жалко продавать, думаю...

– Ну подумай-подумай. А как покупатель уйдёт, чё думать будишь?

– А тогда думать нечего, начну клубнику рассаживать, усы обрывать...

– Вусы! Ой, гляди, девка!...Сказала-сказанула-та! Вусы она

обрывать будить! Ты б кому другому вусы-та пообрывала, чтоб голову те не морочил да за ум взял-си. Во каки вусы те обрывать надобно, девка! Чув-ешь мяне?

Шурочка замахала на нее руками и пошла к своей хате, посмеиваясь и придерживая под подбородком узелок тёмного платочка. Анна тоже рассмеялась, представив, с каким бы удовольствием она и впрямь «кому другому вусы-та пообрывала». Постояла так, улыбаясь да раздумывая, и повернула на тропинку к реке.

Ой, текут мои года,

Ой, студёна реченька,

Ах, за мила за дружка

Всё болит сердеченько...

Течение в речке быстрое, но вода не обжигает. Тело не стынет, а словно оживает, наливаясь свежей силой. Анна плавала долго, ныряя в медленную воду, задерживая дыхание, лягушачьими движениями проталкивая себя вперед, распугивая удивленных рыбок. Она окуналась с головой, стараясь смыть напрочь жесткий прессинг столичной жизни, запрограммированность на активные, часто инерционные действия, вслушивалась в себя, улавливая и повторяя неторопливую текучесть речной воды, словно растворяясь в ней. Отталкиваясь от песчаного дна руками, выплывала на поверхность, поворачивалась лицом к солнцу и долго ле-

жала на воде, закрыв глаза, скользя по течению. Решение должно прийти само, правильное решение так и приходит, само, изнутри, неожиданно и четко, словно всплывает из глубины сознания...А может из желтоватой воды детства?...Живая вода не только в детских сказках встречается. Река детства наполнена живительной любовью и теплом, потому и будит искренние чувства, заставляя нас поиному осознать себя в этом мире. Живая вода из реки детства питает душу, проникая глубоко в наше сознание, прокладывая из него дорожку в подсознание. Целительной способностью оживлять, врачевать душу обладают и творческие занятия, увлечения. Те из них, которые мы воспринимаем «с душой», пропуская через себя, действительно делают нас лучше, развивают. От старинного слова ‘hobbyhorse’ сейчас осталась только первая часть. А о лошадке все почти забыли. О любимой лошадке, о том творческом занятии, что дается, играючи, легко, позволяет открыть и очистить душу, словно в живую воду войти. Возвращение в детство словно обретение себя, путь к себе. После таких возвращений человек четче начинает осознавать реальность и себя в ней.

...Нюша в панике бежала домой напрямки, перепрыгивая через кочки, причитая и охая... Солнце уже низко, лён позакрывался, а она до сих пор ба-

буне не показалась. Вот будет ей! Нюша даже зажмурилась, до чего не хотелось от бабушки нотации выслушивать! Калитка была открыта, и девочка облегчённо выдохнула: раз дома гость, значит меньше ругать будет! Заглянула в окошко и увидела соседку-подругу бабушки Шурочку, которая рассказывала что-то, держась за щеку ладонью. Нюша тихохонько проскользнула через веранду, даже дверь не скрипнула, чуть приоткрыла дверь в хату и ящеркой шмыгула в другую комнату за высоким быльцем железной кровати, за спиной у сидящих за столом подруг. Там отдышалась и прислушалась:

– Ой, Лиза, я как вспомню: Он укол-та как сделал, у меня-та грибы раздулись, харя распухла!.....Ой, Божа мой Божа!... Натерпелася старуха страху-та! Не ходи, Лиза, к врача-рвачам, пушай болить зуб ентат. Сильно болить – шалфейчиком пополощи, боль и уйдет-та...Чем страх такой терпеть, лучше шалфейчиком-та...

– Ты б спросила, чего ж ён так болить? Можя лекарство како-нить приложить?

– Ай, йди ты, не смяши, Лизка! Лякарство ён положить! Зуб-та рвут за деньги, а лечать задарма!

– Ну да, ну да, – кивала бабушка, прихлёбывала чай из широкой чашки с красными цветами и вытирала шею да лоб

уголком платка

А с лежанки за печкой кошка Василиса таращила на Нюшу жёлтые глаза. Нюша забралась на лежанку, осторожно миновав любопытную кошку. Она вспомнила, что на печи сушатся яблоки. Бабушка запрещала Нюше их трогать, но голодной девочке наблюдать чаепитие двух бабулек было не под силу. Она решила набрать побольше яблок в подол и удрать на улицу, чтобы казанской сиротой, до которой никому нет дела, обиженно сидеть возле калитки. И наестся сушки, и наказания за позднее возвращение избежать! Нюша была в восторге от придумки! Чтобы дотянуться до разложенных на полотняном полотенце золотистых долек, пришлось стать на цыпочки... Не достать... Нюша потянула на себя полотенце... Ещё чуть-чуть... И ещё... Стоя на лежанке, она сделала маленький шагжок поближе к печи, продолжая тянуть полотенце на себя и нечаянно наступила на кошку... Оскорбленная Василиса рывкнула, вывернувшись... А Нюша, пошатнувшись, рванула полотенце на себя... Василиса с воплями кинулась прочь от сыпавшейся на неё золотым дождём яблочной сушки. На глазах оторопевших бабуль с лежанки следом за орущей Василисой с грохотом и криком свалилась Нюша, а сверху, с печи, на неё всё сыпались и сыпались яблоки....

...Анну разбудил

мобильник, который она спросоня никак не могла отыскать и несколько минут металась по хате, поднимая вещи-газеты-сумки. А телефон неторопливо сползал вниз по покрытой клеёнкой полке с цветочными горшками. Одной рукой поймала его, уже почти наполовину свесившийся с полки, второй, – натянула на себя майку, пододвинула табурет, затем взглянула на часы:

«Ого, уже десять!»

А номер был знакомым. «Не колдунья ли ты, баб Шур?», – усмехнулась Аня:

– Здравствуй, Андрей.

– Здравствуй, Анечка. Что-то ты пропала, не звонишь. Где ты сейчас? Я подъеду.

– В деревню Козятники Смоленской области приедешь? ...Я здесь.

– Куда? Повтори, не слышу...

– Андрей, я далеко.

– Скажи где ты, я приеду.

– У тебя сколько времени? Час-полтора на быстрый секс и легкий ланч?

– Ответом было молчание... Вдох... – Что-то случилось?

– Ничего особенно-го, усы обрываю...

– Усы? ...У меня нет усов... Аня, я тебя не понимаю...

– А себя понимаешь? ...Навряд ли, у тебя такой напряженный график, у тебя ответственность за процесс... Как же тебе трудно, милый. Но я не пожалео. Не надо при-

езжать, я слишком далеко. Мы друг от друга уже слишком далеко. А на ланч езжай к жене. Приятного аппетита.

И дала отбой. И отключила телефон. И все. Незаменимых у нас нет. То есть у них. То есть у него. И нечего цепляться за интрижку, которая к реальности, к жизни уже не имеет никакого отношения. Да, щемит внутри, и очень хочется реветь, но истина в том, что давняя, устоявшаяся и потому вполне, как говорят, «приличная» история их отношений с Андреем тоже обманка, фрик. Это не реальность.... Да, сначала была любовь. Во всяком случае у неё, но это уже в прошлом. А сейчас их обоих этот вполне современный формат отношений просто устраивает. Это раньше она сначала не знала, что Андрей женат, потом запрещала себе приближаться, чтобы не влезать в женатую историю, не разбивать семью. Страдала и мучилась от ревности. Со временем поняла, что так даже удобно, больше сил и времени остается для работы и карьеры. И согласилась на продолжение, на игру по мужским правилам, на роль подруги, музыки, любовницы... А собственную историю слабо сложить? До тридцатника дожила, а даже влюбиться по-настоящему не смогла себе позволить. Хочешь тёплый дом? Начни с реально тёплых отношений. Признайте для начала, что вам, самодостаточной и

независимой, тяжело в одиночестве, что в съемную квартиру вечерами идти не хочется. И праздники вы не любите, потому что боитесь одиночества, гордыня воеет...О-о-о, начинаются сопли и слюни...Что, клубнички захотелось? Выращивайте свою, Анна Аркадьевна. Потрудитесь, это вам не слоганы сочинять.

...Ой, подружка реченька,

Остуди сердечен-ко...

Покажи мою судьбу:

Близка ли, дале-ченька?

Нюша сидела на лавочке возле окошка и ела клубнику. Медленно поднимала каждую ягоду вверх, разглядывала её с разных сторон. Клубника была бабушкиной гордостью, любимицей и отрадой. Три разных сорта на шести аккуратных грядках на солнышке, на возвышении, под окном. Слева от грядок – ящик с песком, справа, возле садовой калитки, бочка с перегноем. Куры ходили по двору и подозрительно поглядывали на девочку: тихо сидит, жди беды. Такая уже шустрая девица, глаз да глаз! И кивали петуху: – Сидит, глянь-ка! Нюша поджимала под себя ноги, когда петух косил в ее сторону и как-то боком приближался, грозно бормоча. Гусей и петухов она опасалась. Нагретые солнцем клубничины были крупными, сладкими и сочными. Сок стекал по подбородку, по

щекам...Ягоды влажно блестели на солнце. Рядом с миской клубники – литровая кружка маслянистого домашнего молока. И небольшая глубокая тарелка с мёдом. Такие тарелки в бабушкиной деревне называли блюдцами. Это был её завтрак. Нюша с удовольствием выпила треть кружки молока, съела почти половину миски клубники, несколько ложек меда... Затем завтрак замедлился. Еды все ещё было много. А сил уже не было совсем. Так, молоко не проблема, есть Василиса, есть Дружок...Клубнику оставить можно. Бабушка сварит компот. А мёд принесла тётя Нина, оставлять нельзя. Обидится. Надо что-то придумать...Несколько минут спустя ошалелый от счастья пес, вылакавший почти литр домашнего молока, лежал, растянувшись поперек крыльца, и сладко икал. Кошка Василиса, слишком поздно появившаяся во дворе, могла только облизываться, мрачно-подозрительно разглядывая блаженную физиономию пса. Мед Нюша подмешала курам в жестянку с водой, правда воды в жестянке мало, была она горячей, нагретой солнышком... Куры и петух с пониманием отнеслись к вниманию со стороны приезжей девицы, отведали медовуху, поквохтали одобрительно, да ещё раз отведали... После этого обычно хрипловатый голосом петух вдруг расправил крылья, взлетел на забор и закукарекал вы-

соким фальцетом, выпячивая подбородок и торжественно оглядывая окрестности. При звуке неожиданно высоких нот куры отпрянули от корыта и замерли, свернув шеи набок... Из дверей выглянула бабушка:

– Нюша-а, у нас тут чей-та маладой петух забежал-та через гарод, ишь, гарланить, оглашенный! Так ты гани яго, внуча. А то передерутся. Наш-та тожа во дворе. Осоловевший «наш-то» при звуке скрипучей двери пошатнулся и едва не свалился с забора в огород.

– Хорошо, бабунь, щас прогоню! Нюша вскочила с крылечка, стараясь загородить жестянку поилку и остолбеневших возле неё кур. Бабушка вернулась в дом, а Нюша стремглав бросилась к бочке с водой, чтобы разбавить медвяную смесь. Пока тихохонько шла с ведром мимо хаты, поставила его на землю и стала на приступочку, осторожно заглянула в окошко. Бабушка сидела на стареньком продавленном диванчике, вязала крючком и напевала:

Как из дальня-далека

Все бежит-течет река...

Говорлива да чиста,

Не мала не велика...

Когда бабушка пела, её лицо молодело, глаза начинали сиять тихим загадочным светом, голос становился глубже, словно далекая молодость вновь

наполняла душу энергией, вытягивала из повседневности, освежала, как вода из маленькой речки, возле которой бабуля жила всю свою жизнь. К реке бежала в молодости, чтобы выплакать обиды, в прохладе желтоватой воды набиралась спокойствия и уверенности, смывала усталость и дневные заботы. И никогда не покидала этих мест. Никогда. Но разве сейчас так живут? Ни дорог, ни бутиков, ни машин, ни клубов... Один молодец на две улицы! Разве это жизнь?

Анне пора было возвращаться в город. Дом нужно продавать, ничего не поделаешь. Чтобы забрать с собой памятные для себя вещи, разбирала коробки и чемоданы, сложенные на лежанке за печкой. Искала связанную бабушкой скатерть. Бабушка когда-то связала ее для Нюши, а она не захотела тогда забирать подарок, в общежитие её жалко было везти, решила оставить у бабушки до лучших времен. А потом забыла. Сейчас же вдруг вспомнила, захотелось сохранить энергетику отчего дома, детства, её бабуни. К этой скатерти прикасались трудолюбивые бабулины руки, старательно вывязывая узоры так, как она их увидела внутренним зрением. Бабушка не умела рассчитывать количество петель, накидов. Она просто смотрела на узор-образец и вязала, без схем, читая его, угадывая, понимая, как вывязать, сколько раз повторить.

Без скатерти не уеду... Раскрыв очередной чемодан, услышала скрип калитки и выглянула в окно:

— Анка, ходи-ка сюды, — послышался голос соседки.

— Здравствуйте, тётъ Нина, заходите в дом.

— В хату не пойду, у мяне тёлка во дворе не привязана гуляить, неравён час в гарод забредётъ. Тебе када ехать-та?

— Поезд завтра вечером, в 22.30. А сегодня с покупателями встречаюсь. Скоро должны подойти.

— Встречайси, встречайси. А завтра увечери за молоком прийдешъ в девять, будить тебе парненькое на дорожку, как ты любишь. Тесто я поставила, пирогов напекку, в магазин не ходи, там и хлеба свежего нынче не сышешъ.

— Тётъ Нина, за молочко спасибо. А больше ничего и не надо, мне ночь ехать, какие пироги?

— А ну-ка, не позорь мяне, Анка. Мы с твоей бабкой-та, с Лизаветой, сколько лет рядом прожили! Сколько живу, столько её поминать буду добрым словом. Работающая и добрая была, слова худого не скажить. Што ж я её унучку голодную в таку даль отправлю? Ай, йди ты, забяйся... Молока надоим, пирогов напечём, и проводим, и посодим... Усё будить по-людски.

— Ну спасибо, тётъ Нина, — Аня обняла соседку. — И правда здорово: приеду, буду завтракать вашими пирожками и вас

вспоминать.

— Вспоминай, девонька, вспоминай. И свою бабушку помяни добрым словом. Мы тут её часто вспоминаем. Хату-то продаёшь?

— Продаю, пока покупатель есть. Старая хата-то.

— Мы тут все старые, кто остался... А место хорошее, станция близко, речка рядом... Ты не стесняйси, раз покупатель есь. Своё бери. ...Пойду я, а за молочком-то приходи.

— Приду, тётъ Нина. Спасибо вам.

Бабушкину скатерть Аня нашла под стопкой вещей в очередном чемодане. Скатерть была бережёной, совсем новой, узорчатой, большой, теплого цвета слоновой кости. Аня обрадовалась, прикоснулась щекой к грубовато-шершавой поверхности и закрыла глаза, вспоминая, как в детстве провожала её бабушка. Неспешно, в несколько дней, с обстоятельным ритуалом пришивания потайного кармашка для денег, сэкономленных ради любимой внучки с маленькой пенсии. С запеканием жёлтой курицы и заворачиванием в отдельные бумажные кулёчки десяти вареных яиц, с обязательной покупкой конфет в станционном магазине, в котором бабушка подробно рассказывала продавщице, что внучка учится в самой столице, в университете, что учится хорошо и пенсию получает. Слово «стипендия» бабуля так и не смогла запомнить.

...Аня задохнулась от слёз и внезапно поняла, что в этой смешной деревушке зачерпнула ей судьба из старого колодца, из родника и небольшой речушки столько любви и доброты, сколько иному человеку за всю жизнь не собрать... Идеалистка...

Нет, не о том речь. Да, я не хочу жить в неустроенной, далёкой от цивилизации российской глубинке, но видно до сих пор меряю степень открытости, искренности в отношениях с людьми по этим, деревенским меркам. Может потому и одна до сих пор? По городским-то меркам я не одна. Я по деревенским меркам одна. Вот и думай...

А может и вправду не продавать дом? И приезжать почаще, купаться в реке детства, освежать мысли и заглядывать в себя, чтобы увидеть себя и

свою жизнь в ином ракурсе, словно с другой стороны, чтобы изменить то, что еще можно изменить. Чтобы не просто комфортный и престижный дом создать, а теплый. Как у бабушки. Чтобы на эту мечту идти и чтобы однажды воплотить ее в реальность. Правильно, ей нужны эта речка, этот дом, словно маячок, действительно нужны. А дальше всё сложится, главное, чтобы маячок был ярким и настоящим, без фальши. Как тётка Нина сказала: «Всё будить по-людски». Да, будет, всё будет по-человечески, бабуленька моя. И приезжать сюда нужно, возвращаться к себе настоящей, именно сюда, где так легко и просто дышится, где всё по-человечески, где осталась бабушкина могилка. За ней-то кто будет ухаживать? Соседка?.. Она за-

стыла, поражённая тем, что эта мысль раньше не приходила ей в голову. О доме думала, о любви, о работе, а о бабушкиной могилке, о своём долге перед ней – не задумывалась.... Сколько же можно потерять, если подменять ценности, жить иллюзиями, обманываться и обманывать! Вот он, ключик: жить реальностью, а не иллюзией, уметь вовремя отличать одно от другого. Родная моя бабуля, спасибо тебе за этот ключик, за то, что научила меня пить живую воду и очищать воду в роднике, а мысли в голове от мусора. Я к нашему родничку и своих детей приведу, чтобы научить их этому. Обязательно приведу. Обещаю.

А во дворе глухо стукнула калитка.

Автор: Людмила Казакова

На две семьи

Разбитая машина подъехала к белому особняку с колоннами. Хлопнула дверь и из автомобиля полезли люди, всего восемь человек, сидевшие, как видно, на коленях друг у друга.

- Хорошо хоть дорожные полиция не остановили, - схватилась за поясницу женщина лет сорока, морщась от боли.

- Представляю их удивление, - хохотнул

подросток, одетый по моде, в драную джинсу.

- Будто цыгане, - обиженно надула губы молоденькая копия женщины.

- Куропатковы, цыц! - притопнул глава семьи и воззрился на дом. - В кои-то веки нам повезло. Месяц проживем здесь и особняк наш!

- У богатых свои причуды! - пренебрежительно фыркнула жен-

щина, но прилегающие к дому зеленые насаждения оглядела.

- Прямо, как у Чехова, вишневый сад, - скорчила плаксивую гримасу дочь Куропатковых.

Хранившие до того момента молчание престарелые родители, разразились восторженными восклицаниями. Деду понравился особняк, а бабушке густо разросшиеся, распростра-

няющие нежный аромат, кусты белых роз.

Оставались еще двое молчаливых наблюдателей, но на них кровные родственники почти не обращали внимания.

Пятилетние близнецы, держась за руки, подошли к окну дома, сосредоточенно рассматривая бледное изможденное лицо одного из обитателей особняка, глядевшего с надеждой на хлопотливое семейство новых жильцов.

- На что пялитесь, мелюзга? - подошел старший брат.

- Забыл, они у нас молчуны! - вмешалась сестра.

- Там человек! - обернулся один близнец. - Мертвый!

На визг подростков сбежались все взрослые.

- Что тут у вас происходит? - обеспокоенно нахмурился глава семейства.

- Богдан, Кира, отвечайте! - прикрикнула мать.

- Мелюзга говорит, - дрожащим голосом начал Богдан.

- Кто говорит? - надвинулась мать.

- Матвей и Тимофей, - быстро поправил сам себя Богдан, - что в доме мертвец!

Наступила тишина, во время которой взрослые успели обменяться тревожными взглядами.

- Весь мир построен на костях, - сказал вдруг дед и склонился к близнецам, - некоторые умершие не могут уйти на тот свет, им помогать надо!

- Как помогать? - в один голос спросили близнецы.

- Открыть портал, - пожал плечами дед так, будто это было проще простого.

- Так, - хлопнула в ладоши мать, - больше об этом не говорим, быстренько заносим вещи в дом, выбираем комнаты, а я пока обед сготовлю!

Куропатковы приободрились.

Богдан шумно занял комнату на втором этаже и плюхнулся на кровать, с восторгом рассматривая черный потолок весь в мерцающих звездах, стоило лишь задернуть тяжелые портьеры на окнах.

Кира обосновалась в светлой комнатке с кружевными атласными шторами, высокой кроватью застеленной пушистым белым покрывалом и множеством мягких игрушек.

Близнецы облюбовали детскую с "мимишными" обоями, но покосившись на колыбель, стоявшую в углу комнаты, совместными усилиями вытащили кроватку в коридор.

- Мы вам диван из гостиной поднимем, - пообещал отец.

Колыбель закинули на чердак, где гуляло пыльное облако и ничего, кроме опилок на полу не было.

Совместными усилиями старшие Куропатковы перенесли снизу наверх клетчатый диван. Дед немедленно разложил его, превратив в двуспальную кровать, а бабушка положила матрац.

- Всяко будет мягче спать! - сообщила она, радостно оглядывая угрюмых близнецов. - Улыбнитесь, дети, дом такой просторный!

- Не то что прежний, - подхватил дед. - В двухкомнатной хрущовке ютились. ни повернуться, ни нормально выспаться!

- Куропатковы обедать! - провозгласила с кухни мать.

Богдан, в первых рядах примчался и встал в дверях, пораженный размерами кухонного пространства.

- Два холодильника, - выглянула из-за его спины Кира и подтолкнула брата, - чего встал, седай за стол, кушать хочется!

Обеденный стол, рассчитанный на большое количество людей был длинен. Куропатковым места хватило.

- И еще осталось, - показал рукой на упстые стулья Богдан.

- Может такая же семья влезть, - согласи-

лась мать, подкладывая сыну тушеные овощи с мясом.

- Сумасшедший, - пробормотала Кира, наблюдая за торопливыми движениями брата, поглощавшего пищу со скоростью проголодавшегося пса.

- Еще неторопливо, - посоветовала бабушка, ласково улыбаясь на нетерпение старшего внука.

- Не могу, голодный очень. - промычал Богдан с набитым ртом и замер, глядя на братьев.

Близнецы сидели, чинно сложив руки на коленях и синхронно следили за передвижениями кого-то... кого-то невидимого.

- Опять? - взвыл Богдан, с ужасом роняя ложку.

Куропатковы всполошились.

- Внучек, где у тебя бо-бо? - бросилась к старшему внуку бабушка, по пути роняя пустой стул.

- Смотрите, смотрите! - заверещал Богдан, указывая на реакцию близнецов.

Матвей и Тимофей неотрывно следили, как полупрозрачная девочка по возрасту подходящая в сверстницы сестры бросилась к сковородке, где оставалась еще порция мясного рагу и с жадностью потянула носом воздух.

Ее оттолкнул под-

росток, точно такой же, как Богдан и склонившись к пище, попытался прозрачными пальцами ухватить кусочек.

В то же время мужчина, которого близнецы уже видели в окне, воспользовавшись суетой живых, принялся есть с тарелки главы семьи Куропатковых.

Пища не исчезала, но оседала, скукоживалась, серела.

Женщина с грудным малышом на руках, опасливо косясь на зорких близнецов подошла к нарезанному на столе хлебу, сунула грудничка в самую суть ломтиков батона. Малыш радостно зачавкал.

- Что вы видите? - истерил Богдан.

- Я не буду, здесь, жить! - рыдала Кира, охваченная смятением.

Ночью всем Куропатковым не спалось.

Дед беспрестанно ходил по комнатам, хмурясь на лунные лучи, создающие иллюзию движения. Отец, заслышав шорох, вздрагивал, вскакивал с постели, опережая его, мать тогда мчалась наверх, проверять детей. Бабушка, включив торшер, шелестя страницами молитвослова, читала молитвы о неупокоенных душах.

Измученные взрослые утомнились лишь к утру.

Скрипнув дверью из своей спальни вы-

брался Богдан, не раздумывая, к нему присоединилась Кира. Вместе, они вошли в детскую.

Матвей и Тимофей встретили их появление понимающими взглядами.

- Кто тут живет, кроме нас? - потребовал объяснений Богдан и для пущего эффекта строго сдвинул брови.

- Семья, - коротко ответил матвей.

А Тимофей перечислил мертвых.

- Почему они тут живут? - задрожала Кира, роняя крупные капли слез на аляповатый ковер у себя под ногами.

- Не понимают, что умерли! - ответили близнецы.

Они могут причинить нам зло? - сощурился Богдан.

Близнецы подумали и принялись говорить:

- Пищу могут обесточить, лишить витаминов фрукты и соки, хлеб могут испортить.

- Это как? - удивилась Кира.

Близнецы объяснили, из их слов стало понятно, что каким бы свежим ни был приобретен батон, все едино заплесневевает на следующий день.

- Запахи! - подсказали близнецы и рассказали об эффекте, знакомом каждому живущему в одном доме с призраками.

- Фи, - сморщила нос Кира, - теперь придется освежители воздуха постоянно распыскивать!

- Устанешь, - покосился на нее Богдан и задал главный вопрос, - вы прогнать их можете?

- Сил не хватит!

- А дед?

- Дедушка ослаб, состарился, - доложили близнецы, - вот, если бы нам было лет по четырнадцать...

Они взглянули на Богдана.

Подросток боязливо отступил:

- У меня нет силы!

- Вы единственные такие! - поддержала брата, сестра.

Утром, за завтраком, Куропатковы молчали, с неохотой вкушая овсяной каши сдобренной сливочным маслом.

Прежние жильцы дома завтракали вместе с новыми.

Поднеся ко рту ломтик белого хлеба, бабушка принялась:

- Чего это? Плесьнь?!

- Не может быть, - возразила мать, поспешно отнимая у бабушки ломтик и растерянно воззрилась на семью, - я вчера свежий батон купала!

- Что хлеб, - расплакалась и без того нервная Кира, - пирожное невозможно есть!

И она подвинула матери тарелку с завар-

ным пирожным покрывшимся легким налетом плесени.

- Но, - попыталась собраться с мыслями, мать.

- Скажи, папа, их убили, да? - спросил Богдан о присутствующих в кухне мертвецах.

Глава семьи беспомощно посмотрел на остальных взрослых, ища поддержки.

- Они погибли не здесь, - с грустью произнес дед, - разбились в автокатастрофе, далеко отсюда!

- Почему же вернулись? - продолжал допытываться Богдан.

- Видимо, потому что - это их дом! - пожал плечами, дед.

- Послушайте, а давайте с ними договоримся! - дрожащими губами предложила Кира.

На ее предложение обернулись все: и живые, и мертвые. Идея понравилась.

Обед был сварен на две семьи.

Расставляя глубокие тарелки наполненные наваристым борщом, Кира пояснила свою мысль:

- Ведь откуда-то взялась традиция подкармливать призраков на кладбищах? Оставлять им конфеты, соки, пирожки, хлеб?

- Да, да, - кивнула бабушка, поделив батон поровну и поставив тарелку, наполненную кус-

ками хлеба на половину стола прежних владельцев дома, великодушно разрешила, - угощайтесь, мои дорогие!

С той поры, вкус пищи семейства Куропатковых сделался прежним и хлеб оставался свежим долгое время.

Пищу "съеденную" призраками, близнецы отдавали собакам и кошкам, а хлеб крошили птицам.

В доме чувствовался хвойный аромат автоматических освежителей воздуха, но запах тлена, присущий жилищам, населенным неупокоенными душами, отсутствовал вовсе.

Прожив с месяц, Куропатковы торжествуя получили бумаги с печатями и увешанный золотыми брюликами, продавец, боязливо оглядываясь, шепотом спросил:

- Неужто призраки вам не досаждают?

- Они просто люди, попавшие в трудную ситуацию, - в один голос ответили ему близнецы и посмотрели в сторону кухни, где призрачное семейство чинно расположившись на своей половине стола, со вкусом поглощали испеченные, в том числе и для них восхитительные пироги с вишнями...

Автор: Элеонора Кременская

Сверхъестественное: новые приключения

Глава 6.

Подбежав к машине, она быстро запрыгнула в нее. Дин завел мотор и дал по газам, оставив клубы дыма.

— Чуть не попались!- выдыхая, говорил Сэм.

— Стрелять не нужно было, все обошлось бы!- отвечал брату Дин.

— Я не ожидал, что этот ящер накинется на меня и, что мне нужно было делать по твоему, дать растерзать себя? - с ноткой злости в голосе, говорил Сэм.

— Ладно, Сэмми, не злись, что сделано, то сделано, главное вовремя свалили! - успокаивал брата Дин.

В это время в убежище Кастиэль сидел за столом, зарывшись в книги, Мари рыскала в ноутбуке, ища информацию в Интернете.

— Ты что-нибудь нашел?- спросила она Кастиэля, делая глоток из третьей по счету кружки кофе.

— Нет, у меня скоро шарики за ролики в мозгах будут! - откладывая книгу в сторону, и, берясь обоими, руками за голову отвечал Кастиэль.

Мари рассмеялась, когда Кастиэль договорил,

и продолжила свои поиски в Интернете.

— Что тебя рассмешило?- удивленно спросил Кастиэль Мари.

— Да так ничего!- улыбнувшись, отвечала она ему, не отрывая глаз от монитора ноутбука.

Наконец Сэм и Дин добрались до дома. Взяв свои вещи вышли из машины и направились к входу в убежище, спускаясь по лестнице, они увидели, что Мари сидит за столом и что-то читает с экрана ноутбука, а Каса не было видно за горой книг.

— Ну, что я тебе говорил, я был прав, у ничего не было, о чем ты думал! - шёпотом говорил Сэм Дин, слегка толкая его в плечо.

— А что между нами должно было быть? - поднимая глаза от компьютера, и складывая руки на груди спрашивала Мари братьев.

— Аааа...ничего, и как ты услышала?- растерявшись, отвечал Дин.

Кас появился из-за горы книг, и выглядел удивленным.

— Дорогой братец, ты кажется забыл, что с некоторых пор я слышу прекрасно, и не уходи от ответа, так что там должно было быть между нами! - вставая из-за стола и

подходя ближе к Дину, отвечала Мари.

— Черт, все время забываю об этом! - выругался Дин, оставив Мари пока без ответа.

— Дин, не увиливай, я жду ответа! - настаивала на своем Мари.

— Мари, не обращающей внимания на эти слова!- беря за плечо, и уводя сестру, просил Сэм.

— Ладно, как скажешь! - улыбнулась в ответ она брату.

— Вы это о чем?- очнувшись, спросил у всех Кастиэль.

— Уже не о чём! - улыбнувшись, отвечал ему Дин.

— Вы что-нибудь нашли? - перевел тему Сэм.

— Пока ничего! - развел руками Кастиэль.

— У вас как все прошло? - спросила Мари братьев.

— Почти хорошо. Мы чуть не попались. Ящер пробрался в дом, где мы допрашивали мальчика, мы решили пробраться в дом, оно было в комнате мальчика! - рассказывал Сэм, садясь за стол.

— Что самое странное, он с ним разговаривал словно, тот его понимал, и ящер не трогал его, но когда мы вошли в комнату, ящер начал

странно себя вести, когда мальчишка начал злиться ящер начинал шипеть, потом и вовсе накинута на Сэма. Он выстрелил в него, но ящера не зацепило, он выпрыгнул из окна, ну а мы дали деру! - продолжал рассказ Дин.

— Мда..., главное, что не попались! - садясь рядом с Сэмом, и потирая свой затылок, говорила Мари.

— А мальчик с ним все в порядке? - спросил у братьев Кастиэль.

— Да с ним будет, его то не зацепило, ящера да ему досталось, но пацан странно себя вел! - отвечал ему Дин.

— Как именно? - вдогонку спросила Мари.

— Он злился, глаза его на миг, как мне показалось, что изменились, он был готов сам на нас накинуться вместо ящера! - отвечал Сэм.

— Да довольно странно! - согласился с братьями Кастиэль.

— Ладно давайте присоединяйтесь к нашим поискам, мы завтра с Чудиком днем проследим за парнем от дома до школы и обратно! - предложила Мари.

— Лады! - согласились братья и начали листать книги, лежавшие на столе.

И все четверо принялись за поиски информации. Время шло, поиски пока не увенчались успехом, Дин сменил сестру сев, за компьютер, она продолжила искать в книгах и папках, Кастиэль и Сэм сидели, за столом

листая книги.

Мари умостила, на полу взяв одну из книг, начала листать ее и наткнулась на одно описание странного существа, дочитав его до конца, она поняла, что вот оно то самое, что они все вместе ищут.

— В яблочко! - обрадовалась она, подняв от восторга вверх руки.

Кастиэль, Сэм и Дин повернулись в ее сторону.

— Что нашла? - спросил первым Дин.

— Да! - вставая и беря книгу, подошла ближе к ребятам.

Дин встал со своего места и подошел ближе, чтоб видеть, что там нашла Мари.

— Это ящерица-оборотень, зовется Кэнама! - кладя, книгу на стол, и показывая на картинку и описание под ней, говорила Мари.

— Ну, это уже что-то! - говорил Сэм, подвигая ближе к себе книгу.

— После превращения обратно в человека, тот ничего не помнит о происшедшем, последующие обращения в ящера, в итоге полностью поглощает животная часть, и он уже не человек! - рассказывала Мари.

— Очешуенно! - беря у Сэма книгу, удивлялся Дин.

— И как эту тварь убить? - спросил Кастиэль.

— В книге ничего об этом не сказано, по-видимому, никак! - пожимая плечами, отвечал Сэм.

— Может все-таки есть какой-то способ? - снова спросил Кастиэль.

— Может и есть, но нам пока об это не известно! - разводя руками отвечала ему Мари.

— И, что делать будем? - обратился ко всем Сэм.

— Продолжать отслеживать его, понять какое отношение к нему имеет мальчишка, а там по ситуации уже будем разбираться! - захлопывая книгу предложил Дин.

— Так и поступим, мы с Чудиком завтра и приступим к этому! - согласилась Мари с братом и пошла к себе в комнату, по дороге прислушиваясь, о чем будут говорить парни.

— Кас, колись, у вас было что-нибудь? - слегка ударив в плечо Кастиэля, спросил Дин.

— Дин, ты опять за свое? - возмутился Сэм.

— Да, Дин, я не понимаю о чем ты? - удивленно спросил Кастиэль, не понимая что имеет ввиду Дин.

— Да, ты действительно Чудик, ладно проехали! - хлопая по плечу Кастиэля, отвечал Дин.

— Кас, ты кофе будешь? - вставая из стола, спросил его Сэм.

— Не отказался бы! - ответил ему Кастиэль, отодвигая стул.

— Ну, братец ты и пошляк! - закрывая за собой дверь своей комнаты, говорила Мари.

Но на ее лице появилась небольшая улыбка, когда она вспомнила, как

Кас вел себя в последнее время, находясь рядом с ней. И сердце начало биться быстрее, дыхание немного участилось.

— Так успокойся Мари, выкинь из головы эти мысли, ты обещала ни в кого не влюбляться! - успокаивала саму себя, ложась на кровать и выключая свет.

Наутро все четверо сидели за столом и завтракали. После обсудили план их дальнейших действий. Решили, что Сэм и Дин остаются в бункере искать, как убить ящера, а Кастиэль и Мари проследят за домом и мальчишкой.

Закинув свои вещи в багажник Мари села за руль, Кастиэль сидел уже рядом, уставившись в одну точку впереди себя. Она завела машину, и они тронулись с места. Проехав пару миль, она все же решила отлечь Кастиэля и разрядить обстановку:

— Эй, Чудик ты где? С тобой все в порядке?

— А да, я в порядке! - как бы очнувшись, отвечал ей Кастиэль

— По тебе не скажешь, сидишь как вкопанный, расслабься я тебя не съем! - улыбнувшись, говорила Мари.

— А ты, что людьми питаешься? - немного испуганно спросил Кастиэль.

— С чего ты это взял?- удивленно спросила его Мари.

— Сама же сказа-

ла, что ты меня не съешь! - отвечал ей Кастиэль.

— Я не ем людей, я ем обычную пищу, как и все нормальные люди, это просто выражение такое! - рассмеялась в ответ Мари.

— Странное выражение какое-то, я вообще иногда вас не поминаю, люди! - пожав плечами, отвечал Кастиэль.

— Ты знаешь, я тоже иногда нас людей не понимаю, хоть я и человек, а не как ты ангел! - отвечала Мари, потом добавила: Вот мы и на месте!

— И какие дальше наши действия? - смотря в сторону дома Ставинских, спрашивал Кастиэль Мари.

— Сейчас утро, мальчишка должен пойти в школу, мы проследим за ним!- глянув на часы, приложила к глазам бинокль.

— Почему за ним, а не за его матерью?- продолжал свой расспрос Кастиэль.

— Ну, ящер по словам ребят не с матерью общался, а с пацаном. Нужно понять как он его призывает!- продолжая смотреть в бинокль, отвечала Мари ему.

Прошло минут 10 с того момента как они приехали, и появился школьный автобус. Он медленно ехал по улице и остановился возле дома Ставинских, через пару секунд двери дома открылись и из них вышел Браин и не хотя побрел к ав-

тобусу, оглянувшись помахал матери, которая стояла на крыльце и провожала его. Запрыгнув в автобус, Браин побрел в его конец и сел на, всегда пустующее, сиденье. Автобус закрыл двери и тронулся с места. Выждав пока автобус отъедет подальше и мама Браина зайдет в дом, Мари завела машину, и развернувшись, поехала вслед за автобусом, держась немного на расстоянии от него. Добравшись вместе с автобусом до школы, она припарковала свою машину неподалеку от въезда в школу.

Школьники вышли из автобуса высыпали шумной толпой и пошили в задние, последним вышел Браин, он оглянулся по сторонам, в поймав на себе взгляды одноклассников, которые издевались над ним, и нехотя побрел в школу.

Прошло пол дня, занятия близились к концу, прозвенел звонок, и все ученики встали из-за своих парт и пошли на выход из школы. Браин же побрел отбывать свое наказание, которое назначил ему директор. Взяв инвентарь в кабинете уборщика, Браин пошел мыть кабинет истории. Зайдя в класс, он намочил на швабре тряпку и начал мыть полы.

Он уже домывал кабинет, как в класс со смехом завалился Дилан со своими друзьями. Пнув ведро с водой, он двинулся в сторону Браина, кото-

рый стоял в конце класса. Из перевернутого ведра вода растекалась по полу.

— Эй ты, слизняк, плохо моешь! — отбирая швабру у Браина, говорил Дилан.

— Тебе какое дело? — со злостью отвечал ему Браин.

— Как, ты смеешь мне дерзить, гавнюк, или ты думал я спущу тебе с рук то, что ты сделал? — говорил Дилан и со всей силы толкнул Браина.

Браин ударился спиной о шкаф с книгами, и сполз по нему на пол, подойдя к нему, Дилан сел на Браина и начал наносить удары кулаками. Браин пытался отбиваться и защищаться, иногда у него это получалось, двое других друзей Дилана, стояли и наблюдали, за тем как их друг избивает Браина.

— Это тебе за то, что избил меня на истории, гад получай! — говорил Дилан, нанося удары Браину.

Браин начал чувствовать, как злость подкапывает все ближе и ближе. Он почувствовал прилив сил, его глаза на миг пожелтели, зрачки на миг сузились. Он оттолкнул от себя Дилана, тот полетел через весь класс и спиной врезался в доску. Браин поднялся, его руки были сжаты в кулаки, по правой стороне лица текла кровь из небольшой раны. Ящер уже спешил на помощь к своему другу.

В это время в ма-

шине Мари Кастиэль смотрел в бинокль, Мари же сидела рядом и пила кофе, просматривая новости в ноутбуке.

— Ну, что там, есть движение? — делая глоток и не отрываясь от ноутбука, спросила она Кастиэль.

— Ничего, все тихо, слишком тихо, мальчик не выходил из школы! — смотря в бинокль, отвечал ей Кастиэль.

Сказав это, он вдруг увидел, как со стороны парка приближается силуэт, все быстрее и быстрее, очертания становились все четче и четче и вот, наконец, он рассмотрел, что это ящер быстро и стремительно бежит в направлении школы.

— Черт! — выругался Кастиэль.

— В чем дело? — удивленно спросила его Мари, закрывая ноутбук.

— Вот сама посмотри! — показывая рукой на ящера, который несся уже по школьной стоянке, говорил Кастиэль.

— Твою ж.....! — бросая, все выругалась Мари, открыв дверь, побежала к багажнику машины.

Взяв пистолеты один с пулями ловушками другой с пулями, которые могут убить, подошла к двери, где сидел Кастиэль, и сказала ему:

— Останешься тут, возле входа будешь охранять, а я пойду вовнутрь школы!

— Но я могу помочь! — отвечал ей Касти-

эль, выходя из машины.

— Я верю, что можешь, и поэтому прошу, оставайся тут, и прикрывай меня, если что-то пойдет не так! — положила руку на плечо Кастиэля, просила Мари.

— А что может пойти что-то не так? — удивленно спросил ее Кастиэль.

— Слушай, дорога каждая минута, в нашей работе все может пойти не так, как мы планируем, прикрывай меня, вот возьми и вставь себе в ухо, так мы сможем слышать друг друга на расстоянии! — убеждала она Кастиэля, и дала ему маленький наушник, и побежала во внутрь школы.

Вставив в ухо небольшой наушник, Кастиэль осмотрелся по сторонам, все было тихо, он первый раз остался стоять и наблюдать, раньше он все время был в эпицентре таких событий, он просто не смог спорить и отказать в просьбе Мари.

В это время Ящер влетел уже в окно класса и приземлился неподалеку от Браина, он стоял, не подвижно злоба переполняла его, ноздри раздувались. Ящер ходил из стороны в сторону шипя на Дилана и двух его друзей, которые от страха забились в угол, и с ужасом смотрели на него.

Ящер обернулся на Браина, тот ему кивнул, указав на одного из друзей, тем самым дав понять, чтобы он наступал на него, и тот начал двигаться в их сторону.

Мари, войдя в школу, достала один из своих пистолетов, осторожно шла, осматриваясь по сторонам. Одна из дверей класса была открыта, она вошла в него, увидела уборщика, который мыл полы, он обернулся и увидел девушку, которая почему-то наставила на него пистолет.

— Сэр, успокойтесь, я вас не трону, я из полиции, к нам поступил сигнал, что в здании бомба! — успокаивала мужчину Мари, сочиняя на ходу, опустив пистолет, добавила. — В здании еще кто-нибудь есть? — спросила она уборщика.

— Вроде нет! — испуганно отвечал мужчина Мари.

— Хорошо, тогда на выход быстро, а я все здесь проверю! — говорила Мари.

И мужчина, бросив все, бросился бежать к выходу из класса и школы. Выбегая из школы, он чуть не сбил Кастизэля, который дежурил у выхода.

— Простите! — извинился уборщик, и побегал прочь.

— Мари, что там у тебя? — спросил ее Кастизэль.

— Да все тихо пока, я так понимаю, уборщика встретил? — отвечала она Кастизэлю, и улыбнулась.

— Да он чуть не сбил меня с ног, что ты ему сказала! — бродя то назад, то вперед возле входа отвечал ей Кастизэль.

— Что я могла еще ему сказать, что в здании бомба, всегда мечтала взорвать свою школу. У тебя что? — говорил голос Мари в наушнике у Кастизэля.

— Все тихо никаких движений! — отвечал голос Кастизэля в наушнике у Мари.

Она продолжала красться по коридору школы.

В это время ящер подошел к одному из друзей Дилана. Нависнув над ним начал шипеть, парень закрывался одной рукой, ящер нанес свой удар, оставив не большой порез на руке парня, прыгнул на стену и пополз по ней к потолку. Дилан попытался отползти в сторону выхода, но ящер резко пополз по стене, и быстро очутился возле Дилана, зацепив хвостом за ноги потащил его ближе к себе, испугавшись еще сильнее обратился с мольбой помощи к Браину:

— Браин, сделай что-нибудь, прошу тебя!

— Никакой пощады не будет! — не своим голосом отвечал ему Браин, и добавил так же не своим голосом: Убей его!

— Аааа..... помогите кто-нибудь! — закричал Дилан, прося о помощи.

Все это слышала Мари и побежала на голос.

Ящер ударил одной лапой Дилана, оставив рану на щеке, яд начал свое действие. Дилан почувствовал, как все те-

ло немеет, и становится не подвижным. Ящер продолжил наносить свои сокрушительные удары, Дилан ничего не мог сделать, все тело его словно окоченело. Браин стоял и наслаждался картиной, ему нравилось, то ощущение, что он чувствовал, смотря на, то, как ящер раздирает Дилана, этот прилив силы.

Мари влетела в кабинет, как раз в тот момент, когда ящер нанес свой последний удар, Дилан был мертв. Двое других парней лежали неподалеку, от Дилана, один из них как сам Дилан испустил дух, второй был без сознания. Увидя ее ящер начал отходить от Дилана, недовольно виляя хвостом и шипя, направлялся в сторону Браина.

— Парень, стой спокойно, я могу тебе помочь, не бойся! — достав второй пистолет, и потихоньку двигаясь, вперед говорила Мари Браину.

Ящер остановился, и повернулся в сторону Мари, виляя хвостом из стороны в сторону.

— Мне не нужна ваша помощь, и кто сказал, что я боюсь! — ответил со злостью в голосе ей Браин.

Ящер начал двигаться на Мари, она наставила свой пистолет на него, и тут неожиданно ящер прыгнул на нее. Она открыла огонь, попав в него. Ящер упал, не долетев пару сантиметров до Мари. Подумав, что он мертв, Мари переступила

ранена! - пожав плечами, отвечал Сэм.

— Ясно, тогда двинули! - хватая свою куртку со стола, говорил Дин брату.

Кастизель подъехал к убежищу, как раз в тот момент, когда братья выходили из него. Заглушив машину, он открыл дверь и вышел к ним.

— Кас, как она? - спросил подошедший к нему Сэм.

— Вроде пока нормально, но у нее отнялись ноги, я не знаю почему, да и она тоже, кажется, ящер оцарапал ее! - рассказывал Кастизель.

— Очишуеть!- выругался стоящий рядом Дин.

— Что мы стоим нужно отнести в ее комнату!- говорил Сэм, направляясь к машине Мари.

— Да я отнесу, и пригляжу за ней!- отвечал, Кастизель подходя к двери машины, где сидела Мари.

Открыв дверь, Кастизель аккуратно взял ее на руки, обойдя машину, подошел с ней к братьям.

— Ты как? - в один голос спросили братья сестру.

— Воу, какая синхронность, я нормально пока, не считать того, что не чувствую ног и одной руки! - отвечала Мари братьям, немного улыbnувшись.

— Мы обязательно выясним, что с тобой случилось!- успокаивал сестру Дин.

— Кас, ты не мог ее исцелить? - обратился

Сэм к Кастизелю.

— Я пытался, но почему-то раны не затягиваются!- с сожалением в голосе, отвечал Кастизель.

— Все нормально, он, правда, пытался, но лишь на время я почувствовала ноги и руку, потом все возвращалось, если бы Кас вовремя не подоспел, ящер растерзал бы меня точно! - с благодарностью в глазах, говорила Мари.

Кастизель почувствовал, как к его щекам приливает кровь, и сердце начало бешено колотиться.

— Хорошо, Касс, ты тогда побудь с ней, пока мы не вернемся!- пропуская вперед Кастизеля с Мари на руках, говорил Дин.

— Удачи мальчики!- пожелала Мари братьям.

— Спасибо! - снова в один голос отвечали братья, садясь в свою машину.

И тронулись с места, Кастизель с Мари на руках пошел в убежище.

— Ты заметил, что она назвала Каса по имени, а не «Чудиком» как обычно!- обращался Дин к брату.

— Ага, ну может, потому что он спас ее! - улыbnувшись, отвечал брату Сэм.

— Надеюсь, что только это, а не.....! - съязвил Дин.

— Дин, хватит уже!- одернул его Сэм.

— Ладно, ладно, не буду! - успокаивал брата Дин.

В это время в убе-

жище, Кастизель уложил, Мари на ее кровать робко сказал:

— Я буду в холле, если что зови!- и пошел к выходу из комнаты.

— Спасибо, Кас! - улыbnулась в ответ ему Мари, обняла своего медведя и попыталась уснуть.

Уже в дверном проеме комнаты Мари, Кастизель обернулся и посмотрел на нее, и улыbnулся, смотря, как она обнимает медведя, того, что для нее выиграл Дин.

«Она сегодня впервые назвала меня по имени, что могло повлиять на нее», думал, Кастизель идя, по коридору к холлу.

В тот момент, когда Мари отлетела в стену и позвала кого то на помощь, Браин понял что ему нужно уходить, иначе его могут увидеть, и за долю секунды перед тем как в класс вбежал Кастизель, он успел выпрыгнуть в разбитое окно и побежать вдоль стены школы, ящер последовал его примеру выскочил в окно, но побежал к парку откуда и пришел, в этот момент Кастизель его и увидел.

Отбежав от школы в парк, Браин остановился, чтобы отдышаться и перевести дух, присев на пенек, который остался от срубленного дерева. Он дышал тяжело, чуть ли не задыхаясь, сердце бешено колотилось, но на лице была злобная улыбка. В этот момент он понял, что ему нравилось смотреть, как ящер расправляется с обидчиками, и он в тот момент чувствовал такое

наслаждение. В глазах мелькнул огонек злобы и удовольствия. Он встал и направился в сторону дома.

Войдя в дом, он прямоком поднялся к себе в комнату, не обращая внимания на мать, которая сидела в гостиной на диване и читала книгу.

Мелиса увидела, что ее сын пришел раньше, встала с дивана и подошла к лестнице, по которой поднимался, Браин и спросила:

— Сынок, ты рано, что-то случилось?

— Нет, все в порядке, я буду у себя! - поднимаясь по лестнице и не смотря в сторону матери, отвечал Браин.

Ответ сына Мелису удивил, ведь он первый раз ей ответил так грубо. Она попыталась еще что-то спросить у сына, но передумала и вернулась в гостиную.

Поднявшись к себе, Браин упал на кровать, сложил на затылке руки, и его лицо расплылось в злобной улыбке, и он стал обдумывать дальнейший план мести. Ему уже было не важно кому, любому кто хоть словом его обидит.

Спустя два часа после происшествия Сэм и Дин приехали на место, там уже было полно полиции, вся территория школы была отцеплена. Достав свои значки агентов, они вышли из машины и направились к школе. Подойдя к офицеру, предъявили их ему.

— Агент Оуэн и

мой напарник агент Брикс, что у вас произошло? - представлял себя и брата Дин.

— Двое школьников были зверски убиты, одному удалось выжить по непонятным причинам! - отвечал ребятам офицер полиции.

— Мы бы хотели задать пару вопросов выжившему, где мы можем его найти? - спрашивал офицера Сэм

— Возле «Скорой», но вряд ли он сможет вам, что-то внятно рассказать, все твердит о каком то ящере! - показывая на машину скорой, пожимал плечами офицер.

Братья переглянулись и направились к «Скорой». Подойдя ближе, они увидели паренька худощавого телосложения, лицо его было бледным, и его всего трясло, он был закутан в одеяло, в руках держал стакан с водой, показав значки доктору, братья обратились к нему. Сэм присел рядом с ним с обратился в нему:

— Привет, я агент Брикс, это мой напарник Оуэн, мы бы хотели задать тебе пару вопросов, ты можешь говорить?

Он кивнул, дав понять, что говорить он может.

— Как тебя зовут? - спросил его Дин.

— Уильям, меня зовут Уильям! - дрожащим голосом отвечал паренек.

— Хорошо, Уилл, успокойся, все уже позади! - успокаивал его Сэм.

— Уилл, расскажи

нам все, что ту случилось? - спрашивал его Дин.

— Дилан попросил пойти с ним припугнуть его одноклассника Браина, за то, что он на уроке у всех на виду избил его. Мы пришли в кабинет, где он убирался, я остался стоять около доски, Дилан и Алан направились к Браину. Дилан начал его оскорблять, затем толкнул его, тот упал на пол. Дилан накинулся на него и начал избивать. Браин сначала не отбивался, но потом вдруг оттолкнул Дилана с такой силой, что тот отлетел и ударился о стену, и в этот момент в окно влетел ящер, его лицо напоминало лицо человека! -дрожащим голосом рассказывал Уилл.

Братья переглянулись, услышав знакомое имя, и ящера.

— Уилл, успокойся, что было дальше! - положив на плече свою руку, говорил Сэм.

— Браин всегда был тихоней и трусом, слова в ответ внятно сказать не мог, но с ним что-то произошло, он стоял и смотрел на ящера когда тот влетел в окно, на его лице не было испуга! - рассказывал Уилл.

— Это уже интересно! - сказал Дин.

— У него с ногтей капала какая-то жидкость, его хвост был длинным и напоминал меч, когда ящер оцарапал меня и отбросил в угол, я почувствовал как мое тело начало неметь и я перестал чувствовать свои руки и ноги! - продолжал свой рассказ

Уилл.

— Что случилось с другими? - спросил Дин Уилла.

— Он оцарапал Алана и Дилана, который пытался убежать, потом начал наносить удары. Сначала он убил Алана, потом принялся наступать на Дилана, обернувшись на Браина, потом снова напал на Дилана. Дилан молил о пощаде, но тот ответил ему не своим голосом, дальше я потерял сознание! - дрожащим голосом рассказывал Уилл.

— А что именно он ему ответил ты не помнишь? - спросил Сэм Уилла.

— Да, кажется, никакой пощады не будет, потом когда я очнулся, то увидел девушку которая летела через весь кабинет, успев кого-то позвать. Братья переглянулись, поняв что это была их сестра и позвала она на помощь Кастиэля.

- Браин выскочил в окно, - говорил Уилл. - Ящер за ним, и я снова отключился! - он отпил из стакана.

— Спасибо тебе Уилл, ты нам очень помог! - вставая, благодарил Сэм Уилла.

— Последний вопрос, как фамилия Браина, ты знаешь? - спросил Дин.

— Да, Ставински! - делая еще один глоток, отвечал Уилл.

— Спасибо, выздоравливай! - благодарил его Сэм.

И братья направились к машине.

— Агенты, а вы мне верите? - крикнул Уилл братьям.

— Да мы верим тебе! - обернувшись на крик, улыбнувшись отвечал Дин.

Отойдя, от машины «скорой» и уже на подходе к своей машине Дин обратился к брату:

— Тебе не показалось подозрительным, что наш парнишка все-таки связан как-то с ящером!

— Да, странно, но как он тогда его вызывал! - отвечал ему Сэм.

— Надо еще раз поговорить с этим мальчишкой, поехали к ним! - предложил, Дин садясь в машину.

— Но сначала надо все рассказать Мари, мы ведь обещали от нее ничего не скрывать! - отвечал брату Сэм.

— Да ты прав сначала все расскажем Мари, потом поедem к Ставинским! - заводя машину соглашался с братом Дин.

И они тронулись, с места направившись, к своему убежищу. В это время в убежище Кастиэль сидел за столом и крутил на столе ручку оставленную Сэмом. Мари спала, но вдруг ощутила сильную боль в руке, на которой оставил свой след ящер. Она проснулась от боли, рука дергалась и на миг ей показалось, что она изменилась до локтя покрылась чешуей, пальцы вместе с ногтями слились и концы стали заостренными, кость локтя удлинилась,

где были порезы от когтей он стал одним целым и растянулся от кисти до локтя, и стал светится бледно зеленым цветом, так же как и пальцы рук, рука снова дернулась, она в ужасе закричала.

Кастиэль услышал крик из комнаты Мари и бросился к ней. Вбежав в комнату, он увидел, что Мари корчится на кровати от боли, но глаза ее закрыты. Он подбежал к ней и попытался ее разбудить, но она не просыпалась. Кастиэль это напугало, он приложил свою руку ко лбу Мари, он был горячим, и начала покрываться холодным потом, Кастиэль замешкался по комнате не зная, что ему делать.

Как раз в этот момент приехали Сэм и Дин и спускались по лестнице, в этот момент они услышали еще один крик сестры и бросились бежать в ее комнату. Вбежав в комнату, они увидели, что Кастиэль сидит на ее кровати, пытаясь ее успокоить. Мари корчилась и извивалась словно змея. Сэм подлетел с другой стороны, и тоже попытался удержать извивающуюся сестру.

— Касс, что произошло? - спросил Дин его, держа ноги сестры.

— Не знаю, я принес, ее уложил, на кровать, она уснула, я ее оставил и вышел в холл, потом услышал ее крик прибежал и увидел ее в таком состоянии! - рассказывал немного напуганный Кастиэль.

— Дин она вся горит, надо что-то делать!- убирая со лба сестры свою руку, говорил Сэм.

— Касс, принеси чистые полотенца и холодную воду, давай живее!- удерживая ноги сестры, говорил Дин Кастиэлю.

Кастиэль вылетел из комнаты, словно ужаленный, и побежал на кухню за водой и полотенцами.

— Не смотри на меня так, я не знаю что с ней! — уловив вопросительный взгляд брата, отвечал Сэм, продолжая удерживать Мари.

— Того парня трусило, но не так, почему на нее так это действует? - говорил Дин, держа ноги сестры.

— У меня такие же вопросы, как и у тебя, и я так же хочу знать на них ответы, как и ты, но сейчас важно сбить ей жар, выяснять будем позже!- поглаживая сестру по голове, которая метала головой из стороны в сторону, говорил Сэм.

Как раз в этот момент вошёл, Кастиэль держа в руках кастрюлю с водой, и на одной руке висела пара полотенец. Поставив кастрюлю на прикроватную тумбочку и взяв полотенце в руки, он обратился к братьям:

— И что мне делать с этим?

— Намочи полотенце и приложи к ее лбу! - ответил ему Сэм.

Намочив полотенце и отжав, его он приложил ко лбу Мари, посте-

пенно она перестала мотать головой и дергать ногами, Дин убрал свои руки с ее ног, и сел рядом на кровать, Кастиэль сел на пол и прислонился спиной к прикроватной тумбочке и уставился перед собой.

— Паренька которого мы допрашивали, трусило но не так, и он был в сознании! - припоминал Дин, смотря на сестру которая тяжело еще дышала.

— Да, но вспомни, он говорил, что терял два раза сознание, и мы не знаем, что было с ним в тот момент, да и он тоже вряд ли будет это знать!- отвечал брату Сэм, прикладывая свою руку к щеке сестры, проверяя жар.

— Да ты прав! - согласился с братом Дин.

— Папа, папа, не уходи...найти Сэма и Дина! - бредила Мари.

— Что будем делать?- спросил, Дин у брата кивая на сестру.

— Дежурить возле нее пока не спадет жар и не придёт в себя! - предложил Сэм, меня полотенце.

— Кас! - позвал его Дин.

Но он словно не слышал его, уставившись в одну точку.

— Чудик ау! - позвал его уже Сэм.

— А .....что? - словно очнувшись, отвечал Кастиэль и повернул голову в сторону Сэма и Дина.

— Ты глянь, на Каса уже не реагирует, а на

Чудика моментально! - съязвил Дин.

— Извините, задумался! - отвечал братьям Кастиэль.

— Мы с Дином решили по очереди дежурить возле Мари, ты как с нами?- обратился Сэм к Кастиэлю.

— Да конечно! - отвечал Кастиэль ему.

— Смотри эти порезы глубокие и не заживают, надо бы обработать все равно и забинтовать! - рассматривая руку сестры, спрашивал Дин.

— Я сбегая за ней, а вы меняйте ей компрессы! - вставая с колен говорил Сэм.

Спустя пару минут Сэм вернулся, держа в руках аптечку, и передал ее в руки Дину, тот обработал порезы, и забинтовал руку сестры, складывая все обратно, он спросил:

— Ну что кто первый остается дежурить?

— Давайте я первый останусь а вы потом меня смените! - садясь рядом с кроватью на стул, говорил Сэм.

— Хорошо, Касс, пошли, выпьем кофе! - соглашался Дин с братом и звал Кастиэля.

И они вдвоем вышли, из комнаты сестры оставив с ней Сэма. Сэм бережно менял полотенца, словно любящий и заботливый отец.

— Мама....папа не уходи,.... Сэм, Дин! - бредила Мари.

—Тише, тише, я здесь! - успокаивал ее Сэм, кладя на лоб холодное полотенце.

Наступило утро, Сэм спал на стуле возле кровати сестры, она дышала, но уже не так часто. Жар постепенно спадал, но она все еще не приходила в себя.

Дин вошёл в комнату, держа в руках кружку с кофе для брата, и улыбнулся впервые за долгое время, ведь с момента появления сестры его жизни начала изменяться, он начинал радоваться жизни как раньше.

— Сэм просыпайся! - шёпотом будил он брата.

Сэм открыл глаза и увидел брата перед собой держащего кружку кофе

— Ну, как она? - все так же шёпотом спрашивал Дин, протягивая кружку кофе брату.

— Уже немного лучше, жар не такой уже сильный, бредить перестала, и пока не приходит в себя! - делая глоток кофе, отвечал Сэм брату.

— Ясно, иди, отдохни я посижу с ней! - говорил Дин.

— Пост сдал! - вставая со стула, говорил Сэм.

— Пост принял! - улыбнувшись в ответ, говорил Дин.

Сэм вышел из комнаты сестры и побрел по коридору, по пути хотел зайти в свою комнату, но передумал, и направился в холл, где за столом сидел Кастиэль и смотрел какой-то фильм по ноутбуку. Выйдя в холл, Сэм увидел Кастиэля который сидел, уставившись в монитор ноутбука, увиденная кар-

тина его немного удивила.

— Что смотришь? - спросил Сэм его, отодвигая стул и садясь рядом с ним.

— А эм....! - в ответ замялся Кастиэль.

Сэм вопросительно поднял брови

— Не знаю, Дин фильм какой-то поставил. Как Мари? - отвечал Кастиэль, быстро переводя тему разговора в другое русло.

— Уже лучше, жар не такой, но все еще есть, в себя не приходила пока, Дин сменил меня! - делая глоток кофе отвечал ему Сэм.

— И все же странно, что так могло на нее повлиять! - закрывая ноутбук говорил Кастиэль.

— Скорее всего яд ящера, может больше доза ей досталась, паренька которого мы допрашивали тоже был отравлен ядом через небольшой порез на шее, а у Мари три глубоких пореза на руке, наверное и доза больше! - пожимая плечами отвечал ему Сэм.

— Давай еще раз прочитаем про этого ящера, может мы что то упустили! - предложил Кастиэль Сэму.

— Ага, давай проверим! - согласился с ним Сэм вставая со стула.

Они подошли к стеллажу с книгами, проведя пальцем по ним, Сэм остановился на нужной книге и вытащил ее, открыв на нужной странице, начал читать, подошёл к столу, где сидел Кастиэль и сел напротив него.

— Ну что, есть что -нибудь? - спросил его Кастиэль.

— Погоди чувак, не гони, я только открыл книгу! - успокаивал оживившегося, вдруг Кастиэля.

— Ага, вот оно! - найдя нужное описание, радовался Сэм.

— Ииии.... что там? - удивленно спросил его Кастиэль

— Яд Кэнама попадает в тело жертвы через рану или порез, которые наносит ящер своими лапами или хвостом. Действие яда длится 3-4 часа, немеет тело, возможно несколько раз потери сознания, что дает возможность ящеру убить больше. Если жертве удастся выжить, спустя еще час после парализации она приходит в себя, побочные действия: озноб и возможен жар.

— Это все, там написано, что происходит, если сильный жар и не приходит в сознание? - обеспокоено спрашивал Кастиэль Сэма.

— Воу, воу, угомнись, ты чего так всполошился? - успокаивал Кастиэля Сэм.

— А вдруг Мари не придет в себя и умрет, ты этого хочешь? - не успокаивался Кастиэль.

— Конечно, я этого не хочу. Она подарила и дарит мне и брату ту радость корой нам так не хватало, я любого за нее готов убить, но здесь больше ничего не сказано, давай не будем панико-

вать раньше времени, я верю, что все обойдется она придет в себя, и все наладиться! - держа за плечи Кастиэля, говорил Сэм.

— Мне бы твою уверенность! - неуверенно отвечал Кастиэль.

— Черт, Кас, я совсем забыл, ты же можешь ее исцелить! - вспомнив, обрадовался Сэм.

— Но я пробовал, и ничего не получилось! - пожимая плечами, отвечал ему Кастиэль.

— Ты пробовал исцелить ее руку, но сейчас нужно исцелить от озноба и жара, может все получится и она придет в себя! - хлопая по плечу Кастиэля говорил Сэм.

— Да ты прав, может и сработает, совсем из головы вылетело! - слегка хлопая себя по лбу, отвечал Кастиэль.

И они вдвоем чуть ли не бегом направились в комнату Мари. Дин сидел на стуле рядом с кроватью сестры и читал книгу, периодически кидая взгляды на нее. Она все так же была без сознания.

И тут в комнату влетели запыхавшиеся, Сэм и Кастиэль. Увидя, их в таком состоянии Дин, спросил их:

— Чуваки, вы чего решили в догонялки поиграть?

— Мы тут вспомнили, Кас может ее исцелить! - чуть отдышавшись, отвечал Сэм.

— Он же пробовал, ничего не вышло! - закрывая книгу и кладя ее на

тумбочку, отвечал Дин.

— Да, я пробовал исцелить руку! - пожимая плечами, отвечал Кастиэль.

— И? - удивленно спросил Дин.

— А сейчас мы хотим, попробовать снять жар и озноб! - отвечал брату Сэм.

— Ну, Кас, давай держай! - вставая со стула и показывая сестру, говорил Дин.

Кастиэль робко подошел к кровати, где лежала неподвижно Мари, присел рядом, приложил два своих пальца к ее лбу. Из-под них появилось слабое свечение, и исчезло, убрав их, Кастиэль встал, и сказал:

— Ну, вроде все!

— И почему она не приходит в себя? - спросил его Дин.

— Не знаю, должна была сразу открыть глаза! - отвечал Кастиэль, пожимая плечами.

— Дин, оставь Чудика в покое! - открывая глаза, говорила Мари.

— Эй, привет, как ты? - садясь на кровать рядом с ней и убирая полотенце со лба, спрашивал Сэм.

— Отлично, вот только такое ощущение, что меня переехал поезд, а что было то, последнее, что я помню как Чудик нес меня из машины домой! -отвечала она брату, берясь одной рукой за голову.

— Ты видимо теряла сознание, потом у тебя был сильный жар, и ты

извивалась как змея, мы думали, что ты уже не очнешься! - садясь с другой стороны кровати, говорил Дин.

— Блин, ничего не помню, и как долго я не приходила в себя? - приподнимаясь к спинке кровати, спрашивала Мари

— Два дня! - отвечал Кастиэль.

— Ого, а что с моей рукой? - удивлялась она, рассматривая забинтованную руку.

— Видимо ящер тебя зацепил! - отвечал ей Кастиэль.

— Там три глубоких следа от его когтей, я их обработал, думаю должны зажить до свадьбы! - улыбаясь, говорил Дин.

— Спасибо мальчишки, чтоб я без вас делала! - говорила Мари и обняла Сэма и Дина: - И тебе, Чудик, спасибо!

— Не за что! - все трое ответили в один голос.

И все они рассмеялись.

А в это время Брин готовил очередной план мести в своей голове, теперь ему не важно было кто это будет, его даже не волновало, что один из дружков Дилана остался в живых, и мог опознать его и рассказать все полиции. Он лежал на кровати, уставившись в потолок, на лице была улыбка. Решил, что больше не пойдет в школу.

Автор: Мария Гамиева

Рожденная воцном. Врата Нурберила

Глава девятнадцатая.
Атака на Дол.

- Виергард пал! Орки повсюду, они продвигаются к Асину, все на своем пути сметают. Восток в огне. Я разговаривал с теми, кто видел это ужасающее зарево! Сожжены дотла поселения вдоль Западного тракта: Кворг, Муштар, Асавка, Припятье. Я уже и не говорю о Мантаду. Мы потеряли самый крепкий пост на востоке. Люди продолжают гибнуть.

Королевский советник умолк, опустив седую голову. Он стоял перед тронном. Не так давно на возвышении восседал Ирндир, теперь же его место вновь было занято.

Наряженный в хоровийские шелка наследник увлеченно разглядывал свои ухоженные, блестящие ногти. Ему не было никого дела до мельтешащей толпы, состоящей из навозников, вроде этого назойливого жука. Но он был лишь наместником своего брата в этом городе, по крайней мере, пока.

- Что же нам делать, мудрец? Посоветуй? Что говорят тебе звезды? Как спасти мой народ от бед? – участливо произнес Армандир, вперив в сгорбленного от возраста старика взгляд.

Тот растерялся, ненависть и злоба в глазах наследника не оставляли даже маленькой надежды на сострадание. Неужели этот человек был когда-то мальчиком, которого советник Кернок нянчил на руках и угощал сладостями. Как все переменялось с тех пор.

- Чего ты хочешь от меня, если сам, мудрейший из придворных мужей, не способен предложить ничего дельного?! – произнес Армандир, не получив ответа на свой вопрос.

Он спустился по ступеням, встал почти вровень со старцем и хотел что-то сказать, но тут раздался стук в двери.

- Как посмел войти?! – накинулся на запуганного глашатая сын Ирндира. – Убирайся вон, дворовая псина!

- Т..там... посол его величества Далантира... с...с... срочно!

- Посол?! – он был удивлен.

Посол с востока, где сейчас вел армию в бой его кровный братец. Что за вести он принес? Может быть, уже свершилось то, о чем втайне ото всех мечтал Армандир. "Так, спокойней. Убери эту мерзкую улыбку с лица. Ты обеспокоен, ведь с твоим братом могло слу-

читься что угодно. Да что же ты стоишь?! Он ведь устал с дороги. И этот старикашка все еще здесь," – мысли сменялись в голове. Нужно было срочно что-то предпринять.

- Кернок, – обернулся он к советнику и, тронув его за плечо, произнес. – Покинь меня, я должен подготовиться к встрече.

Придворного мудреца не пришлось долго уговаривать. Он увидел в глазах королевского сына неподдельную тревогу и решил поскорее удалиться, чтобы не мешать. Кернок был заинтересован, но не настолько, чтобы остаться в тронном зале. Дверь за ним закрылась. Армандир сцепил руки за спиной и повернулся лицом к балкону. Его глаза шарили по собравшемуся внизу люду – кто-то прознал о приезде посла и быстро разнес весть по городу. Нищие и богатые, купцы и ремесленники, стар и млад – все собрались перед стенами королевского дворца. Разогнать их? Достаточно приказать страже, и мало кто будет сопротивляться его воле. Они хотели одного – чтобы Армандир объявил им о победе, о конце войны. Но разве не знают они, что творят орки на востоке нусанского государства? Знают, но все равно продолжают ве-

рить в силу своего народа. Весь этот люд пришел за ответом к нему... к правителю. И пусть пока на пути к трону стоит любимец папочки Далантир, совсем скоро все переменится.

Открылась дверь, глашатай все еще дрожащим голосом объявил: "Ариман, сын Арогона" и исчез, словно мышь. На пороге остался стоять низкорослый, худощавый человек в пропитавшемся потом и грязью кафтане. Лицо его пылало, он восстанавливал дыхание после долгой и изнурительной скачки. Армандир сразу отметил бегающий взгляд гонца, плотно сжатые губы, как будто тот внутренне с чем-то боролся, и тонкий шрам на виске. Эмблема, вышитая на левом плече, говорила сама за себя. Этот человек когда-то служил Мантаду. Кроме того он был недурно воспитан.

Ариман стоял у входа, выжидая, когда к нему обратится наместник.

- Видел ли ты, Ариман, своего короля Далантира? - спросил тот и жестом приказал подойти поближе.

- Да, мой принц. Я его не только видел, но и воевал с ним бок о бок. Какой он превосходный воин, бесстрашный, смелый, великодушный. Я буду рассказывать о нем своим детям, когда они у меня будут. Это великий человек после покойного короля, да подарит ему Анамар счастье за Дальними Землями, - с живостью заговорил гонец. -

Он просил передать вам вот это.

Сунув руку за пазуху, Ариман извлек свиток, перевязанный зеленой тесьмой и скрепленный сургучной печатью.

- Мы сдерживаем ряды орков и их соратников на левом берегу Срединной реки. Этим тварям не перебраться по талому льду, а вода еще слишком холодная для переходов вплавь, - продолжал он с гордостью. - Четыре дня назад, в день моего отъезда, подошли войска из Андора. Вместе мы одолеем всю нечисть из Горук-ряжа!

- Я знаю, андорцы нас не оставят. Да и сами мы еще крепки. Так, Ариман?

Армандир, завладев свитком, по-дружески улыбнулся послу.

- Верно, мой принц. Этот Шурах много зла натворил, но, признаться, до него никто прежде не мог объединить разрозненные племена орков, да еще сотрудничать с троллями и тершатами. Тут есть чему поучиться. Правда, убили его, Шураха Средне-Хройского. Один лучник по имени Кворек нашел-таки брешь в его латах и прямо насквозь.

- Что ж, мы должны объявить ему благодарность.

- Далантир уже наградил его.

- Хм, наш пострел везде поспел. Это хорошо.

С поспешностью Армандир сорвал нусанскую печать и развернул послание. Гонец умолк, принялся кусать нижнюю губу,

изучая блещущий золотом трон. Он никогда прежде не бывал во дворце, не представлялось такой возможности, а теперь был смущен и торжественностью встречи, и стоящим перед ним еще довольно молодым наместником.

Будучи уже знакомым с Далантиром, он мог легко отыскать сходство в чертах лица его младшего брата, и все же оставалось что-то, что не позволяло расслабиться в присутствии Армандира. Может быть, виновата обстановка. С королем Ариман всегда общался на поле боя или делил с ним краюху засохшего хлеба, на войне Далантир не старался сохранять дистанцию между собой и воинами, скорее наоборот, был таким же смертным человеком.

Развернув свиток, Армандир с жадностью впился в слова, начертанные рукой брата.

"Здравствуй, Армандир. Времени очень мало, пишу в короткой передышке, ибо враг уже выстроился перед нашим постом и готов напасть. Это небольшой отряд, который орки оставили, чтобы на время обмануть нас. Войска из Андора уже прибыли, передай асинцам, что я возвращу каждый клочок земли, пропитанный нашей кровью. Но сейчас мы вынуждены оставить пост. Под пытками нам удалось вызнать у пленных, куда ушла большая часть вражеской армии. Орки готовят удар по незащищенному Сорану,

завладев которым, они получают доступ к Нусану с севера. Я не могу этого допустить. Надеюсь на тебя".

Под текстом "Д. Н." – Далантир Нусанский.

Сдерживая себя, чтобы не смять и не бросить послание, Армандир закрыл глаза, скрутил его и сунул за пазуху так, чтобы было менее заметно. Внешне он был спокоен и собран, но внутри него все кипело, мысли работали лихорадочно. Нет смысла обманывать гонца, он знает все об обстановке на востоке, иначе послали бы другого. Что же остается делать?

- Ты слышишь? Под моими окнами собрался народ. Они вправе знать, что за вести ты принес, - начал Армандир, еще не сформировав до конца в голове свой план. – Идем со мной на балкон.

Он улыбнулся, подтолкнул гонца к просторной террасе балкона. Тот, наравне с наместником, оказался перед собравшимися на улице людьми. Кто-то крикнул ему, королевский сын поднял руку в знак приветствия, но лицо его, прежде сияющее, теперь было полно скорби. Жестом он призвал к тишине, толпа не сразу, но утихла.

- Дети благословенного Нусана! – обратился к ним Армандир. – Как вы все знаете, король наш доблестно сражался во славу родины с порождениями Проклятых гор.

Растерянный Ариман ощутил, как все внутри

похолодело. На него словно вылили ушат ледяной воды, когда что-то кольнуло чуть выше поясницы в том месте, где его обнимал наместник, и вместе с этим появился панический ужас. Как и все смертные, Ариман боялся за свою жизнь, но мысль о том, что ему угрожает неприкосновенная личность рода славного Дрогорна, не укладывалась в голове.

- Только что гонец Ариман сообщил мне скорбную весть, - Армандир склонил голову, стоящий рядом с ним мог почувствовать, как он задрожал, глаза влажно заблестели. – Мой кровный брат Далантир пал. Его тело растерзали, подобно стервятникам, отвратные орки. Скорбите вместе со мной. В этот свитке, - выхватив послание, он поднял его высоко над собой. – Его последняя воля. Далантир завещал спасти Нусан от гибели, поставить поганое отродье на колени, а также он передал всю власть в мои руки. Так ведь, гонец?

Он сверлил Аримана не только взглядом, но и кинжалом, который упирался сквозь одежды в тело. Неуверенно, но вполне осознанно тот покачал головой. Нет, ни за что он не предаст своего короля и боевого соратника. Во имя чего эта ложь? В тот же миг Ариман чуть не закричал от боли, пронзившей его, лицо исказилось в мучениях, а лезвие кинжала застряло на полпути.

- Ты хочешь жить? –

спросил Армандир так, что его никто больше не услышал.

- Да, - кивнул тот и вдруг понял, что натворил.

Обернувшись к людям, новоиспеченный правитель крикнул:

- Этот человек оплакивает смерть моего брата и признает правдивость моих слов. А теперь расходитесь по домам. Этот день – день нашей скорби!

Он развернулся, увел Аримана с балкона. Люди постепенно расходились, подавленные и унылые, совсем не это хотели они услышать. Гонец, не чувствуя ног, брел к резному стулу. За ним оставалась цепочка алых капель, кровь сочилась из раны. К горлу подступил ком, но мантадзец ничего не мог сделать.

- Ты ранен, какая жалость, - беспечно произнес Армандир, не отпуская его от себя. – А я хотел устроить пир в твою честь. Такая радостная новость стоит жирной свиньи. Что?! Тебе больно? Говори громче, я ничего не слышу.

- Ты... ты гнусный ублюдок! – прохрипел гонец, согнувшись пополам от сковавшей его боли.

- Выбирай слова, когда говоришь с королем, - отрезал Армандир.

Выпад, сначала вперед, в спину обреченного Аримана, потом резко назад. Его ухоженная рука сжимала окровавленный кинжал, и было абсолютно все равно, что будет после. Мертвым грузом

несчастный гонец, выстоявший в битвах с орками, повалился на пол. Кровь обагрила дорогой хоровый ковер. Смерть уже дышала ему в затылок, тело перестало отзываться на приказы, но мантадуец не отпускал ту священную нить, связывающую его с этим миром.

- Ты поплатишься за все, - с трудом говорил он, ведь даже слабый вздох причинял невыносимые страдания. - Зарбук будет терзать твою душу за Дальними Землями. Ты недостойн быть сыном Ирндир!

- Я король Нусана! Я один властвую над этой землей! - выкрикнул Армандир.

Потеряв самообладание, он набросился на безоружного посла и принялся пинать его ногами. Бил он, вымещая всю злобу и ненависть, даже не замечая того, что Ариман перестал дышать и не стонал больше от причиняемой боли. Все в этот миг помутилось у него перед глазами. Как долго он прятал в глубинах сознания свою сущность, отравленную собственным ядом и жаждой безусловной власти. Этот никчемный гонец окончательно вывел его из себя, но теперь ничто больше не отделяло Армандира от заветного трона.

Грохот упавшего предмета заставил его немного отрезветь. То, что он увидел, заставило его похолодеть от страха.

Сосуд, наполненный

вином и еще совсем недавно стоявший на низком позолоченном столе, разбился о спинку королевского трона. След от вина, стекающий вниз, напоминал кровавое пятно. Армандир судорожно сглотнул, пальцы на руках и ногах похолодели, и кинжал выпал из них. Волосы на затылке встали дыбом, когда он услышал отчетливое рычание за спиной. Обернулся – никого. Может быть, он слишком перенервничал, и это рычание было порождением его уставшего разума, но кувшин... Кто-то же его разбил!

Толстый пучок света играл на лице спящей муштарки. Она морщилась и смешно водила носом. Просыпаться не хотелось, было так тепло и уютно, как не было, пожалуй, никогда за все время, проведенное в пути. Она лежала на чем-то мягком и ворсистом, наверное, на овечьей шкуре, сверху тоже что-то накрывало. Под боком лежал теплый комочек. Дайнара шевельнулась, и он замурчал, потянулся. Девушка открыла глаза и увидела рядом с собой на постели пушистую черно-белую кошку с длинными усами.

- Что ты здесь делаешь? – изумилась Дайнара, погладив гостью и почесав ей за ухом.

Вдруг взгляд ее скользнул по скрытой в тени фигуре. Это был Элиус, и он, судя по всему, уже давно был здесь и наблюдал. Девушка села на деревянной постели,

натянула повыше одеяло, боясь, что он мог увидеть ее голой. К счастью, кто-то заботливо переделал муштарку в белую, льняную рубаху. Как вообще она оказалась в этом доме? Где остальные ее друзья?

- Извини, если напугал тебя, - заговорил Элиус, чувствуя себя неловко под настороженным взглядом девушки.

Память постепенно возвращалась, Дайнара вспомнила, как боролась с черными псами, кажется, Унгобар называл их псами Хрездрога. Потом они убегали... Да! Людей спасло вмешательство Нарго, волка Анамара. Затем – какая-то хижина, разбитая временем и бродягами, а вот дальше память обрывалась.

- Где я? Как я здесь очутилась? – спросила Дайнара, немного придя в себя после сна.

- Мы в Лисьем Доле. Добрая хозяйшечка Кулин приютила нас у себя на время. Люди Фьорга по соседству. Сам он сейчас у Юманаса, тот ведь в долгу у великана, - ласково пояснил Элиус, глаза его блестели. - Я рад, что ты не покинула этот мир, Дайнара. В ту ночь, когда мы спасались от псов Хрездрога, эти твари нас всех здорово покусали, но вот лихорадка перекинулась почему-то только на тебя. Целых пять дней ты боролась с болезнью. Я не мог позволить тебе умереть. Мне нужно было тогда защитить тебя от этих тварей, - Элиус закрыл лицо руками.

- Иди сюда, - позвала девушка и устроилась поудобней, скрестив ноги.

Он подошел, сел на край постели. Было заметно, что муштарец долгое время провел без сна. Лицо его было бледным и осунулось, глаза были красными.

- Когда ты в последний раз спал, Элиус? – спросила Дайнара, тот лишь пожал плечами и виновато улыбнулся. – Тебе срочно нужно отоспаться. Что если завтра в бой, а ты как квашня? Захранишь с мечом в руке и все! Поминай, как звали!

Она замолчала. Дружба, возникшая между двумя людьми с текущей в жилах кровью Вангола, перестала существовать. На ее месте образовалась пустота, отчуждение. Бездонная пропасть растянулась между. Прав был отец, когда говорил: "Дружба умирает там, где начинается любовь". Дайнара, кажется, только теперь начинала понимать истинный смысл этих слов.

- Знаешь, - заговорила она, взяв огрубевшую руку муштарца в свои ладони. - Я в долгу перед тобой на много лет вперед. Никогда не было у меня такого друга, как ты. Помнишь, когда-то мы клялись стать странствующими воинами? У нас это почти получилось. Еще немного и мы окажемся у Врат Нурберила. Я столько слышала о них, но почему-то мне совсем не хочется идти туда, - девушка опустила голову.

- Так в чем же дело? Давай сбежим, нас не скоро хватятся! – воодушевился Элиус, по своему истолковав ее слова.

- Нет, я должна сделать это, и не отступлю от намеченного. Просто не по себе мне как-то. Элиус, я не хочу терять тебя, то есть я не хочу, чтобы ты сторонился меня, словно юродивой. Если честно, я была потрясена, когда узнала, что ты ходил за мной в степи кочевников. Верь мне, я сделала бы тоже, если б тебе грозила опасность. Ты дорог мне, Элиус. Я люблю тебя, но как друга, как брата, - она запнулась.

- Ты рвешь мне сердце на части. Нет в нем места для другой. Когда ты рядом, я не могу думать ни о чем, кроме тебя. Знаешь ли ты, что я испытал, когда получил отказ?! Но там был Нарсил – сумасброд, Двалин. Здесь – никого. Так почему же ты таишься. Я на все готов ради тебя. Дайнара, ты достойна богов, но даже им я не отдам тебя, потому что ты моя и ничья больше. Я люблю тебя больше всего на свете! – сказав так, он хотел заключить девушку в объятия и поцеловать.

- Но я не люблю тебя! – она оттолкнула от себя муштарца, кошка, спрыгнула с постели и бросилась к проходу.

- Кто он?! – тот резко вскочил. – Тот головорез с Западного тракта? Тот, кому ты подарила свой меч? Да что он сделал такого, чего не могу я?!

Дайнара застыла у двери, буравя взглядом дощатый пол. Да и что она могла сказать, когда в горле застрял ком? Все, чего хотела муштарка, это вернуть взаимопонимание, а вместо этого Элиус решил закатить ей сцену ревности.

- Скажи хоть что-нибудь, не молчи! – Элиус потряс ее за плечи.

Дайнара мгновенно сбросила его руки.

- Убирайся вон! И не приставай ко мне с такими вопросами, орк меня дери! – заорала она, указывая на выход. – Я не собираюсь отчитываться перед тобой, слышишь? Можешь собирать свои вещи и проваливать в Нусан, раз ты такой смелый! А я остаюсь!

- Вот и отлично! Оставайся здесь, сколько хочешь, а я уйду, - вспылil и Элиус и хлопнул дверью.

Там, в проходе забормотала встревоженно хозяйка дома, муштарец буркнул ей что-то в ответ, и все вновь погрузилось в тишину.

Дайнара, больше не в силах сдерживать горькие слезы, рухнула на постель и зарылась лицом в одеяло. Разве могла она кому-либо признаться, чьи глаза преследовали ее все эти ночи и дни, проведенные в жуткой лихорадке.

То, что случилось в последующие часы, перевернуло вверх дном все планы. Фьорг в компании с Мерло, Исенбуром и Раддуром, вернувшись от короля Саранского Юма-

наса, сообщил ужасающую новость. Бесчисленные войска орков, троллей и тершатов продвигались к Лисьему Долу, сжигая лежащие на пути деревни и города. Не встретив достойного сопротивления, враг широкими шагами приближался к столице, укрепленной за последнюю сотню лет каменной стеной и глубоким рвом. Все это предпринималось для защиты от посягательств на сорянский трон, теперь же Лисьему Долу грозила куда большая опасность. Голубь с просьбой о помощи уже был отправлен в Асин, но на скорый приход подкрепления можно было не рассчитывать, к тому же Нусан и сам нуждался в свежих силах. Паника проглотила Лисий Дол, женщины и дети, старики и немощные – кто в телегах, кто верхом покидали родные стены и уходили в сторону Чанского леса. На переходах они встречали беженцев из восточных земель, уже подвергшихся нападению войска Горукряжа.

Люди бежали, как тараканы из потревоженного гнезда. Дорога на Лисий Дол была открыта врагу. Кроме того, неожиданно для весны выпал большой снег. В столице срочно собирали мужчин, способных держать в руке меч, но все это по большей части были крестьяне. Правда, многие из них, будучи охотниками, хорошо владели копьем, луком, сумели ставить ловушки на крупного зверя,

что могло обезоружить на время противника. Отряд, лично вымуштрованный Фьоргом во время прошлого прихода в Соран, был расформирован, этих воинов и поставили во главе сотен, чтобы они могли управлять неподготовленными мужами.

До рассвета следующего дня люди копали рвы в замерзшей земле, покрывали легким настилом и забрасывали его выпавшим снегом. Все это в расстоянии девяти неполных верст от города, в той стороне, откуда ждали вражеские войска. Лучники заняли свои позиции на ветвях деревьев, которые росли на двести саженей от рва, остальные расположились за прикрытой снегом ловушкой, там, где возвышался наскоро сооруженный приступ, чтобы в нужный момент добить упавших и встретить тех, кто пройдет. Были извлечены из сараев толстые кожаные жилеты с нашитыми на них бронзовыми и роговыми бляхами, были на мужчинах и кольчуги с бехтерцами, у кого рогатины да вилы, а у кого мечи. Вооружались и окрашенными в зелень патины щиты и шлемы, остроконечные на манер нусанских. Были в том строю и всадники, и пешие. Кто-то сжимал в руке копьё, кто-то держал топор на длинном топорыще, многие нервно проверяли, плотно ли забиты стрелами колчан.

Впереди всех на гнедом жеребце находился правитель Юманас, зако-

ванный в черные доспехи воин с тревожным выражением лица. Из-под шлема выбивались седые волосы, хотя на вид ему было не больше сорока. Он был собран и подтянут. Диринг охотно делился с Дайнарой, рассказывая, что в молодости Юманас служил королю Нусана Ирндиру. Вместе с гномом она сейчас стояла в рядах сорянской армии, собравшей не меньше четырех тысяч мужей, и глядела на спины впередистоящих. Несмотря на остаточную слабость после болезни, она вызвалась участвовать в битве, презрев жалкое убежище в Чанском лесу. Ее место здесь, на поле боя.

Трижды проухала сова. Орки приближались к лесу, где устроились лучники. Тем придется принять первый удар на себя. Пройти по другому пути враг не мог, это единственная более-менее просторная дорога сквозь лес, справа от нее взгорье, а слева раскинулось озеро, лед на нем почти растаял, но выпавший снег и резкое похолодание стянули его поверхность тонкой пленкой. Нет, орки пойдут через лес. И томящимся в ожидании сорянцам оставалось лишь надеяться, что те не сразу приметят лучников, затаившихся на голых деревьях. Дайнара старалась не думать о том, что эти добровольцы осознанно шли на смерть. Убить как можно больше врагов, прежде чем их заметят и прикончат – вот, что было их целью.

Предрассветная тишина. Раскаленный солнечный диск показался над горизонтом и осветил заснеженное поле, обреченное стать полем битвы.

Заледеневшими под кожаными перчатками пальцами Дайнара коснулась рукоятки меча, вороной Дух под ней нетерпеливо захрапел.

- Если что, я рядом, - пробормотал Двалин, наматывая поводья на левую руку, заранее наточенный топор лежал на седле маленького пони.

Муштарка кивнула. Взгляд ее устремился к деревьям. Первый предсмертный крик огласил округу, и на ее лице отразилась сдержанная улыбка: этот мерзкий язык не мог принадлежать сорянину. Враг, вначале удивленный, быстро совладал с собой и ответил дождем черных стрел. Их заметили, пронзенные лучники падали на землю, где их разрубали дети Хрездрога, но и среди тех были потери. Строй сорян заколебался. Эти минуты, когда лес стонал и кровоточил, казались вечностью, но вот на тропе меж деревьев появились орки. Увидев вооруженных воинов, они на миг затормозили, в их глазах были ярость и удивление. Сработало заклинание Унгобара. Перед боем чародей сотворил из воздуха точные копии людей, и теперь враги видели перед собой армию впятеро большую, чем она была на самом деле.

По команде первые ряды воинов подняли лу-

ки по ветру. Тотчас свист стрел заполнил округу. Первые появившиеся на дороге орки рухнули наземь, но вслед за ними в поле вышли другие. И снова соряне положили их всех, только двое успели выстрелить, и обе стрелы нашли свою цель. Потом из леса повалили несметные полчища обезумевших от запаха крови орков. Их было столько, что не было видно меж их рядами снега, лучники не успевали доставать из колчанов стрелы, они метко целились, а враг, ступая по убитым собратьям, рвался вперед, к сорянам.

Дайнара взглянула на окружающих ее людей и поняла, что они все были напуганы атакой многочисленных орков. Лица крестьян, сменивших рало на меч, были сосредоточены, но за этой сосредоточенностью был спрятан страх. Она и сама невольно задрожала, увидев прущих на них орков. Вот из-за деревьев показались громадные, в два человеческих роста, существа с буро-серой кожей, полностью лишенные волос, вместо одежды на них были сшитые шкуры, а в руках они держали либо молот, либо палицу. "Тролли... тролли!" – пронеслось по строю. А вслед за теми из леса выбегали одетые в грубые доспехи волосатые люди, сейчас они высоко над собой размахивали палашами, но смертоносные плети высели у каждого за поясом. "Раз, два, три..." – отсчитывала про себя Дайнара,

чтобы хоть как-то отвлечься от грустных мыслей. Со счетом "четыре" орки ступили на шаткую поверхность. Ловушка сработала, десятки, а то и сотни порождений Горукряжа провалились в вырытую за день яму, длиною в целую версту. Они уже поняли, что соряне решили сопротивляться, но скрытый под снегом ров был для них полной неожиданностью.

Юманас подал знак, его разношерстная армия ринулась навстречу оркам. В тылу у тех уже бились выжившие каким-то чудом лучники. Встав у рва, соряне с нескрываемой ненавистью добивали упавших врагов. Яма продолжала заполняться, передние ряды тормозили перед обрывом, на них напирала ничего не понимающие орки, и они скатывались вниз, ломая ноги и натываясь на заранее вогнанные в землю железные колья. Тяжелые тролли перепрыгивали через ров, даже тяжелые копья не могли пробить их каменную шкуру. Тершаты, быстро отыскав решение, уже раскручивали над собой смертоносные плети. Кровь щедро оросила снежный покров сорянской земли. Крики ярости и стоны боли заполнили рассветное поле, все перемешалось.

Все, что могла Дайнара, это спастись от сокрушающей все на своем пути дубины омерзительного тролля. Разбрасывая сорян одной рукой, он пробрался в середину

строю, где пустил в ход свое примитивное оружие. Замертво рухнули окружавшие девушку воины, волной раскидало тех, кто спешил на помощь. Благодаря своему низкому росту остался в седле Двалин, едва успела Дайнара проскочить между ног у тролля. Обернувшись, она увидела, как гном с размаху рубит топором по его коленному суставу. Тут же тролль рухнул со страшным ревом наземь, раздавив своим телом двух людей, не успевших вовремя скрыться. Гном развернул пони, уходя от падающего тела. Все это заняло не больше секунды. Дайнара вздрогнула – прямо перед ней оказался ухмыляющийся орк. Впервые в жизни она увидела его так близко, но времени на потрясения не было. Обнаженный меч в руке муштарки взмыл вверх, встречая вражескую сталь, потом вкось и по шее. Уроки Герндира не прошли даром. Только сейчас Дайнара поняла, насколько бездумно поступила, когда вызвалась участвовать в этом сражении, но она ни за что не стала бы отсиживаться в убежище, пока гибнут люди, как это сделал сильф. Ей было страшно до дрожи, но она держалась, нанося удары направо и налево и понукая скакуна, чтобы вовремя увернуться от вражеского клинка.

Орки перебирались через ров: кто-то прямо по трупам своих товарищей, кто в обход. Они прибывали, но на пути у них

вставали отважные соряне, готовые до последнего вдоха защищать свой Дол. У них не было другого дома и другой родины, оставалась лишь вера в свои силы.

- Но, Дух! – крикнула муштарка.

Дух рванулся в самую гущу схватки, расчищая себе дорогу копытами. Дайнара помогала ему своим клинком. Там, у самого рва грязные орки теснили короля и еще троих воинов к краю обрыва. Вклинившись между врагами. Она ударила наотмашь по незащищенному лицу орка. Крик боли и ненависти заложил ей уши, а он сам захлебнулся кровью. Ее заметили. Как по команде на единственную женщину в сорянском строю накинлось сразу пятеро жаждущих боя орков. Король и его свита получили преимущество и не замедлили им воспользоваться.

Одновременно правя конем и отбиваясь от противников, Дайнара подняла Духа на дыбы. Удар мечом пришлось по одному из нападающих, другого смял копытом Дух. Жалобное ржание вмиг отрезвило ее – кто-то резанул коня. Муштарка, чувствуя подступающий к горлу азарт боя, схватила ту руку (серую и когтистую) и рубанула по ней мечом. Так она завладела кривым ятаганом. Вцепившись ногами в раненого жеребца, Дайнара издала устрашающий крик и бросилась на врагов. Одного за другим она разрубила

их пополам, но меньше их не становилось. На место одного павшего тут же вставало еще по двое. К счастью, рядом оказался великан Фьорг. Его тяжелый меч без труда раскидал нападающих и прочистил дорогу Дайнаре. Не теряя времени, девушка последовала за ним и оказалась в окружении своих. Кто-то протянул ей флягу с водой, она, не благодаря, отхлебнула добрый глоток и, только возвращая флягу, поняла, что стоит перед ней сам Юманас.

- Уходи, сообщишь нашим женам и детям о подвиге крестьян, - произнес он, предлагая ей выбор.

И Дайнаре стало еще страшнее, чем перед яростным противником. Король не верил в победу, он вел свое войско на смерть и предлагал ей укрыться, пока еще не поздно.

- Нет, - взгляд говорил яснее слов.

В следующий миг покой на этом куске поля был нарушен, тролль, пробравшись без особых помех в тыл сорянских воинов, ударил по земле огромным молотом. Все ощутили дрожь под ногами. Лишь на секунду Дайнара увидела в окружении дерущихся воинов своего друга Элиуса, сцепившегося с тершатом, и тут же потеряла из виду. Фьорг и Мерло ринулись на тролля, отводя назад и вниз мечи, и видимо, последовав примеру Двалина, а может, и собственному опыту, нанесли сокруши-

тельный удар по коленям великана. Тут же лежащего тролля оседлали соряне и по локоть вонзили в оба его глаза копыя.

Люд бил врага нещадно, но тот все прибывал и прибывал. Ров, заполненный телами орков и сорян, перестал быть для них препятствием. Ярость и боль, ненависть и смерть, ручьи крови: орочьей, тролльской, тершатской и людской – все вперемешку. Добрый урожай соберет богиня Моргана, будет чем поделиться с Повелителем мертвых. По поверьям, эта богиня, прислуживающая Анамару, имела три обличья, в которых являлась вонам: Моргана – плакальщица, возвещающая о скорой гибели, Моргана – жница, пожинающая плоды битв на поле боя и Моргана – воин, принимающая ту или иную сторону сражающихся в обмен на смерти в стане противника.

Сейчас же суеверные люди могли видеть перед собой ее последний лик, воплощенный в образе сражающейся наравне со всеми девы. Гоня прочь от себя мрачные мысли, Дайнара бросалась на противника, словно волчица, оберегающая детенышей. Справа ее прикрывал воин Фьорга Исенбур, слева гном Двалин. Образовав крепкий "клюв", троица прорубала дорогу вглубь вражеского войска и возвращалась к своим, чтобы передохнуть и снова броситься в бой. Время потеряло свой счет. Лишь

солнце продолжало двигаться к полудню. Когда оно прошло по небосклону одну четверть, под Дайнарой пал конь, плетью тершата перерубила ему ноги. Кто-то дернул ее за шиворот и тем самым спас от очередного взмаха косящего оружия. Тершата повалили сзади, улучив момент, и рубанули по непокрытой голове. Муштарка вскочила на ноги, отмахнулась от летящего на нее орочьего ятагана и снесла нападающему голову, скрестив на его шее клинки. Одежда ее пропиталась потом и кровью, мышцы на руках одеревенели и просили отдыха, вены на них вздулись, и девушка слышала стук своего сердца. Полчищам из Горукряжа не было конца. Подкосился, рухнул замертво в кровавое месиво из коней и людей король Сорянский Юманас. Нашла черная стрела молодца Диринага.

Когда свежие силы орков хлынули через заполненный трупами ров, муштарка потеряла из виду своих. Ухмыляющиеся оскалы окружили ее, готовые растерзать на куски. Снова Дайнара закричала. И этот яростный крик вселил уверенность в сотни перепуганных сорян. Никогда прежде девушка не дралась с таким остервенением как в тот миг, второе дыхание гнало ее вперед. Азарт боя захлестнул до краев. Неимоверными усилиями удавалось ей отражать многочисленные удары, казалось, нет выхода из этого кольца. Вот

над низкорослыми орками показалось суровое, покрытое грязью и кровью лицо Фьорга, позади него был Мерло, вот еще пятеро сорян бросились на помощь девушке – воину. Чувствуя, что силы покидают ее, Дайнара уже прощалась с жизнью, но соратники взяли на себя противников, освободив ее на некоторое время.

- Сзади! Дайнара!

Окрик заставил муштарку обернуться. Она даже не успела обомлеть от ужаса. Безобразный великан с кожей цвета болотной тины в перекинутой через плечо и подвязанной на поясе шкуре схватил Дайнару за талию и поднял в воздух. Хватка его, словно каменные тиски, сжала девушку, не давая сделать и вдоха, а тролль, с интересом разглядывая ее, поднес добычу поближе к лицу. Что было силы, она размахнулась и вонзила меч по самую рукоять в его карий глаз. Тролль завопил и отбросил муштарку.

Она упала спиной на землю. Сжавшись от боли во всем теле, Дайнара зашла в кашле. Ей повезло – трупы, сваленные друг на друга, смягчили падение и спасли ее от переломов. Подняв голову, муштарка увидела, как армия орков устремилась по заснеженному полю к Лисьему Долу. Тех, кто остался в живых, было слишком мало, чтобы удержать врага. Все они, построившись, ринулись вслед за уходящими противниками. Поле было

сплошь усеяно телами павших воинов. Но она-то еще жива! Она еще может сражаться!

Стиснув зубы, Дайна-ра поднялась на ноги и, тяжело ступая, двинулась за остальными. Нужно было их догнать, нужно было помочь своим. Слезы хлынули из глаз, когда она увидела Исенбура. Он лежал среди орков, подогнув под себя ноги и раскинув в стороны руки. Его все еще красивое лицо побледнело, а из раны на животе медленно вытекала темно-алая кровь. Но нельзя было отставать. Оторвав взгляд от соратника, Дайнара прибавила шагу. Нужно было догнать своих, нужно было сказать, что она еще не мертва и может драться.

Вражеский кривой

клинок пришел откуда-то слева. Муштарка заметила его блеск слишком поздно, чтобы отразить. Ее взгляд упал на ухмыляющегося орка, а что-то горячее и липкое вдруг обожгло ее спину.

Ноги будто перестали существовать, не чувствуя их она повалилась наземь. Отставший от своих орк, придерживаясь за раненное плечо, плюнул в нее и припустил за своими в Лисий Дол. Он ушел, а Дайнара осталась лежать на поле, усеянном мертвыми воинами. Воздуха не хватало, она попыталась сделать вдох, но тут же ощутила резкую, разрастающуюся боль в левом боку.

- Помогите! – закричала, как ей казалось, муштарка. – Кто-нибудь? Я

здесь!

Но ответом была тишина, только гул удаляющегося боя. Исенбур невидяще смотрел на нее, но он не мог уже ничем помочь. Даже себя Исенбур не спас. Хотелось кричать, леденящий ужас заполнил душу. Дайнара прижала руку к ране, чтобы кровь перестала вытекать из нее вместе с жизнью. Ладонь сразу стала липкой и мокрой. Щеки обжигали горячие слезы. Никто не придет за ней, кроме могущественного покровителя. Все поплыло перед глазами, мир погрузился в густой туман, и веки муштарки сомкнулись.

Автор: Хиль Де Брук

Пеггонеры Хроноса

Глава 9 Высадка

Мы высаживались. Десантный корабль заходил на посадку. Корабли с орбиты должны были зачистить поверхность планеты.

- Запоминаем, - говорил я по связи своим бойцам. – Мы должны найти их главный штаб. Где он, не знает никто. Разведанных нет вообще. Известно только, что наши ракеты все перепахали на поверхности.

- Весело, - произнес Цукат, - иди туда, не

знаю куда, найди то, не знаю что.

- По сути, да, - я подтвердил его слова. – Но мы десант! И нам не привыкать, что нами затыкают дыры в дерьме!

Корабль тряхануло последний раз и он, скрипя рессорами, застыл. Аппарель медленно опускалась.

- Всем включить защитные экраны! Высаживаемся! – Скомандовал я. Отделение высыпалось из десантника. Зона высадки была огромна, вместе с нами высаживалось сто тысяч пехотинцев.

Офицеры отдавали приказы, направляя подразделения по различным направлениям, организовывая оборону плацдарма.

Флот постарался на славу: здесь не то, что бы кто-то выжил, здесь не было понятно, что было до зачистки.

- Туда, за мной! – Указав на одно из направлений, произнес я.

Мы двинулись вдоль дымящихся руин. Груда искореженного металла, горящий пластик. Если бы не фильтры, мы уже бы задохнулись.

- А почему мы

идем именно в этом направлении? – Спросил Историк.

Я остановился и посмотрел на него.

- Есть другие идеи? – Поинтересовался я.

- Ну... - протянул он.

- Баранки гну! – Парировал я. – У нас свободный поиск: где хотим там и ищем!

- Лидер, это же абсурд. – Поддержал Историка Молчун. – Сам понимаешь, у нас на это могут уйти годы!

- Вау, - с сарказмом произнес я, - глядите-ка, кто заговорил! У вас есть другие идеи?

Молчун получил свое прозвище за то, что редко говорил в эфире. Он предпочитал молча выполнять приказы.

- Нет, - ответил Цукат, - сам подумай: найти штаб на планете! Он может быть где угодно! Под землей, на полюсах! Его может даже не быть на этой планете. Мы ведь не исследовали другие планеты системы, тупо тут высадились и все!

- Хорошо, - паса-нул я, - что вы предлагаете?

- Вернуться на «Наташу» - не вариант? – Осторожно спросил Историк. Даже после того, как стало известно, что Рудольф специально хотел попасть в наш штаб, он чего-то боялся, что ли?

- Нет, Историк, не вариант...

- Можно просто продолжить. – Вклинился в разговор Пациент.

- Капец, - всплеснул я руками, - ты хоть иногда думаешь, а?

- Ты не понял, лидер. – Произнес Пациент. – Смотри, десантура сейчас закрепляется на плацдарме. Приказ, ведь, какой? Занять плацдарм и удерживать его. Зачем?

- Вот тугодум, - в сердцах произнес я. – Ясно дело, что бы отразить удар противника, если он остался на планете.

- А почему нас не задействуют в этом, а сразу на задание отправляют?

- Не знаю, - ответил я.

- Такое ощущение, что от нас хотят избавиться. – Тихо произнес Историк. – Извините...

- Заткнись! – Крикнул я ему. Совсем охренел! Извиняйся, вздумал.

- Короче, мы следуем приказу: исследуем планету в поисках штаба, вот и все.

Хотя сам я в эти слова не верил. Историк прав, приказ довольно странный. Отправить одно подразделение, без разведанных искать штаб сил противника. Абсурд! Если он где-то и есть, то десятку солдат в него не прорваться. Блин, мозги начинают работать в самый неподходящий момент.

- Лидер, - произнес Цукат, - раз у нас свободный поиск, может, обследуем эту груду металлолома?

Он указал в дымящуюся конструкцию.

- Ты думаешь, что там может быть штаб? – С

Сарказмом спросил я.

- Кто знает... - пожал плечами Цукат.

- Ладно... - сказал я и направился в руины. Подразделение двинулось за мной.

Дым стоял сплошной, видимости практически не было. Металлический каркас еще держался, но от взрывов его покорёжило. Все что могло гореть, горело. Мы продвигались осторожно: пол так и скрипел под ботинками. Здание, если сейчас это слово применимо к груде покорёженного металла, вряд ли было штабом.

И тут до меня дошло... за десантной группой, что высаживалась на кольцо, наблюдали на всех судах. Ну, может не на всех, но на «Наташе» точно. Да и на «Лене» с «Линой», уверен, то же. У нас спецзадание. Наши переговоры точно слышали на флагмане. И хорошо, если только Эдгар. Радует, что мы продолжили выполнять задание. Один только наш разговор тянет на трибунал.

- Здесь чисто, идем дальше, - произнес я по связи. Мы собрались покинуть помещение, как на улице раздались взрывы.

- Внимание всем! – Раздалось по рации. – Мы атакованы! Повторяю: мы атакованы!

Я подбежал к «окну» и посмотрел в сторону лагеря. Из-за дыма ничего не было видно.

- Это отделение «Съера», - произнес я, - мы выдвигаемся! За мной!

Подразделение направились обратно. Только покинув «укрытие» мы встретили боевую машину противника. Немецкий крест на борту доказывал это. Может это был робот, кто знает. Внешне похожее на танк, но на четырех ногах без башни, оно двигалось в сторону лагеря.

- Огонь на поражение! – Скомандовал я. – Стрелять по «суставам»!

Мы начали стрелять по «ногам» машины. Повредив одну «ногу», машина развернулась в нашу сторону. Они навели пушку на нас, и в дуле загорелось что-то.

- В рассыпную! – Крикнул я. Через мгновение, после того, как солдаты бросились кто куда, на место, где мы стояли, с шипением прилетела шаровая молния.

- В укрытие! – Командовал я. С таким противником мы не справимся. Один за другим, бойцы вбежали обратно в руины. «Танк» продолжал стрелять по нам, но конструкция сдерживала огонь. Надолго ли её хватит.

- Внимание всем! Это подразделение «Съера», мы отрезаны противником в руинах, просим помощи! – Твердил в рацию Клирик.

- Группа «Съера», это крейсер «Наталья Колесник», - ответили нам, - видим вас на радаре, через несколько минут к вам придут штурмовики, найдите укрытие.

- Вас понял, «Наталья Колесник», - вы-

хватив микрофон у Клирика, крикнул я.

- За мной, быстро! – Приказал я солдатам. Штурмовики перемолотят тут все, если хотим жить, надо искать укрытие.

- Лидер, здесь люк! – Крикнул Историк. Он указал в сторону круглой железной плиты. Люк открывался посредством ввода кода, но сейчас он был обесточен.

- Ну и на кой он нам сдался! – Прокричал в ответ я. – Он же обесточен, а взрывчатки столько у нас нет!

- Он открыт, - спокойно произнес Историк. – Я сам его не открою.

Люк действительно был приоткрыт, стальная дверца (дверца, это так, легко сказано: весит она не меньше тонны) неплотно прилегала к стене.

- А ну, все навалились, - сказал я. С трудом разместившись у двери, мы стали её открывать. Еле-еле она сдвинулась с места.

- Вира, - ответил я, когда проход был достаточно открыт. За люком шла лестница вниз.

- Ну что, пошли? – Посмотрев на бойцов, спросил я.

- Да не помешало бы! – Ответил Молчун, - то авиация сейчас накроет этот шалаш.

- Тогда вперед, - спускаясь, сказал я.

Немного спустившись, мы услышали грохот. Люк закрылся от взрывных волн. Если бы мы остались в тех развалинах...

Лестница уходила довольно глубоко. Если верить приборам, мы уже спустились на полтора километра.

- Связь что-то глушит, - клацая по рации, произнес Клирик.

- Может из-за того, что мы под землей? – Спросил Цукат.

- Вряд ли, - за Клирика ответил я. – Рация мощная, для связи с орбитой, должна еще работать.

Наконец-то лестница закончилась.

- Отключить фонари, перейти на приборы ночного видения. – Приказал я.

-Чего это? – Капризно спросил Пациент.

- Мля, потому что я приказал! – Гаркнул я. Нет, ну точно мозгов не хватает. Если здесь кто-то есть, то по свету фонарей нас могут обнаружить, а так шанс быть замеченными меньше. Но тем, у кого явные проблемы с мозгами, это не объяснишь.

Мы двинулись по коридорам. Помещения не казались заброшенными. Просто покинутыми. Даже не покинутыми, а эвакуированными. Все оборудование было снято, пустые коробки для электроники стояли на своих местах.

Что это за коридоры, ясно не было. Просто петляющие туннели, с небольшими комнатами, откуда было вывезено оборудование.

- Может, пойдем на выход? – После нескольких часовых блужданий, спросил Пациент.

- Продолжаем обследовать, - произнес я.

- Та ну, лидер, - заканючил Пациент. - Связи нет, коридоры длинные что капец...

- Пациент, - процедил я, - заткнись, а? Будь добр! Куда мы вернемся?! В лагерь? Кто знает, куда эти коридоры ведут, может, к штабу и ведут.

- Да тут все эвакуировали! - Настаивал на своем Пациент.

- Твою дивизию, - тихо выругался я, - Историк, расскажи что-нибудь интересное, а то я скоро вместо трибунала тут... казнить начну.

- Ну, интересное, так интересное. - Приздумался Историк. - О, знаете, почему наши линкоры названы женскими именами?

- Откуда нам, - с сарказмом произнес Цукат, - мы ВУЗов не кончали.

Все дружно заржали.

- Цукат, - обратился я к медику, - ты хоть не трепись! У тебя «вышка» точно есть, хирург хренов.

- Да! - Возмутился Цукат. - Я, между прочим!

- Между прочим. - Перебил его Молчун. Волна смеха снова разразилась в пустых коридорах.

- Очень смешно! - Надулся Цукат. - Я, - с опаской глядя на Молчуна, начал Цукат, - между прочим, дипломированный нейрохирург.

- Ну и что ты делаешь в десантуре? - Спросил его Пациент. Мы по-

тихоньку продвигались по коридору. Ничего, абсолютно ничего нет. Все вынесли.

- Ну... - протянул Цукат, - так получилось.

- Ясно. - Произнес я. - Ладно, историк, читай свою лекцию.

- Слава богу, - произнес историк. - Ну, поехали.

- Ездок, блин. - Тихо произнес я. Нет, все равно неизвестно, сколько мы будем тут лазить. А так...

- В общем, - осматривая очередное помещение, начал Историк. - В середине двадцать первого века, кризис достиг своего апогея.

- Чего достиг? - Недоуменно переспросил Пациент.

Историк только покачал голов.

- Ну, в смысле, критической точки, - видя унылость Историка, произнес Цукат.

- А... - заумно протянул Пациент.

- Бэ! - Ответил я. - Историк, ты, во избежание подобных вопросов, изъясняйся проще, чтоб мозг Пациента не перегревался, хорошо?

- Хорошо! - Смеясь, ответил Историк и продолжил. - Кризис достиг критической точки. Вся Европа была в полной жопе.

Я кивнул в подтверждение. Такой стиль будет более доходчивый для некоторых бойцов.

- Америка вела несколько локальных войн в Азии. - Разглагольствовал

Историк - В Украине в это время к власти пришла партия «Украина будущего» под руководством Елены Климович. Точнее, её сначала выбрали президентом, а на парламентских выборах её партия собрала семьдесят процентов голосов. С тех пор можно считать, началось возрождение Украины. Как раз Европейский союз смог договориться с Азиатским союзом. Азиаты начали помогать Европе, ну и нам заодно. Елена Климович была нашим президентом, Лина Волкова занималась совершенствованием социальной политики. Именно она смогла сделать образование и медицины по-настоящему бесплатными. Поднятием экономики занималась Наталья Колесник.

- «Наташенька»! - Радостно воскликнул Молчун.

- Что-то ты сегодня сильно разговорчив. - С подозрением спросил я. Молчун, было, напрягся, но поняв, что я шучу, расслабился. Хотя, кто действительно расслабился так это Цукат. Мы как раз обследовали жилые комплексы. Так он взял и улегся на одну из коек.

- Все, - устало проговорил медик, - дальше не пойду...

Гуляли мы часов пять, если не более, так что...

- Ладно, полчаса привал. - Опускаясь на одну из коек, произнес я.

- Блаженство, - протянул Историк. - Итак,

министром экономики стала Наталья Колесник. Они то и подняли нашу страну. При них началось освоение космоса. Первая украинская космическая станция...

- А они красивые были? – Спросил Молчун.

- Ну... - замялся Историк.

- Ну чего ты нукаешь? – Спросил его Рембо.

- Не того Молчуном назвали, - заржал Пациент. Рембо всегда рвался вперед. Даже часто вперед меня лез. Поэтому и получил прозвище Рембо.

- А они сегодня все молчат. – Устало произнес я. – И Рембо, и Клирик, и Презерватив.

- А что сразу Клирик, а?! – Возмутился связист. – Ты говори, красивые ли девушки и все.

Отделение снова заржало.

- Красивые, - успокоившись, ответил Историк. – Елена Климович была не высокого роста, но очень красивая. У неё были длинные слегка вьющиеся волосы, которые она никогда не заплетала ни в хвост, ни в косу.

- А нафига их заплетать? – Бесцеремонно перебив Историка, спросил Пациент. – Никогда не понимал баб, что волосы в кобылий хвост собирают! Страх и ужас.

- Да ладно тебе! – Ответил ему Презерватив. – Волосы в женщине не самое важное.

- Ага, - засмеялся Цукат, - что для тебя важное мы знаем!

Волна смеха снова пронеслась по коридорам.

- Точнее, с какой части женского тела для него важны волосы, - сквозь смех произнес Рембо.

- Да пошли вы! – Возмутился Презерватив. – И, между...

- Дроchem? – Заливаясь смехом, перебил Презерватива Цукат.

- Мля, дроchem! – Заорал Презерватив. – Да, между дроchem, у девки, чтоб дрова не было, там должно быть все выбрито! И помыто!

Бойцы заржали с новой силой.

- Группа «Сьера», группа «Сьера», это крейсер «Наталья Колесник», ответе, - раздалось из рации.

- О, «Наташенька» на связь вышла. – Проговорил Клирик. – «Наталья Колесник», это группа «Сьера», как слышите?

- Слышим вас нормально, «Сьера». – Ответили по связи. – Согласно данным с ваших маячков, вы находитесь под землей.

- Да, - взяв микрофон у Клирика, произнес я. – Это сержант Дмитрий Калита. Во время вражеской атаки мы укрылись в каких-то подземельях. Что-то глушило сигнал, и мы не могли выйти на связь. Сейчас связь восстановилась.

- Вас поняли, мы провели орбитальное сканирование подземелий. Данные не совсем точные, на поверхности слишком много активных источни-

ков энергии, но кое какой план подземелий есть, передаем его вам, ищите выход на поверхность.

- Вас понял, принимаю карту, конец связи.

- Конец связи.

Я просмотрел на карту через наручный дисплей.

- Так, через два поворота от нас, - указал я в направлении, куда нам следовало идти, - находится что-то органическое.

- В смысле? – Переспросил Пациент.

- Без смысла! – Парировал я. – Пошли.

Кряхтя, все-таки мы целый день прошлись в этом подземелье, бойцы оторвали свои задницы от коек и пошли за мной. Мы прошли поворот, другой и... нашли труп. Мертвец лежал лицом вниз, на нем был белый халат, правда, слегка запыленный.

- Твою мать, - тихо выругался Историк.

- Везет нам на подобные находки, - усмехнулся Цукат.

- Странно, - осматривая тело, произнес я.

Ко мне подошел Цукат и тоже склонился над телом.

- Что странного то? – Спросил медик. – Дохляк. К тому же остывший уже.

- Странно то, - ответил я, - что все эвакуировано, подчистую, только койки остались в жилом комплексе, и то, потому что приделаны намертво. А тут труп. Не аккуратно.

Цукат продолжил осматривать тело.

- Видимых повреждений нет, - перевернув тело, произнес он. - Странно, почему он умер. С виду не старый, лет пятьдесят.

- Ладно, готовьте его к транспортировке. - Приказал я.

- Лидер! - Возмущился Презерватив. - Мы что, его на поверхность тащить будем?

- Будем, - твердо ответил я.

В этот момент из противоположного коридора на нас выбежал не большой робот, размером с собаку. Быстро перебирая шестью ногами, он несся к нам.

- Япона мать! Огонь! - Приказал я.

Одним залпом мы разнесли его в клочья. Но вслед за ним выбежал другой робот. Его ждала та же участь.

- Что это было? - Срывающимся голосом спросил Рембо.

- Робот, - ответил Историк.

Из поворота выбежало около десятка этих роботов.

- Отступаем! - Скомандовал я. - Не прекращать огонь!

Но роботы и не собирались нас атаковать. Они добежали до трупа и стали оттащить его туда, откуда пришли сами.

- Не понял...- Произнес Цукат.

- Я тоже, - ответил я. - За мной, оружие наизготовку.

Мы проследовали

за роботами. Они вывели нас в какое-то огромное помещение, напоминающее лабораторию. В центре стояло некое устройство, похожее на трансформатор.

- Пригнуться! - Шепотом приказал я. Мы пригнулись и укрылись за какими-то ящиками. Это из-за того, что у устройства стояли какие-то солдаты. Немного, всего десять, почти, как и нас. Но бережного бог бережет.

С солдатами была молодая женщина в военной униформе. Серый мундир с регалиями странно смотрелся среди полного обмундирования солдат.

- Офицер, что ли? - Тихо спросил Цукат. В ответ я лишь пожал плечами.

- А девка ничего, сексуальная. - Осматривая офицершу, произнес Презерватив.

- Заткнись! - Процедил я. Не хватало еще в бой влезть. Но все обошлось: ни солдаты, ни офицерша не заметили нашего присутствия. Они говорили о чем-то на немецком языке.

- Кто-то понимает по-немецки? - Тихо поинтересовался я. В ответ лишь отрицательные кивки головами.

Роботы притащили тело к офицерше. Та его с презрением осмотрела и что-то не лестно высказала. Потом подошла к установке и запустила её. Установка загудела и вскоре перед ней появилась вертикальная белая полоска

света. Как будто дверной проем. Махнув солдатам, она шагнула в полосу. Несколько солдат последовали за ней, а остальные стали расставлять вокруг установки небольшие контейнеры с табличками радиоактивности. Понажимав какие-то кнопки на контейнерах, она прошла в полосу.

Датчик уровня радиации мгновенно записал, оповещая о повышенном уровне.

- Это ядерные заряды! - Закричал Рембо, когда солдаты нас покинули. - Валим!

- Стоять! - Приказал я. - Покинуть подземелье не успеем.

- С чего ты это взял? - Переспросил Рембо.

Я молча подошел к одному контейнеру и посмотрел на него. Ну да, как и ожидалось, таймер здесь был. Жить нам оставалось менее пяти минут.

- Не хочу вас разочаровывать, но тут таймер на пять минут. - Произнес я. - Кто-то помнит, где выход?

- Мля, - выругался Презерватив. - Че делать то?

- Я думаю, нам туда, - посмотрев в сторону белой полосы, произнес я.

- Нет, - покачал головой Цукат, - я туда не пойду.

- Ну и подыхай тут. - Сказал я и прошел в полосу.

Автор: Александр Маяков

Тайна всего мира

"Колхозник сегодня не в духе!" - пролетел по офису "Северного леса" слух едва Андрей появился на ресепшене. Он вообще не хотел идти на работу, но вечером позвонил финансовый и слабым голосом попросил:

- Выйди... Романыч на переговорах, я заболел. Присмотри за молодежью. Первый рабочий день, начальства нет, устроят там попойку.

Знаем мы твою болезнь, хрен очкастый! Даже через трубку переговора несет. И переговоры Романыча знаем! Сидит, небось, в своем любимом Лондоне и пиво с Борюсей Березовским пьет, однокурсничком ненаглядным. Наверное, еще денег чуть хапнет и совсем там останется. Андрей среди "северолесовского" руководства самый молодой, и им вечно затыкают производственные "дыры". На машине Андрей ехать не рискнул, в метро спустился. Давно уже не бывал. Гадкое место! Народ, измученный десятидневными праздниками, злой, толкается; в переходах вонючие бомжи, попрошайки-инвалиды, менты каждого глазами до гола раздевают - террористов ищут и все равно ведь проворонят!

В приемной секретарша Олечка, увидев Андрея, бросила точить ноготочки:

- Здря-а-встуйте, Андрей Валентинович! С прошедшими вас!

Андрей что-то промышчал, вошел в кабинет. Глянул на него с портрета своими разведческими глазами-буравчиками Путин: "Как дела?.. Печень не шалит?"

- Не шалит! - буркнул Андрей и подумал что неплохо было бы вместо него повесить Сталина, как у Шишкина.

Нет! Лучше рядом. Пусть вместе будут. Мысль понравилась. Андрей позвал Олечку и приказал подобрать портрет Сталина. Олечка, шокированная первым послеппраздничным распоряжением шефа, тут же позвонила в отдел маркетинга своей подружке Свете:

- Представляешь! Мой велел Сталина повесить!

Света не то что бы дура, но мышление у нее было заторможено, как у допотопного компьютера:

- Повесить Сталина?.. Так он же того... Умер... И давно вроде.

Остроумная офисная молодежь тотчас придумала своему коммерческому новое прозвище - "Вешатель".

Андрей бросил портфель в кресло, бесцельно побродил по кабинету и пошел в обход офиса. Сотрудники толпились в коридорах, обмениваясь впечатлениями

от минувших праздников. Заметив мрачно идущего коммерческого директора, торопливо разбегались по рабочим местам. "То-то!" - злорадно подумал Андрей и даже улыбнулся улыбкой Урфина Джюса, захватившего Изумрудный город. Дверь производственного отдела резко распахнулась, едва не шлепнув Андрея по носу. Выскочивший оттуда рыженький клерк, увидел Андрея, тут же нырнул обратно, прокричав:

- Атас!.. Вешатель!

Андрей возник на пороге отдела. "Офисный планктон" уткнулся в мониторы. "Сколько вас тунейдцев!" - неприязненно подумал Андрей. И ведь не выгонишь никого. Вон тот белобрысый - протеже самого Петра Романыча, красотка-брюнетка у окна - главбухова родственница, а этого рыжего - Андрей устроил. Тесть очень просил. Аркадию Дмитриевичу не откажешь - ведь и сам Андрей появился в "Северном лесе" благодаря ему. Профессор Курбатов много лет подряд парится с Петром Романовичем. Правда вся компания тогда помещалась в подвальном помещении полуразрушенного здания на Охте. А эти пришли на все готовенькое. "Хоть бы кризис какой шарахнул!" - сказал однажды финансовый, тоже не питавший любви

к бестолковой молодежи.
- "Ма-а-аленький такой! Половину бы с чистой совестью сократили!" И к Шишкину их всех! На лесосеку! Сучкорубами! Чокеровщиками! Чтоб поняли что такое физический труд, знали сколько стоит трудовая копейка. К дяде Коле их на поле! К деду Грише на крышу! К Валентину ж-жевать мякину! К Макару таскать стеклотару! "Сам туда иди!" - мысленно отбрыкивался "планктон".

"Напустив мороза" на офис, Андрей вернулся к себе. По пути догнала девица из бухгалтерии, бумагу какую-то подписать. Читать не хотелось, подмахнул не глядя. Чего подписал?.. А-а!.. Наплевать! Первый раз, что ли?! В кабинете Андрей плюхнулся в кресло, немного посидел, потом вспомнив спохватился: достал из портфеля, оправленную в простенький багет фотографию деда Степана. Дед Степан стоит на лыжах, в ушанке с кожаным верхом, своей любимой фуфайке с заплатой на полспины, на плече ружье. Фотографировал дядька Женья, зять дяди Коли, большой любитель фотографии, и до се из ванной не вылезит, печатает в свете красного фонаря свои простые любительские фото. На снимке дед Степан похож на партизана перед походом в фашистский тыл. Он всегда довольно улыбался, когда ему об этом говорили... Все!.. Отулыбался дед

Степан. Осталась улыбка только на фото...

... Вещи загрузили в вездеход. Нимикин и Белугин допивали бутылку. Пашка потупившись шмыгал покрасневшим носиком. Валерка, обняв племяша за плечико, говорил ему что-то ободряющее, а у самого предательски блестит в глазах слеза - привык за две недели к пацану - хоть режь! Алла откровенно радовалась - надоела деревня, как старые туфли. Андрей нервничал и психовал:

- Ну где мама-то со своими пирогами?!.. С дедом надо еще попрощаться!

Анна Степановна появилась на крылечке раздетая, простоволосая, прислонилась к дверному косяку и тихо сообщила:

- Ребята!.. Дед умер.

Первым, как метеор, с места сорвался Валерка. Следом Андрей, потом все остальные. Толкаясь, гурьбой ввалились в комнатку деда Степана и замерли. Дед Степан, как обычно, лежал в постели на спине и казалось спал. Сейчас вот откроет глаза и удивленно спросит: "Чаво?" Но всем вдруг стало понятно, что старик не спит, не откроет глаза и ничего не спросит. Андрей подошел к деду и взял его за руку. Рука была еще чуть теплая, душа только-только покинула тело Степана Жука, она еще витала над

ним и если б могла, обязательно сказала, как говорил ее хозяин: "Чаво?.. Живите-е-е! Все на одном колесе крутимся!" Пашка вскрикнул, зарыдал и уткнулся в колени Алле. Анна Степановна грубовато оттолкнула Андрея, погладила отца по голове, поцеловала в губы и сказала:

- Вот и отмучился, папа, - потом посмотрела на Андрея и спросила. - Взял Слово, поганец?.. Нет?.. Посмотри мне в глаза!.. Верю, не брал...

Ну и хорошо! Не надо оно нам! - смахнула со щеки слезу и собравшись стала распоряжаться. - Фоня! Гроб за тобой. Валера! Езжай в Жуду!

Звони нашим, кто может - пусть едут... А вы, Андрюша, поезжайте. Без вас похороним.

- Мы остаемся! - твердо сказал Андрей и пошел выгружать вещи.

Дальше все было, как в августовском тумане, непроглядном, как молоко, плотном, как простыня. Строгали доски, сколачивали гроб, пошли на кладбище, внутри невысокой ограды, где лежали Жуковы, возле могилы бабушки Веры раскидали снег, натаскали большую кучу валежника и разожгли огонь. По осени, до снега, в Заозерье стояли сильные морозы, земля глубоко промерзла. До утра тепляна прогорит, грунт чуть приоттает. В избе хлопотали Анна Степановна и Алла: готовили смертное, еду -

кто никто да все равно доберется. Андрей с Белугиным выпили по стопочке и вышли курить на улицу. Смеркалось. Непослушный фонарщик зажигал звезды. Они разгорались слабо, нехотя. Таял в темнеющей высоте, расползаясь в разные стороны, самолетный след.

- Кр-ра-а-а! - вдруг хрипло сказал кто-то.

Андрей вздрогнул и посмотрел вверх. На березовом суку сидел черный ворон. Огромный. Андрей никогда не видел такого. Ворон покосил на него поблескивающим изумрудным глазом, почистил о сук, похожий на багор, клюв, оттолкнулся от сука, что тот даже хрустнул и тяжело взмахивая крыльями, со свистом рассекая воздух, полетел через Чексу, прямо над Звонарьком и растаял в вечерней мгле.

- Вот и Вестник! - сказал Белугин. - А кто его знает откуда он берется?!

"Эх, деда, деда!" - горько подумал Андрей. - "Так и не сказал ты мне Слово!" Когда совсем стемнело и ушел Белугин, Андрей вспомнил, что с утра не видел Пашку. Прошел по избе и нашел сына в зимовке. Пашка стоял за этажеркой, прижавшись к стене, заведя руки за спину и потупив глаза в пол.

- Паш... Сынок... Ты чего? - Андрей присел перед мальчиком на корточки.

Пашка медленно

поднял голову и посмотрел ему в глаза. Андрей отшатнулся. Он увидел перед собой глаза не ребенка, а взрослого человека, знавшего Жизнь и видевшего Смерть. Скрипнули половицы, сбоку мелькнула и пропала, растаяв прямо на ходу, тень...

Андрей вспомнил, что в секретере стоит коньяк. Закуски нет! Осторожно выглянул в приемную. Олечка куда-то умелась, забыв на столе пачку печенья "Юбилейное". Андрей на цыпочках подскочил к столу, свистнул печенюжку и ускакал назад в кабинет. Есть закуска! Ура! Коньяк немного оттянул. Стало легче...

... К обеду следующего дня пришел вездеход. Не представительский. Обычный, тентованный. За рычагами сидел сам Шишкин. Из вездехода вылезли вероборские: Иван Тимофеевич Шатов, Веня Жихарев, древняя, но на удивление крепкая, старушка Домна Степановна Тихова и еще трое - их Андрей не знал. Все по очереди выразили молчаливое соболезнование родным. Анна Степановна поднесла водки:

- Помяните, мужики, папу!

Вот и еще на одного в Заозерье меньше стало! - перед тем, как выпить, тихо произнес Шишкин.

Всегда уверенный в себе, подвижный, неугомонный, он вдруг как-

то ссутулился, поник, стал меньше ростом и даже постарел, словно, был ответственен за смерть деда Степана и чувствовал великую вину за то, что похороны такие спешные, бестолковые, дескать, абы закопать и добро. Потом жалостным взглядом обвел стоящих у гроба стариков и глубоко вздохнул - ведь и этих ему провожать. А скольких уже проводил? Нелегкая была у Александра Ивановича Шишкина миссия!

Домна Степановна негромко завывала. Старик степенно выпили, не закусили, только посопели носами, понюхали рукава и столпились гурьбой вокруг лежащего в гробу деда Степана, обмытого и одетого. И тут бесцеремонно растолкав взрослых, к гробу пробился Пашка, положил ручонку на край его и громко сказал:

- До свидания, дедушка!

Так и сказал! "Не прощай", а "до свидания"! Словно даже не знал, а был уверен, что где-то и когда-то они обязательно встретятся, и им будет о чем говорить.

Шишкин собрался ехать в Залесье за Алехой Васькиным, по прозвищу Гуманоид, но тот сам вышел из леса на лыжах и пояснил:

- Вестник вечер каркал да каркал. Зинаида баит: "Иди утре в Демкино. Не иначе дядя Степа Жук помер"... Вот..

Следом приехали на снегоходе Паша Ульев и Александр Иванович Тетеркин. Тетеркину за сто, ровесник деда Степана, а может и старше. Но на германской в одном Землянском полку служили, и гражданскую в одном окопе вшей кормили. Заплакал Александр Иванович. Скупно. Тяжело. По-мужички. Так плачут только в России, прощаясь с лучшими товарищами. Утром пришел второй вездеход с немногочисленными родственниками, которые смогли и захотели отправиться в заозерскую глушь и двумя жудинскими стариками: белугинским дружкойм Сясей Нюхиным и Федором Федоровичем Небогатовым, сорок с лишним лет провозившим по деревням хлеб, а потому знавшему всех заозерских "лешаков". Лег дед Степан в родную землю, закружился снег и прикрыл белым покрывалом свежую могилу на старом демкинском кладбище. Последнюю?

- Не-е, - хрипло проговорил Белугин. - Я еще...

... Первый рабочий день кончился на удивление быстро. Офис мгновенно опустел. Андрей заказал такси. Машину обещали прислать быстро. Он не стал ждать звонка, а сразу пошел вниз. В офисе, брякали ведрами невидимые уборщицы. Внизу, прямо на ресепшене стояла початая бутылка водки и нехитрая

закуска. Это уже уборщица тетя Даша. Только она может позволить себе такую вольность. Тетя Даша из тех вечных и незаменимых работников, без которых просто не может существовать какое-то уважающее себя предприятие. Она работала в этом здании еще в те времена, когда здесь располагалось какое-то советское учреждение. Было ей далеко за семьдесят, но судьба, как и многим людям ее поколения, за раздавленное войной детство, даровало крепкое здоровье, светлую голову и бесстрашие говорить вслух, что вздумается, невзирая на чины и ранги, потому что страх ее остался где-то под развалинами блокадного Ленинграда. Грозного Петра Романовича, при одном виде которого у сотрудников екало в груди, а "офисный планктон" вообще леденел от ужаса, тетя Даша звала просто "Петькой". Андрея, соответственно, "Андрюшкой".

- Андрюшка! - из-за ресепшена показалась голова тети Даши. - Выпить хочешь? - не дожидаясь ответа, она вылезла вся и налила полпластикового стаканчика. - С Новым годом прошедшим! Давай-ка чокнемся! - и заметив, что Андрей косится на торчащего у дверей охранника, заверила. - Не бойсь! Он не настучит! А нет - так в два счета у меня с работы вылетит!.. Ты чего такой смурной? Настучит! И

еще как! Начальник службы безопасности всегда говорит, что его служба все видит и слышит. "Сволочь!" - толкая по переносице очки, говорил ф и н а н с о в ы й . - "Компромат собирает!.. Ой, Валентиныч! Даст он нам когда-нибудь поддых"... На Андрея холодной балтийской волной накатило равнодушие: "Наплевать! Уеду в Заозерье! Валерий Сергеевич поросят на откорм привезет. Рыбу с Валеркой ловить буду! Охотиться!.. И там люди живут!" Водка оказалась теплой и противной. Сосиска на закуску резиновой и безвкусной.

Тетя Даша что-то рассказывала, но Андрей ничего не слышал.

- Пойду я домой, тетя Даш, - перебил он старуху.

Та не обиделась, не расстроилась, а одобрила:

- Конечно, иди, касатик! От работы конидохнут, от безделья мужики спиваются! Все в меру надоть!

Таксист попался опытный, довез быстро, объехав дворами непонятную вечернюю пробку. В прихожей Андрей нос к носу столкнулся с Райкой Быстровой. Встретились подружки. Целый день лясы точили. Хорошо, что Раечка уже облачилась в свою шиншилловую шубку и помогать ей не пришлось.

- Жуков! - строго сказала Раечка - она звала

Андрея только по фамилии. - Жуков! Если ты в следующий раз не возьмешь меня в свои "джунгли" - я с тобой больше не дружу!

"Да пошла ты!" - хотелось ответить Андрею, но не хотелось скандала, а потому не отвечалось. Раечка умелась, Пашка уже спал. Андрей, не снимая пиджака, развалился на диване в гостиной. Алла присела рядом, покрутила носиком:

- Опять пил?.. Андрюша! Все! Праздники кончились! - она распустила галстук и стала расстегивать пуговицы рубашки. - И успокойся, слышишь?!.. Это жизнь, Андрюша, что тут поделаешь?!.. Жизнь!

- Колесо! - вдруг, как шилом кольнуло в сердце.

- Что? - не поняла Алла. - Какое еще колесо?

Перед глазами Андрея, будто в театре, упал занавес... Кружились желтые березовые листочки, падали в воду и плыли вниз по Чексе, как маленькие сказочные лодочки. Печально курлыкая, вытянулся в небе журавлинный клин, покидающий Родину. Они с дедом Степаном сидели за мостом, у обрывистого берега, в песчаной круче которого чернели дырки норок ласточек-береговушек. По заводи бесшумно скользили длинноногие водомерки, а в зарослях шелепуги

осторожно плескали водой усатомордые ондатры. В этом месте по осени сорога хорошо клюет.

- Жись, Дрюня, - поплевав на червяка, говорил дед Степан. - Это как колесо! Одного наверх подымет, другого вниз опустит, а в конце-те и первого, и второго поддавит. А там - глядь - уж другие уцепились. И опеть - вверх -вниз, вверх -вниз. И этак вечно! Ни спицы из этого колеса не выломить, ни ступицу не заклинишь!...

- Э-эй! Андрей Валентинович! - Алла тихонько стучала пальчиком по его щеке. - Ты где-е?.. Успокойся, говорю! Все утрясется!

Все, действительно, утряслось. Первые дни, правда, снился Андрею один и тот же странный сон: загадочная снежная страна, похожие на пирамиды горы, покрытые коркой синеватой измороси. Невиданные ранее животные - какие-то лошадеверблюды - тащили груженные повозки, а за повозками угрюмо шли люди. Большинство молчало, некоторые разговаривали. Андрей слышал их голоса - бу-бу-бу - но как ни вслушивался слов разобрать не мог. Проснувшись уходил на кухню, сидел в темноте, курил и пытался вспомнить где слышал эти голоса. И вспомнил! Много лет назад он слышал их в камне "Болтуне". Потом несколько дней страшно болела голова, бабушка Ве-

ра натирала ему виски мазью жизнь-травы и ворчала: "Будешь знать, как к "Болтуну" шлындать!"..

Страна отряхнулась от праздников, впряглась в трудовую лямку, согнулась как бурлак на Волге, и, увертываясь от пинков недругов, вытирая плевки своих, по самому краю пропасти, шурша падающими в бездну камешками, побрела дальше, в туманное и пугающее неведомо, неся в себе, как и тысячи лет, веру, что все сладится, все будет хорошо...

Звонил несколько раз из Жуды Валерка, поддатый, а потому беспечно веселый. Зазывал на лето в гости, подолгу болтал с Пашкой, мечтая, как будут ходить на рыбалку, за грибами и ягодами. Алла сердилась: чего названивает, парня с панталыку сбивает? Для нее поездка в Заозерье уже была далеким-далеким прошлым, как прочитанная книга, как просмотренный фильм: хорошо, понравилось, но читать и смотреть второй раз не хотелось. Тем более, что она с Быстровой открыла бизнес - салон красоты "Роксана". "Назовите "Бабаян" - круче будет!" - шутил Андрей, но шутил напрасно. Попер у них бизнес, попер! С первой большой прибыли купила Алла путевки в Грецию, на древний остров Родос.

- А разве мы к бабушке Ане и дядя Валере не поедим? - искренне огорчился Пашка, и гла-

зенками полными слез посмотрел на Андрея.

Андрей первый раз в жизни не выдержал взгляд сына. Пашка с таким нетерпением ждал лета, что бы провести его в Заозерье. Накупил в магазине всякой рыболовной дребедени, смотрел на медленно тающий снег, восклицал: "Ну тай же скорее!" и повзрослому сказал Андрею:

- Пап, ну на фиг нам этот Родос сдался?

За остаток зимы Пашка вообще очень изменился: возмужал, повзрослел, забросил компьютерные "стрелялки", много читал, и навалившись грудью на письменный стол, подолгу смотрел на фотографию деда, такую же, как и у Андрея в кабинете, словно мысленно разговаривал с ней. А однажды нарисовал рисунок: заснеженная страна, горы, задумчиво идущие сквозь пургу люди, а повозки тянут невиданные животные, похожие - у Андрея похолодело в груди! - на лошадеверблюдов. Откуда это?!.. Андрей никому не рассказывал о своем сне!..

Внимательно наблюдая за сыном, Андрей отметил, что Пашка стал еще больше похож на молодого деда Степана, в глазах его, не по детски серьезных застыла та самая дедова грусть и что-то еще, загадочное, еле уловимое, совершенно невозможное объяснить

словами. "Слово!" - однажды жаром обдало Андрея. - "Ведь дед ему Слово передал!" Алла бесечно махнула рукой, мол, что ты привязался? Растет мальчик! "Слово" какое-то. Хватит байками-то жить?! Но у Андрея стучало в висках: "Передал! Передал!" Выбрав момент, он будто невзначай поинтересовался:

- Паш, а дед Степан что тебе говорил? - при чем с такой интонацией, будто был прекрасно обо всем осведомлен.

Они стояли на набережной, поджидая Аллу. Хмурился воскресный мартовский денек. Город был непривычно пуст. На льду Невы, громко каркая, две вороны делили добычу. Пашка медленно поднял голову и посмотрел на него. И снова Андрей увидел эти дедовы глаза, знающие то, чего не должен больше знать никто в этом мире. Сын тяжело, повзрослому, вздохнул, отвернулся к реке и тихо произнес:

- Ничего, папа.

Но Андрей ему не поверил.

Прилетел с залива промозглый балтийский ветер. Пробежался волной по набережной, перевалил через парапет, поднял со льда два снежных смерчика и погнал их на перегонки к Петропавловской крепости. Они были похожи на те, что гоняет по белому покрывалу чексинского наволока сердитый дядька Ветродул.

Только намного меньше.

Крутится колесо - гигантский вечный двигатель - переговоры, договора, встречи, командировки и деньги, деньги, деньги. Куда ж без них?!.. Держат дела, не пускают. Но ведь себя-то не обманешь! Есть на свете нечто более важное! Стиснет грудь, накатит на душу теплая волна - ЗАОЗЕРЬЕ! На карте не найти, из космоса не увидеть! Как ласковое дуновение ветерка, пахнущего хвоей и лесными травами! Как нежное прикосновение маминых рук! Приснится ночью волшебный сон - августовский звездопад - словно раздуваемые ветром искры пылающего в неведомой дали костра, сыплют на землю из глубины неба сверкающие точки и с тихим шорохом гаснут в росной траве наволока. А на мосточках, выбежавших в Чексу, с которых бабы полощут белье, сидит белобрысый мальчишка, опустив босые ноги в еще теплую воду, и глядя на звездный ливень, желает счастья людям и добра Отчизне...

Было ль - не было?! Верить - не верить?!.. Милая добрая сказка! А сказка ли?.. От самого сердца протянулась сюда невидимая нить. Не порвать ее! Не перерезать! Потому что здесь начинается РОДИНА!

Автор: Сергей Кирин

Летописи межмирья

Тот же день...
Мир эльфов. Гиём
де Грант

«Наутилус» на полном ходу шел туда, куда указывала Даи. На мой взгляд, это выглядело глупо, лезть в логово врага с одним кораблем. К тому же которого не существует в реальности. Но у Культа был эмоциональный подъем и они фанатически верили в древнюю. А саму Даи побаивались и Алир, и Свиридов. Но не ужели я один понимаю, что это самоубийство? Нет, ну это безумие!

Субмарина шла в надводном положении и в один момент Даи произнесла:

- Нам надо вниз!

- Тогда погружаемся! – Весело произнесла Элизабет. Я лишь молча развел руками и спустился вниз. Остальные последовали моему примеру и «Наутилус» стал погружаться. Маневрируя, мы вышли к подводному городу. Нас не встречал патруль, не грозились расстрелять из орудий. Мы спокойно прошли шлюз и оказались у причала.

К причалу прибегали стражники, что бы узнать кто мы, но их встретила Даи. Она, прямо с борта корабля, заковала их в лед с головы до пят, оставив, правда, возможность говорить.

- Где ключ? – Вла-

стно спросила она. Но стражники только с ужасом смотрели на неё.

- Значит, не знаете.

– Констатировала она и, махнув рукой, заставила лед изменить форму. Изогнувшись дугой, лед разорвал закованные тела на части, но сохранил их в своем плену. Стражники лишь успели визгнуть от боли.

Немо опустил трап, и Даи спустилась на причал. К ней уже бежали другие стражники с криком: «Не с места!». Древняя готовилась к атаке, но Сей ее опередил. Огромный волк прыгнул прямо с палубы на причал и завыл в сторону стражников. Их с силой откинуло и впечатало в стену. Медленно они сползли на пол, оставляя кровавые следы на стене.

- Молодец! - Даи подошла и погладила волка. – Но так мы не узнаем где ключ.

- «... Все равны как на подбор, с ними дядька Черномор.» - Дочитала призрачную книгу Элизабет. Вихрь силы вокруг неё развеялся, и она смогла спуститься на причал.

- Ты можешь призывать сразу из нескольких книг? – Удивился я. Вампириша стояла в окружении русских витязей с длинными мечами. Они опирались на них и мечи, опущенные клинком вниз, доходили им до груди. А

сами витязи были огромными, выше двух метров точно.

- При моей силе, это не так сложно. – Она снисходительно глянула на Марию. Мне стало не по себе. Элизабет умная девочка и будет молчать о том случае в межмирье, но эти косые взгляды и насмешки, если честно, надоели уже.

- Она дарит мне перстень вьюги... - Начал я читать заклинание. Странная особенность, я привязал свое заклятье призыва доспеха к отрывку стиха русского поэта. Александр Блок. Он напоминает мне Шарля Бодлера. Только стихи Александра более... живые, что ли. Если это слово приемлемо к поэзии Блока. А вот почему вампириша использует человеческие книги, неизвестно. Литературный фонд вампиров куда богаче. У них чудом сохранились множество книг об их техногенном прошлом. Увы, сейчас они вызывают лишь улыбку у вампиров. Новый путь, путь магии, он куда правильной. Даже сейчас, магии из Анклава превосходят всех этих русских и американцев в современном обмундировании.

Правда, вампиры не летали в космос, но техника и в пределах их земли была прекрасно развита.

Доспех сиял на

мне, заклинание облачало в подобие снежного доспеха и Марию. После первой стычки легиона с инквизитором, я доработал заклинание. Усилил защиту сопровождающего доспеха легионеров. Правда и Мария внесла в это свою лепту. Теперь это больше походило на... бронелифчик. По сути, он им и был. Латный доспех обрамлял грудь, потом несколько витых пластин спускались к кожаному поясу, на котором крепилась короткая кольчужная юбка, слегка прикрывающая бедра. Наколенники и нарукавники из лат, плюс небольшой шлем, похожий на древнегреческий, вот и вся броня. Конечно, это снижало защитные характеристики брони, но это физический фактор, который мне пришлось компенсировать магическими характеристиками доспеха. Теперь, когда Марии угрожала физическая угроза, перед ней, угрозой, появлялся магический барьер, который сдерживал угрозу. Довольно сложно, но это обеспечивало хорошую защиту. Хочет покрасоваться, пожалуйста.

Элизабет, увидев Марию, прыснула смехом.

- Что?! – Возмущалась девушка.

- Плохие боевые навыки решила компенсировать сексуальностью? – С сарказмом спросила вампирша. – Увы, но враг не переспать с тобой хочет, а убить.

Оборотень фыркнул, а гнолл довольно сильно рассмеялся. Даи

же просто удостоила нас снисходительным взглядом.

- У меня превосходные боевые навыки! – Возмущено ответила Мария. – За собой следи!

- Я-то слежу! – Начала заводится вампирша, но в спор вмешалась древняя.

- Вы предпочитаете словесную перепалку настоящему бою? – Спросила Даи.

- Нет, древняя! – Воодушевленно крикнул гнолл и кинулся в бой, размахивая парными топорами. В порт уже прибыло подкрепление стражников. Правда, прожилось оно не долго. Древняя и витязи быстро с ними расправились. Дарий успел только одного ударить топором и то, тот уже падал убитый. В следующий мир его окутала темница огня. В отдалении, скрываясь за бочками, был маг. Он выкинул руки вперед и с яростной гримасой читал заклинание.

- Дарий! – С ужасом в голосе закричала Элизабет. Глупый гнолл! Правда, все произошло так быстро, что он и не успел среагировать.

Заклинание развеялось и пред нами был живой и невредимый Дарий. Только он побелел, как бы покрытый инеем и был в оцепенении. Он быстро очухался и потряс спиной, сбрасывая кусочки льда с тела.

- Бррр, почему так холодно? – Недоуменно спросил гнолл. Я и Элиза-

бет уже поняли, что спасение Дария дело рук древней. Но она сейчас была занята другим. Даи сковала льдом мага так же, как она сковала стражников.

- Где ключ? – Властно спросила она.

Маг с ужасом взирал на неё.

- Только не убивай! – Хрипло прокричал он. – Я все скажу.

- Хорошо, - ответила древняя. – Говори.

- Ключ в каземате у пятой опорной башни, там усиленная охрана. – Прохрипел заложник.

- Спасибо, а теперь умри. – Даи взмахнула рукой.

- Ты же... - его оборвал хруст собственных костей. На причал упало изуродованное тело во льду.

- Никогда не верь врагу. – Произнесла она, глядя на труп мага. Мы пошли дальше.

* * *

По пути к каземату Даи уничтожила все на своем пути. Просто разнесла. Как и сам каземат. Колонна, возле которой был каземат, поддерживала магический кристалл. Видимо, он служил для поддержания купола над городом. Ключ лежал среди руин, а в городе царил хаос.

- Брат Акено. – Даи нежно взяла ключ и убаюкала его как младенца. Наверное, её и брата Акено связывали теплые чувства.

Так же, разрушая все на своем пути, мы вернулись к Наутилусу, возле

которого остались Алир и Свиридов. По прибытию они вообще не соизволили выйти на палубу. Сейчас им, конечно, пришлось выйти на причал. Корабль охраняли демон, ангел и вампир с кучкой зомби. Штурмующих уже не было, кто пал в бою, кто бежал, кровавые следы тянулись во все переулки.

Даи не проронив ни слова, взойшла на борт и скрылась внутри. Она все еще с нежностью несла ключ. Культ проследовал за ней.

- Отплываем! – Скомандовал я, когда мы поднялись на борт. Демон и ангел сошлись и обратились Свиридовым. Алир развеял своих зомби прахом. И тут на палубу вышла Даи. Она протянула руку к пылающему городу. С плеча, обвивая руку, к городу пополз ледяной змей. Оказавшись на причале, он стал постепенно увеличиваться в размерах. Змей пополз вглубь города и постепенно увеличиваясь, стал разрушать его окончательно.

- Теперь отплываем, - улыбнувшись, она провела ледяной ладонью по моей щеке.

- Как тебе прогулка, мальчик? – Ласково спросила она.

- Замечательно. – Сдержанно ответил я. Она звонко рассмеялась и ушла вглубь корабля. Мария с ревностью смотрела на меня.

Автор: Александр Маяков

Потрошитель

Он приостановился и осуждающе посмотрел на меня, продолжив двигать руками и приподнимать свитер. Я взяла его руку:

- Я же не буду его одевать, - посмеялась я.

- Ну, хотя бы накинешь. Он большой и теплый, - Мартин двумя пальцами погладил ткань.

Я убрала его руки с одежды и коленями уперлась в его ноги.

- Ты такой теплый... - я засунула руку ему под свитер, - смотрю, он и вправду хорошо греет.

Мартин ухмыльнулся и отодвинулся на край дивана, оказываясь почти надо мной. В фильме снова произошло что-то страшное и резкое, я невольно вздрогнула и в ту же секунду его губы опустились на мои. Он

схватил меня за руки, лишая меня свободы действий. Я не сопротивлялась, я механически двигала губами и облегченно сопела через нос.

Мы целовались безотрывно, пока у меня не занемела рука, на которой я лежала. Именно лежала. Удобные диванчики позволяли забраться на них едва ли не с ногами.

- Что такое? - запыхавшись, выдал Мартин, когда я отчаянно стала выбиваться из его рук.

- Рука... занемела, - я пожимала запястье, а он продолжил целовать мне шею и область декольте.

Он приятно осыпал мое тело маленькими влажными отметинами. Мне непременно хотелось вернуться и показать, что я снова боеспособна, но мне захотелось позволить

ему раскрыться сольно. Пока его губы не отставали от моей шеи и плеч, его руки жадно изводили мои бедра. Как бы ни была затуманена моя голова в ту секунду, но у меня хватило сил поправить платье, заслонив тем самым интимные части тела. Мартин не обратил внимание на мои руки, внезапно преградившие ему путь и продолжил ласкать меня губами. Мое нетерпение нарастало, и я поймала Мартина за подбородок, направляя его лицо к моему, сгорающему от желания вновь окунуться в сладость его губ.

Но скоро появился приглушенный свет для привыкания глаз, свидетельствующий об окончании показа. Мы оба медленно поднялись и недоуменно узкими глазами осмотрелись вокруг себя.

Мартин потянулся, словно большой толстый кот, только что лежащий под ярким солнцем на веранде. Я нескладно сказала:

- Какой короткий... фильм...

Мартин потер шею:

- И не говори, совсем распустились! Ну что пойдём? – он встал и протянул мне руку.

Мы счастливо держались за руки и болтали обо всем на свете. О животных, о музыке, даже немного о политике. Мартин мог поддерживать разговор о чем угодно, но вечно хотелось перегнуть палку и перейти на личности. Я и так достаточно знаю о нем и об его интересах из журналов и газет, мне надо было влезть ему в душу. Мы остановились возле супермаркета.

- Ничего не хочешь взять на дорожку? – поинтересовался он.

- Куда мы идем?

Уже второй час мы бездумно бродили по окрестностям, я не обращала внимания на дорогу, краем глаза замечая, что перестаю ориентироваться.

- Просто гуляем. Вожу тебя кругами в надежде, что ты заплутаешь, - он усмехнулся и повел меня в магазин, - давай что-нибудь возьмем, я чувствую, как нагуливаю аппетит.

В корзину мигом свалились две упаковки сахарных рожков. Я крепко держала Мартина под руку пока мы празднично расшагивали по супермаркету, глядя друг другу в глаза

за и обсуждая при этом футбольные команды Великобритании.

Мы приблизились к кассе, и Мартин вонзился взглядом в выложенные на ленту рожки. Он застыл, его рука не отрывалась от мороженого. Я замолчала и перевела свой взгляд на ленту:

- Что-то не так?

- Мороженое...

- Ты взял мороженое...

- Ненавижу сливочное... - он рыкнул, потом опустил плечи и печально убрал руки.

Я напряглась. Стало одновременно и смешно и не по себе. Я ухватила за мороженое и отошла:

- Тебе какое?

Мартин радостно приподнял брови и куда-то в сторону безучастно сказал:

- Шоколадное или карамельное... или миндальное... ну какое-нибудь такое.

Я быстрыми шагами направилась к холодильникам. С трудом продолжала держать невозмутимое выражение лица. В голове не укладывается, он так странно себя повел. Меня бы совершенно не удивило бы, если бы так сделал Йен. Сделал настоящую трагедию. Я покачала головой и подумала, что не стоит замечать такие мелочи, он остается идеальным мужчиной и собеседником.

Я вернулась к кассе с двумя рожками в одной руке, протягивая их Мартину:

- Этот шоколадный, - я повернула этикетку одного мороженого так, чтобы он прочел название, - а тут у нас со вкусом яблочного пирога.

- Ты так любезна, - Мартин вежливо улыбнулся, - как-то раз я так объелся сливочного мороженого, что теперь смотреть на него не могу.

- Зачем же так себя изводить...

- В банке оставалось совсем немного, я подумал, что не хочу тратить на него еще один день и что обязан доесть его сейчас же, - Мартин засмеялся, - Я такой идиот, знаю, ха-ха! Я пихал это пресловутое мороженое ложку за ложкой себе в рот без всяческого удовольствия, просто проглатывая тошнотворную жидкость...

Я настороженно посмотрела на Мартин, сдерживая смех. Тот заметил это:

- Да-да! Ну не мог я его выбросить, принципы!

- Принципы, - медленно повторила я и недоумевающе покивала головой.

- Ну, Роза, - Мартин вздохнул, - прекрати смотреть на меня как сумасшедшего.

Он взял меня за руку и вышел на улицу.

- Вау! – Мартин по-детски улыбнулся и запрокинул голову вверх.

На улице шел проливной дождь. Я презрительно осмотрелась и, ухватив Мартина за рукав, затащила его обратно под

козырек. Тот непонимающе уставился на меня, указывая ладонью на дождь:

- Да ты погляди! Дождик! Совсем теплый! Как же хорошо!

Он снова встал с раскинутыми в разные стороны руками. Я неодобрительно качнула головой. Мартин все не унимался:

- Ты чего? – его глаза округлились и на мгновение показались мне огромными и стеклянными. – Боишься промокнуть?

Я промолчала. Он медленно протянул мне руку, переворачивая ее ладонью вверх, и его голос серьезно произнес:

- Пойдем со мной.

После этих слов я готова бежать за ним, куда бы он ни сказал. Наそろкаградусный мороз в одном лишь нижнем белье? Да, конечно. В пылающее пламенем строение из соломы? Да, пожалуйста.

Я послушно окунулась под огромные капли и попала прямо в его объятия. Мм, как тут уютно. Я посмотрела на Мартина, по его счастливому лицу бежали тоненькие прерывистые струйки дождя. Он наклонил голову ко мне, оказываясь параллельно моему лицу. С его кончика носа падали капельки прямо мне на щеки. Мы долго стояли, уставившись друг на друга, я не могла отвести от него глаз. Между нами появилась приятная теплая влага. По мокрой одежде не

переставая, барабанил дождь. Наконец, на лице Мартина засияла улыбка, он посмотрел на шоколадные капельки на моих пальцах, стремящиеся перепачкать всю мою руку. Он растянул шею, направляясь к рожку и вдруг, его губы приземлились мне на руку. Мартин принялся старательно слизывать мороженое с моей руки. Он попеременно, то откусывал немного мороженого, то наносил мне на руку ледяные пачкавшие поцелуи, которые торопился начисто вытирать своими губами. Я словила своим носом кончик его носа и попыталась поцеловать Мартина, но тот резко остановился, широко раскрыл глаза и сказал:

- Дождь! Меня гипнотизирует его ритм. А чувствуешь, какой запах? – он стал медленно глубоко дышать. – Звуки капели, струящиеся ручьи. Пусть ненадолго, но мир меняется, преображается, становится чуточку светлее...

- Ты такой романтичный, - произнося это, я почувствовала, как мое тело становится невесомым, и я полностью держусь лишь на руках Мартина. – Не хочу даже ничего добавлять, просто... просто... дело в том, что... Я тебя люблю...

Я выбросила из головы все отвлекающие мысли, и лишь повинаясь своему единственному желанию, поцеловала Мартина. Я хочу целовать Мартина Крейна, снова и снова! Здесь, под дождем,

полностью промокшая! Он нервно задвигал губами и остановил меня, отстраняя от себя за плечи. Мартину не терпелось продолжить свой поток мыслей:

- А все потому, что дождь – это любовь! Ощущение влаги на волосах внушает мне чувство доверия, все проблемы остаются далеко позади и ...

Недовольная, что меня так бесцеремонно прервали, я ухватила за крохотную паузу в его монологе и накинулась на него снова. На этот раз он не сопротивлялся и полностью позволил мне вдоволь прочувствовать вкус его губ. Было затруднительно не выпускать из рук рожки мороженого. Хотелось прикоснуться к его влажной коже, провести по волосам, которые стали еще больше завиваться от дождя.

На этот раз я первая оторвала от него губы, громко причмокнув. Мороженое в моих руках стало совсем мягким и даже жидким благодаря дождю. Я шутиливо провела неровным холмиком вокруг рта Мартина, и сощурила глаза, предвкушая скорую расплату. Тот сильно высунул язык и обвел им по губам, пытаясь захватить как можно больше. Ему было никак не дотянуться и под носом все еще осталось небольшое шоколадное пятнышко. Нежно, слегка касаясь, мой кончик языка подхватил остатки с его лица.

- Теперь неплохо было бы выпить горячий

чай! – сладко улыбался Мартин и часто хлопал ресничками, роняя огромные капли.

П о с л е п о - настоящему затянувшейся тишины речь Мартина показались мне оглушительными. Ведь вот уже примерно около четверти часа, как мне показалось, я не слышала ничего громче ударов дождя по крышам домов, которые то и дело заглушали удары моего сердца, отзывавшиеся в моем горле, в висках и в груди.

Мартин подхватил меня за талию и куда-то повел. Он брезгливо пощупал размякший вафельный рожок и направил испорченное мороженое напрямиком в мусорку.

- Может, согреемся в домашней обстановке? Не хочется сидеть в мокрой одежде... - предложила я.

- Ко мне? К тебе? – с готовностью спросил Мартин.

- Лучше ко мне, - с прищуром ответила я.

- Уф, одежду хоть выжимай! – ступила я на коврик в прихожей и увидела как с меня буквально потекла вода.

Мартин все еще стоял на пороге позади меня:

- Правда? – недоверчиво сказал он и, чтобы удостовериться, крепко схватился за мою грудь.

Его руки стали чувственно сжимать мою грудь, он издал нетерпеливый гортанный звук. Мое платье жалобно по-

хлопало и я сделала пару шагов в комнату, таща за собой Мартина. Остановившись, я обернулась к нему и с претензией воскликнула:

- И что это было?

Почему я не могу ни на секунду скрыть улыбку?

Мартин манерно отшвырнул в угол свои ботинки и снова потянулся ко мне:

- На улице я не мог так сделать...

Я отбежала от него еще на пару метров. Эта игра возбуждала меня, я готова бегать от него по дому хоть целый день, уверенная, что, в конце концов, попадусь в его объятия. Беспроигрышный результат! Я соблазнительно закусила губу и приспустила лямочку на платье:

- Не могу более выносить мокрой одежды, пойду, переоденусь, - я осторожно на цыпочках прокралась мимо него, а он проводил меня пристальным взглядом, пока я не скрылась в другой комнате, - полотенце в ванной! – крикнула я.

Обратно я вышла в коротеньких джинсовых черных шортах и белоснежной майке. Разумеется, это не была моя домашняя одежда. Я не из тех милый девочек, которые дома ходят в плюшевых тапочках и розовых халатиках. Суровые женщины как я одевают самую выцветшую в мире футболку и рваные, зато какие удобные, треники.

На кухне всюю

гудел чайник. Мартин облокотился на подоконник и заворочено водил пальцами по стеклу, обозначая путь каждой капельки, доводя ее до основания рамы. Я бесшумно встала позади него. Мне нравилось просто смотреть на Мартина, без всяких слов. Пока мне редко удавалось поймать такую минуту. Нашим отношениям всего второй день, я чувствую, что мы движемся вперед, набирая скорость. Не хочу так. Не так быстро! Почему нельзя растянуть на миллион минут тот момент, когда наши глаза встретились друг с другом, безмолвно выговаривая: «Ты мне интересна!»? Затем еще на пять миллионов – наш первый поцелуй? Я готова отдать целый миллиард на то, чтобы рассмотреть его целиком и полностью, любую морщинку, волос, уловить каждую эмоцию на его прекрасном лице. Жаль, я и сейчас была не в силах найти кнопку «пауза». Мартин так гармонично смотрелся в моей квартире. Свитер сушился на стуле, а сам Крейн стоял в мокрой футболке, поверх которой он накинул полотенце.

Я неосторожно открыла дверцу шкафа.

- Это ты..., - растеряно отозвался Мартин.

Он медленно пересел за стол и поставил стул так, чтобы усесться на него словно наездник. Я принялась готовить чай, краем глаза заметив, что Крейн впал в мечтательное состояние, навер-

ное, готовиться вновь затронуть какую-то светлую добрую тему. Припомнив, как странно может реагировать Мартин на обыкновенные продукты, я уточнила:

- Ты не против корицы и апельсинов?

- Н-нет..., - в легком беспамятстве ответил он.

И тут он начал:

- Вот уже много лет меня мучает некая одержимость... Знаешь, бывшая жена, женщины на год, на два... Все это не то! Мне не дает покоя вечный поиск чего-то чистого, невинного, - он прервался и широко раскрыл глаза, устремив свой взгляд сквозь меня, - хотя, должно быть, у каждого есть свои идеалы. Все время, кажется, что вот-вот такая появится. Я страдаю от нетерпенья...

Я поставила чай на стол и села рядом с Мартином, обнимая его за шею:

- Мне привыкнуть к твоим порывам внезапно начинать философствовать?

Тот усмехнулся и вроде бы очнулся из своего мирка:

- Да, точно, привыкни! Я сниму? - он показал на свою мокрую футболку.

- Да-да, конечно, сама хотела тебе сказать!

Он обхватил обеими руками кружку чая и глубоко вдохнул пряный аромат.

- А ты именно такой, каким всегда представлялся мне - я сделала

глоток, и по горлу растеклось приятное тепло.

Он не дал возможности мне продолжить, такое чувство, что он и не слушал, что я ему говорю.

- Я ни с кем не говорю на эти темы. Не то, чтобы не с кем, хотя и это играет роль, а просто это чересчур личное и настолько возвышенное, что трудно описать простым человеческим языком. А мне необходимо высказаться!

- И мне кажется, ты удачно выбрал способ...

- А? - Мартин встрепенулся. - Ах да, песни! - закивал он. - Песни, да... Здесь всегда можно излить душу. Хотя ты и изливаешь ее при этом всему миру, зато он будет над этим так долго спорить, что моему секрету удастся незаметно скрыться.

- Мартин, пожалуйста, скажи, что ты думаешь... обо мне... - я намерено разграничивала слова, приглушая голос, снисходя до шепота.

Я жалобно посмотрела на Мартина. Он странно на меня смотрел, мне стало неловко ощущать его взгляд, в котором трудно было что-то прочесть. Я встала к нему спиной, подливая в кружку чай.

- Ты похожа на одну девочку из прошлого, мою первую любовь. Вот, что было действительно самым чистым и удивительным в моей жизни...

Я умоляюще посмотрела на Мартина. «Ну не надо! - мысленно про-

сила я».

- Розали, тогда, возле магазина, под дождем, ты сказала, чтолюбишь меня. Я признаюсь, что испугался.

Я несмело развернулась и внимательно уставилась на него.

- Я понял, как далеко мы зашли. Смешно, на самом деле, мы с тобой знакомы всего ничего. Но твои слова стали отголоском в моем сердце. Боюсь, я влюбляюсь в тебя... - он виновато заулыбался и опустил голову.

- Не понимаю тебя. Разве не для этого и начинают встречаться люди, не для взаимной любви?

- Ты слишком идеализируешь меня. Ты смотришь на меня как на восьмое чудо света! А я не такой, я могу оказаться полной противоположностью твоих надежд. Могу сломать тебя, могу сделать тебе нестерпимо больно... Все любимое я стремлюсь превратить в свою собственность, в безропотную вещь, которой я вне всякого сомнения буду нуждаться в поклонении. Это как личный храм...

Я не воспринимала его слова всерьез. Я вообще не хотела начинать этот разговор. А теперь приходится слушать очередное рассуждение Мартина, приукрашенное волной трагизма. Если отмести все ненужные разглазгования, то мысль Мартина доходила до меня примерно как: «Ты мне нравишься, я давно искал тебя, и я сразу предупреж-

даю, что собственник, и что если что не так, то не жалуйся».

- Мартин, перестань, - я ласково приложила палец к его губам. - Я всего лишь ждала ответа на свое «Люблю»...

- Люблю, - прошептал он и с силой придвинул меня к себе.

Мой поцелуй снова вернул здравомыслящего Мартина, с которым можно говорить о чем угодно. Вскоре его одежда высохла, и он активно начал собираться домой.

- Возьми мой зонтик, за окном все еще льет, - я выгнула спину, оперевшись локтями на холодный подоконник.

- О, нет, спасибо, я не против освежиться...

Голос Мартина становился все ближе и скоро Крейн оказался стоящим прямо за мной.

- М-мм, - промычал он, - у тебя такие привлекательные ямочки на пояснице, - Мартин прикоснулся к моей спине двумя большими пальцами и отстранился, чтобы иметь лучший обзор. - Как же я теперь усну? - посмеялся он.

- Правда нравятся? - я повернулась к нему лицом, обхватывая за шею.

- Да! Мне многое в тебе нравится. Но эти ямочки... Ты не представляешь, как это заводит и умиляет...

- И, наверное, возвращает нас к теме о женственности и невинности...

- Именно!

Отчего-то я так растрогалась, что защемило в груди. Я стала покрывать его лицо короткими детскими поцелуйчиками в нос, щеки, лоб, губы, глаза.

Дверь за Мартином захлопнулась. Я устало потерла глаза, размазывая косметику по всему лицу.

Я долго ворочалась и все никак не могла заставить себя заснуть. Из головы не выходил Мартин. Сегодня он оставил после себя столько вопросов. Он кажется открытым, но вместе с тем настолько замкнутым, что я не могу сложить его однозначный портрет. Такая загадка как он заслуживает намного больше времени на отгадку.

Будни выдались нелегкими. Фрэнк то и дело срывался на меня, оно и верно, ведь я постоянно витала в облаках. Путала склянки, подолгу замирала на месте и вообще вся была настолько таинственной, что Фрэнк приходил в бешенство.

А о чем еще должны были быть мои мысли? Уж точно не о «любимой» работе, хотя тут я лукавлю. На неделе привезли два трупа, и я каждый раз ощущала себя ребенком в Рождественское утро. Я ждала увидеть на теле недостающие кусочки тела, чтобы гордо ударив себя по груди воскликнуть: «А я говорила! Это серийный маньяк!». Но мне не везло, до того момента как в самом конце рабочего дня к нам доставили убитую

Лейлу Ли Джаред.

В тот день я собиралась встретиться с Мартином. Свидание обещало быть переполненным романтикой. Ну а куда без нее, если встречаешь с Мартином Крейном. Мы собирались мирно прогуляться по ночной безлюдной Санта-Барбаре. Ветер бы развивал наши волосы, серебристый луч лунного света освещал бы нам дорогу, сулившую на своем пути гору поцелуев и крепких объятий. Я все еще надеюсь не потерять настроение, думаю, покойная мало чем сумеет меня удивить.

- Я отлучусь, - Фрэнк сдернул перчатки и побежал в уборную.

Я потерла руки и распахнула тело. Что тут у нас ...

С виду ничего примечательного. Руки, ноги целы. Лицо не изувечено. Брюшная полость не вскрыта. На шее ни пятнышка. Явных следов изнасилования нет, но на всякий случай я взяла мазок. Вернулся Фрэнк, засучивая рукава:

- Чего интересно? - он подкатил к металлическому столу на крутящемся стуле.

- А что полиция говорит?

Фрэнк будто бы нажал где-то у себя на кнопку включения монотонного дикторского голоса:

- Лейла Ли Джаред, 22 года. Молодой человек заявил о пропаже девушки три дня назад. Последними видели Лейлу подруги,

с которыми та пошла в ночной клуб. Тело было найдено в мусорке того же ночного клуба самим хозяином заведения.

- Что? Через три дня? Они три дня не выкидывали мусор? – перебила я. – Целых три дня полиция не могла посмотреть в мусорке?

- Эй, де-те-ктив! Не перебивай! И вообще, шла бы ты в полицию!

- Молчу, молчу...

- Я закончил!

Фрэнк недовольно шмыгнул и несдержанно схватился за нож. Я тихо добавила:

- Давай перевернем ее? Здесь совсем ничего. Идеальная, ровная кожа. Даже слишком идеальная, что за крем она использовала?

Тело Лейлы перевернулось на живот, и

Фрэнк победоносно вскрикнул:

- Вуаля!

- Фу! Смахни их!

Спина девушки кишела личинками червей и прочих паразитов.

- Спокойно! – Фрэнк расчистил спину, и мы оба склонились над вырезанным куском кожи.

Автор: Тугучева Ксения

Замок из песка

Вплоть до того апреля они со Стейси не сказали друг другу и сотни слов, поэтому для Честера стало большой неожиданностью то, что девушка сама подошла к нему в перерыве между занятиями. Она попросила его помочь ей разобраться с темой, которая обсуждалась на лекции, где она отсутствовала. Они встретились в университетском кафе и провели там несколько часов, из которых большую часть времени обсуждали вещи, весьма далёкие от биржевых игр. Уже позже, сравнивая Стейси и Шайлу, Линкольн нашёл, что они были полными противоположностями. Внешне Стейси напоминала ему мать. Ростом чуть ниже Честера, она выделялась стройной фигурой, мягкими чертами лица и большими карими глазами. Даже пшеничного цвета волосы, спускавшиеся до лопаток, цветом и длиной

были почти такими же, как и у Вирджинии. Что же касается внутреннего мира, то в отличие от Шайлы, не питавшей страсти к чтению, юная мисс Морган оказалась большой любительницей литературы, которая и стала основной темой их первой беседы. Для Честера с его минимальным опытом общения с женским полом явился открытием тот факт, что с девушкой можно было общаться на равных. Его рассказы о книгах и музыке нравились Шайле, но лишь с точки зрения их непривычности. Стейси, напротив, высказывала свои собственные комментарии по поводу услышанного, и наблюдения эти удивляли Линкольна своим юмором и оригинальностью. Они стали встречаться во время больших перерывов, сидя в кафе или неспешно прогуливаясь по университетскому парку, разговаривая

о литературе, музыке и живописи, и встречи эти постепенно приобретали для обоих всё большее и большее значение. Находясь рядом со Стейси, Честер совершенно не ощущал дискомфорта, сопровождавшего последний период его общения с Шайлой. Где-то на интуитивном уровне он чувствовал, что эта девушка именно тот человек, с которым он сможет спокойно идти к своей цели, уверенный, что его не будут ждать потрясения, однажды уже всколыхнувшие его существование. Именно эта уверенность и позволила Честеру пригласить одним днём Стейси в ресторан. Девушка, не раздумывая, согласилась. Там за ужином они наконец-то рассказали друг другу о себе. Отцом Стейси оказался Стивен Морган, известный финансист, имя которого Честер несколько раз слышал от Майкла, причём всегда в

положительном контексте. Это было весьма показательным, ведь при всей своей тяге к власти Линкольн-старший сохранил в себе способность давать объективные оценки людям, которые того заслуживали. Стейси с детства увлекалась творчеством, занималась в литературной мастерской при школе и писала стихи. Однако, когда пришло время определяться с высшим образованием, она к радости семьи приняла решение последовать по стопам отца. Свой выбор она объяснила тем, что не считала себя достаточно талантливой, чтобы заниматься исключительно искусством, к тому же девушка её положения должна была иметь серьёзную профессию. Впрочем, в разговоре с Честером Стейси призналась, что руководствовалась в основном желанием порадовать отца. Стивен Морган не имел наследников мужского пола, которые бы могли продолжить его деятельность, и, несмотря на то, что он любил свою дочь и уважал её решения, было видно, что финансист переживал из-за невозможности разделить своё дело с родным по крови человеком. Честер слушал девушку, и с каждой новой подробностью удивление его становилось всё больше и больше. Его поражало, насколько схожими были их взгляды, как спокойно они оба жертвовали своими желаниями во имя интересов семьи. Они расстались

далеко за полночь, договорившись увидеться вновь на следующий день. Всё, что происходило между ними затем, тоже совершенно не напоминало краткосрочный роман с Шайлой. Как и Линкольн, Стейси абсолютно не интересовалась клубами и прочими популярными в среде богатой молодёжи местами. Вместе они гуляли по набережной, ходили в музеи и на выставки, навещали в мало кому известные книжные лавки, которые в своё время показала сыну Вирджиния. Теперь Честер не чувствовал никакой неловкости от того, что кто-то может узнать об их общении, напротив, стремясь закрепить свои позиции, он решил познакомиться Стейси с отцом, мысль о чём ранее могла бы вызвать у него ужас. Линкольн-старший одобрил выбор сына, и последовавшая встреча оправдала все ожидания Честера. Майкл весьма благосклонно отнёсся к Стейси и в течение всего вечера задавал ей вопросы о работе её отца, учёбе и планах на будущее. Не последнюю роль в этом сыграло уважение главы «Линкольн Индастриз» к личности Стивена Моргана, однако главной причиной его отношение к дочери известного финансиста, было то, что он сразу же понял, что привлекло его отпрыска в Стейси. В своё время он сам выбирал жену подобным образом, и потому не мог не поддер-

жать Честера. Все трое расходились вполне удовлетворённые проведённым вместе временем, но Честер никогда не узнает о том, что в ту ночь Майкл Линкольн впервые в своей жизни увидел во сне Вирджинию. Она явилась ему такой, какой была при их первой встрече, в белом открытом платье, с улыбкой в уголках рта и глазами, где пряталась грусть, которую так никто и не смог разглядеть. Этот образ был настолько живым, что сердце спящего дёрнулось, на секунду сбившись с привычного ритма. Проснувшись утром, Майкл ничего не помнил из своего сна, лишь непривычное чувство утраты не давало ему покоя, пока он следовал из спальни в гимнастический зал. После получаса физических упражнений оно полностью исчезло, и когда глава корпорации выходил из душа, уже ничто не стояло на его пути к новым свершениям.

Первый секс у Честера и Стейси состоялся в её квартире, которую чета Морганов преподнесла дочери в подарок ко дню окончания школы. Из предыдущих бесед Линкольн знал, что любовный опыт девушки несколько превышал его собственный, однако, как ни странно, это не вызывало у него особого волнения. Всё та же интуиция подсказывала, что сложившееся между ними взаимопонимание будет поддержано и на физиологическом уровне. В их любви было больше

рассудочности, чем страсти, больше стремления доставлять удовольствие другому, нежели упоения собственными ощущениями, и это вполне устраивало обоих. Вскоре выяснилось, что в отношениях им подходила скорее роль партнёров, а не любовников. Секс являлся лишь приятным дополнением к их встречам, которые они теперь часто стали посвящать совместной подготовке к тестам, зачётам и экзаменам. Порой они могли обсудить что-то из новостей искусства, а иногда просто лежали рядом друг с другом, каждый погружённый в свою книгу. Вместе они проводили не так уж и много времени, учитывая всё возрастающее вовлечение Честера в дела «Линкольн Индастриз». Впрочем, ни его, ни её это не угнетало. Стейси, не слишком тяготившая к общению с окружающими, вполне комфортно чувствовала себя наедине с собой, довольствуясь нечастыми визитами к нескольким подругам, с которыми познакомилась в годы учёбы в школе. Честера радовало сложившееся положение вещей. В Стейси он обрёл поддержку, без которой ему было бы значительно труднее идти к желанной независимости. Расставаясь с девушкой во время своих заграничных поездок с отцом или Беннингтоном, он не испытывал никакой грусти, зная, что по возвращению найдёт её там же, где она и должна быть. Они жили в полном

согласии, устремив глаза в завтрашний день, даже не испытывая нужды в том, чтобы делиться друг с другом горестями и страхами прошлого. Значение имело лишь то, что несло с собой будущее, и оба были готовы делать всё для того, чтобы оно пришло к ним стабильным, таким же, как и настоящее.

Четыре года после начала отношений Честера и Стейси пробежали незаметно. Оба много занимались, тем охотнее получая знания, чем больше возможностей для их практического применения у них появлялось. За это время Линкольн полностью освоился в роли будущего главы корпорации и даже разработал несколько проектов новых направлений её деятельности, вызвавших интерес у отца и Алекса Беннингтона. В частности, Честер предлагал обратиться к потребностям представителей среднего класса, желающим обезопасить своё имущество от посягательств различных криминальных элементов. Живя в обществе, где преступность являлась едва ли не нормой, и уровень её всегда оставался стабильно высоким, эти люди готовы были не раздумывая платить за защиту своих автомобилей, квартир и домов. С одобрения отца и при поддержке Беннингтона Честер возглавил отдел по разработке нового типа охранных систем. Целью было создать продукцию, которая, обладая

высоким уровнем надёжности, отличалась бы умеренной себестоимостью. Линкольн понимал, что, завоёвывая внимание людей со средним достатком, он открывал для корпорации новые горизонты, а соответственно и пути к колоссальным прибылям. Ставку он решил сделать на молодых специалистов, относительно недавно работавших в «Линкольн Индастриз» и ещё не привлекавшихся к серьёзным проектам. Расчёт оказался верен. Благодаря нескольким нестандартным решениям, отделу за два года удалось создать опытный экземпляр системы безопасности нового типа. Последняя имела способность анализировать поведение людей, оказывавшихся в непосредственной близости с охраняемым объектом, и в случае наличия потенциальной угрозы препятствовала всяческой возможности проникнуть внутрь. Нечто подобное уже было спроектировано «Линкольн Индастриз» при создании концепции «умного дома», однако новая разработка обладала одним неоспоримым преимуществом: охранный комплекс Честера являлся автономной и потому стоила сравнительно недорого, тогда как в «умных домах» всё было взаимосвязано между собой, и функционирование любого элемента напрямую зависело от работы всех остальных. В серийное производство новинку запустили лишь через полтора

года после проведения тестирования, однако опытный Майкл Линкольн сразу же разглядел всю её перспективность. Никто, включая самого Честера, не знал, какое значение имел его успех для главы корпорации. Отныне Линкольн-старший был твёрдо уверен, что его сын станет достойным продолжателем семейного дела и, вполне возможно, откроет в нём новые направления. Стейси тоже не имела времени на скуку, активно постигая премудрости рыночных отношений под руководством отца. Несколько раз молодые люди ездили вдвоём на отдых за границу. Это, правда, было скорее данью устоявшейся традиции, ведь будучи поглощёнными каждый своим делом, они не нуждались в том, чтобы переключаться на что-либо другое. Отношения их оставались ровными и стабильными. Родные Стейси очень хорошо принимали Честера в качестве потенциального мужа девушки. Перспектива породниться с наследником баснословных капиталов семьи Линкольников выглядела весьма привлекательной, к тому же мистер Морган подметил сходство характеров молодых людей и то, насколько комфортной она делала их совместную жизнь. Университетские экзамены оба сдали прекрасно, практически без напряжения, что было неудивительным, учитывая пять лет регулярной и продук-

тивной работы. В честь получения дочерью диплома в доме Морганов организовали вечеринку, и именно на ней Честер предложил Стейси стать его женой. Четыре проведённых вместе года стали для него достаточным сроком, чтобы прийти к необходимости узаконить их отношения, к тому же Линкольн понимал, что в обозримом будущем им вряд ли представится лучшая возможность это сделать. По окончании учёбы оба планировали полностью сосредоточиться на своей работе, поэтому Честер предпочитал совершить церемонию как можно скорее, чтобы впоследствии иметь возможность сконцентрироваться исключительно на делах корпорации. Стейси согласилась, не колеблясь. Предложение руки и сердца она восприняла без удивления, как приятное, но ожидаемое событие. Начались приготовления к свадьбе, причём основную роль в них играла миссис Морган. И её дочь, и Честер весьма смутно представляли себе предстоящее празднество, да и вообще не жаждали никаких пышных торжеств. Бракосочетание должно было состояться двумя месяцами позже дня, когда пара сообщила родным о своём решении. Затем Честер планировал отправиться в свадебное путешествие куда-нибудь на Острова, чтобы по возвращению с головой погрузиться в работу над новыми проектами «Линкольн Индаст-

риз». Не так давно ему исполнился двадцать один год, голову его переполняли идеи, и он, наверное, мог бы даже назвать себя счастливым человеком, если бы позволял себе об этом задумываться.

О том, что его отец болен раком предстательной железы Честер узнал за месяц до свадьбы, когда на внешнем виде Майкла уже стали отражаться признаки пожиравшего его недуга. Линкольн-старший всегда следил за своим здоровьем и физической формой и потому при первых же признаках заболевания сразу обратился к специалистам. Результаты обследования были неутешительными. Опухоль оказалась злокачественной, а метастазы в организм поступали с такой интенсивностью, что за каких-то две недели Майкл похудел на несколько килограммов и постарел на десяток лет. В попытке избежать хирургического вмешательства врачи назначили ему курс облучения, и именно в этот период Линкольн решил рассказать всё Честеру, который и так уже начал замечать тревожащие перемены во внешности отца. Майкл допускал, что не сможет выиграть схватку с болезнью, и хотел, чтобы сын был готов в скором времени принять бразды правления корпорацией. Честер нашёл в себе силы спокойно выслушать Линкольна-старшего и пообещал ему, что станет выполнять все рекомендации Алекса

Беннингтона в период пребывания Майкла в клинике, однако в душе его поразило сказанное. Он был потрясён не столько тем фактом, что речь шла о жизни родного человека, сколько осознанием того, какие изменения это могло внести в тщательно распланированную картину его дальнейшего существования. Два дня спустя Майкл Линкольн на частном самолёте отправился на Континент, где его ждало лечение в одной из лучших клиник мира, специализировавшейся на раковых заболеваниях. В его отсутствие пустующее место главы «Линкольн Индастриз» в зале заседаний занял Алекс Беннингтон, Честер же расположился по правую руку от кресла отца. В сложившихся обстоятельствах одной из своих главных задач Беннингтон считал поддержание стабильности работы корпорации и сохранение доверия акционеров, поэтому Честер на время был вынужден отказаться от продвижения своих проектов, сосредоточившись на анализе деятельности многочисленных зарубежных филиалов, отчёты которых теперь каждое утро ложились на его стол. Свадьбу со Стейси пришлось отложить на неопределённый срок. Девушка старалась как можно больше времени проводить с женихом, всячески его поддерживая, но даже с ней Честер не мог поделиться происходившим в своём созна-

нии. Он регулярно связывался с Майклом по телефону, обсуждал с ним положение дел в корпорации и его здоровье, был рад слышать, что врачи констатировали некоторое улучшение в состоянии больного под влиянием облучения. После одного из таких разговоров он поймал себя на том, что не испытывал настоящего страха за жизнь отца. Дело было, конечно же, не в том, что Честер стремился как можно быстрее оказаться в роли главы корпорации, напротив, он искренне желал, чтобы всё шло своим чередом, вполне удовлетворяясь своим местом на данном этапе. Проблема заключалась в том, что мысли о болезни Майкла и связанных с ней физических страданиях не вызывали у него тех жалости и сочувствия, о которых он так часто читал в любимых книгах. Честер пытался понять причину своих реакций, но не находил ответа. Спасением от этих размышлений для него в очередной раз стала работа, в которой, учитывая сложившуюся обстановку, не было недостатка.

Два месяца спустя начала болезни Майкл Линкольн окончил все курсы облучения и вернулся домой. Он полностью лишился бровей и волос на голове, кожа его приобрела желтоватый оттенок, у него растрескались ногти, и всё же в нём чувствовалось больше энергии, чем до поездки на Континент. Врачи на-

значили ему множество общеукрепляющих препаратов и настоятельно рекомендовали воздержаться от любых нагрузок. Однако уже через несколько дней после возвращения Линкольн затребовал к себе отчёты по работе корпорации за период его отсутствия. Он понимал, какие эмоции могло бы вызвать его появление на совете директоров, однако не допускал и мысли о том, чтобы устранившись от дела, которому посвятил всю жизнь. Ремиссия заняла около трёх недель, а потом затаившаяся ненадолго болезнь нанесла ещё один удар. Майкл слабел на глазах, и теперь лишь операция могла дать ему хоть какой-то шанс на выживание. Впрочем, вероятность положительного исхода выглядела весьма небольшой, и Линкольн первым был готов это признать. Честер каждый вечер навещал отца, и посещения эти оставляли у него гнетущее чувство. Человек, которого он видел лежащим в палате, мало чем напоминал того, к которому он так привык. Они разговаривали немного, и дело было не только в том, что у больного не хватало на это сил. Лишённый возможности руководить корпорацией, долгими часами предоставленный сам себе, он волей неволей стал задумываться о лежащей у него за плечами жизни. Майкл не верил в бога и загробную жизнь, он никогда не нуждался в религии и не испытывал ужаса

перед смертью, целиком занятый строительством своего царства в этой единственной известной ему реальности. И всё же, оказавшись перед лицом небытия, Линкольн почувствовал страх, животный страх существа, осознавшего, что совсем скоро ему предстоит раствориться во всепоглощающей черноте, исчезнуть не только для других, но и для себя самого. В глубинах космоса роботы, сошедшие с конвейеров его корпорации, исследовали просторы далёких миров, начинённые электроникой «Линкольн Индастриз» спутники кружили над планетой, заполненной механизмами того же производства, его сын был готов занять место на троне и продолжить расширять созданную им империю – ничто из этого не приносило умиротворения душе Майкла Линкольна. Впадая в забвение под влиянием транквилизаторов, он видел Вирджинию и Честера. В этих снах они заходили к нему в палату и садились по обе стороны кровати. Он рассказывал им о своих страхах, они брали его за руки, и уродливые сгустки чёрных мыслей съёживались и исчезали где-то в дальних углах. Потом действие успокаивающего заканчивалось, и Линкольн возвращался в реальный мир. Его встречала физическая боль, но и она меркла, когда Майкл вспоминал, что жена его давно мертва, а при встречах с сыном он никак не

может подобрать нужные слова, чтобы объяснить, что чувствует. За мгновение до начала операции врач приблизил к его лицу пластиковую маску, и внутри неё Майкл отчётливо увидел чёрную дыру, откуда нет возврата. «Боже, как же страшно», – успел подумать он, и это стало последней мыслью миллиардера перед тем, как пустота поглотила его сознание. Изнурённый болезнью организм не выдержал хирургического вмешательства, и Майкл Линкольн скончался на операционном столе, не дожив нескольких суток до своего пятидесятилетнего дня рождения.

Похороны главы «Линкольн Индастриз» состоялись дождливым ноябрьским днём. Отдавая дань приличиям, проводить покойного пришли даже те, с кем он практически не общался в последнее время своей жизни. В числе собравшихся на кладбище были супруги Делсон, их сын Фредерик, дядя Честера, Стейси с родителями, все члены совета директоров корпорации. Почти никто из них не испытывал искренней скорби по усопшему, предпочитавшему не поддерживать с людьми близких отношений. Исключение составлял разве что Алекс Беннингтон, прошедший с Майклом немало битв за господство на мировом рынке. На протяжении всей церемонии Честер выглядел отрешённым. Он машинально отвечал на соболезнования,

объятия и рукопожатия, однако мысли его были далеко от происходящего вокруг. Линкольн думал, что, в конце концов, он убедился в том, к чему жизнь подталкивала его все предыдущие годы. Теперь он знал, что в этом мире не существовало никаких гарантий спокойствия и благоденствия. Ни деньги, ни власть не могли защитить человека от душевных ран, мук болезней, ухода близких или собственной преждевременной смерти в расцвете сил. Бытие, которое веками пытались объяснить философы и богословы, на самом деле было безбрежным океаном хаоса. Своё плавание по нему люди начинали на кораблях, построенных из иллюзий и мечтаний, но первый же сильный шторм вдребезги разбивал эти непрочные суда. Упрямство свойственно человеческой природе, и выжившие после крушения не переставали вести борьбу со стихией. Из всех сил стараясь удержаться на воде, они подплывали к обломкам своих кораблей. Кому-то доставались совсем маленькие доски, и они просто цеплялись за них, без усталости гребя ногами, ежесекундно рискуя быть схваченными судорогой и пойти ко дну. Другим везло больше, их находки были достаточно широкими, чтобы взобраться на них как на плот, и они продолжали свой путь в никуда, помогая себе руками, а порой и доской, оставшейся от ка-

нувшего в бездну собрата по несчастью. Почти все эти люди со временем забудут, с чего начиналось плавание, и их жалкие средства передвижения станут казаться им естественными и даже достаточно комфортными. Немногие будут осознавать, что от смертоносной пучины их отделяет лишь жалкий кусок обшивки, которая на самом деле не существует, и только у единиц хватит мужества прекратить ненужное сопротивление, соскользнув в тёмную воду. Честер завидовал этим последним, одновременно понимая, что у него не было достаточно сил, чтобы последовать их примеру. Он просто стоял и смотрел на мёртвое лицо лежащего в гробу Майкла Линкольна. Океан растворил в себе его отца, но это не вызывало у него ни скорби, ни боли. Таков был порядок вещей в мире, и краем сознания он всегда знал об этом. В какой-то момент рука Стейси сжала его предплечье, и Честер спросил себя, сможет ли он так же спокойно смотреть на её тело. Ответ пришёл словно бы сам собой, и он нёс такое бремя одиночества, что Линкольн пошатнулся. Его отвели в сторону, усадили на принесённый кем-то складной стул, дали воды. Честер прикрыл глаза, и в это время священник начал читать заупокойную молитву...

На следующее утро он поехал на кладбище, чтобы возложить цветы на могилу отца. Затем Честер

вернулся домой, выключил все телефоны и так в полном уединении провёл три дня, ни разу не ступив за порог. Ни Стейси, ни Беннингтон не нарушали его затворничества, выполняя данное ими обещание. Как и после смерти матери, Линкольну необходимо было время, чтобы окончательно смириться с ещё одной потерей, но если тогда из его жизни уходили мечты, то сейчас он прощался с реальным миром. На четвёртый день он встал со своей кровати, сорок минут провёл в гимнастическом зале, принял душ и позвонил Беннингтону. Ровно в полдень он вошёл в зал заседаний «Линкольн Индастриз», чтобы под пристальными взглядами собравшихся занять место в пустом кресле во главе стола.

Майкл Линкольн без сомнения был бы счастлив, узнай он, насколько быстро его сын освоился с ролью главы одной из могущественнейших корпораций мира. Честер понимал, что в первое время ему предстоит столкнуться с некоторой настороженностью со стороны представителей совета директоров, и потому одной из основных своих задач полагал чёткое определение приоритетов дальнейшей деятельности «Линкольн Индастриз». Основной акцент он планировал сделать на постепенной адаптации продукции корпорации к нуждам и материальным возможностям людей среднего

достатка. Разработанная под его руководством охранная система нового типа могла служить весомым аргументом в пользу данного направления. Работа в этой области была поручена уже знакомой Честеру команде молодых специалистов. Линкольну также пришлось выдерживать несколько серьёзных экзаменов в виде встреч с представителями правительства, Национального Космического Агентства и двумя крупными магнатами с Континента, связанными с его отцом многолетними деловыми отношениями. В результате все участники этого общения, независимо друг от друга, отметили уверенность и компетентность молодого Линкольна, продемонстрированные им в обсуждении важных финансовых вопросов. Они не знали, что Честер был обязан этому не столько постоянной поддержке Беннингтона, сколько всепоглощающему желанию утопить в работе мысли о безысходности своего существования. Линкольн сильно изменился со дня похорон отца. Стейси, теперь жившая в его доме, принимала периодически проступавшее у него на лице выражение суровой сосредоточенности за скорбь, не догадываясь, какие демоны поселились в душе её жениха. Целый день он проводил в своём кабинете на двадцать пятом этаже сердца корпорации, но и это не всегда спасало его от приступов бессонницы. Часто, не-

подвижно лёжа рядом со Стейси во тьме своей спальни, Честер вновь и вновь возвращался в мыслях к образу океана, явившегося ему на кладбище, и в эти минуты он был готов поменяться местами с последним нищим, уверенным, что он стоит на твёрдой земле. По утрам после таких бдений Линкольн ощущал себя вымотанным и опустошённым, и ему приходилось усилием воли загонять свои

чувства глубоко внутрь, чтобы не обнаружить их перед окружающими. Потом наступал наполненный работой день, и горечь вновь пережитых воспоминаний отступала. Следующие несколько ночей Честер спал без сновидений, а потом бессонница неизбежно возвращалась. Несмотря на соблазн, он ни разу не прибегнул к снотворному, опасаясь оказаться в зависимости от таблеток. Ещё

более ему претила мысль обратиться к психологу и выслушивать рекомендации человека, не имеющего никакого понятия о том, что представляет собой жизнь. Честер плыл на своей доске по тёмной воде, стараясь не смотреть вниз, обратив взгляд к недостижимому горизонту.

Автор: Алексей Рубан

Евангелие от Лейлах. Труп звезды

Глава 30. Опиум из коровьей вагины

Поправив одеяло на спящей под родедормом Нине, Сергей потихоньку оделся и направился, по обыкновению своему, к другу Масакре. «Часа четыре она поспит, дальше неизвестно, что будет», – размышлял он, спускаясь по лестнице.

В темном подъезде находилась пара подвыпивших худосочных подростков, с явными признаками наследственного алкогольного слабоумия на дебеловатых и довольно уродливых лицах. Они курили, плевали на пол и громко гоготали над собственными глупыми шутками. Увидев бледного и раненного Сергея, парни почуяли легкую добычу, – так шакалы, только что

трусливо поджимавшие хвост, делают наглými и отважными, завидев ослабшего зверя.

— А ну стоять, ты откуда? – один из гопников спрыгнул с подоконника и начал приближаться к Сергею.

— Что за нещепрод проклепанный, металлист что ли? Кожанку снимай! – присоединился к нему второй.

— Карманы вывернул! – почувствовав кураж, прогнусавил первый подонок.

— Пацаны, вы что, я же местный, живу тут, – ответил Сергей, пятась к стене, и сжимая рукой в кармане выточенный на токарном станке веретенобразный кусок нержавеющей стали. Кроме прочего, у него была с собой «выкидуха», и струна от гитары, встав-

ленная в воротник куртки.

— Че ты сказал? – протянул гопник, хватая бедолагу за ворот рубашки.

Второй шпаненьш, зайдя с боку, исподтишка ударил Сергея в челюсть. Почувствовал слабый, девчачий удар, призванный скорее подавить волю, чем навредить, Сергей улыбнулся и даже слегка хохотнул. Еще недавно он дрался, чуть ли не на каждой перемене, да и дискотеки в гостях у периферийных друзей ни одной без дружеских потасовок обходилось.

Не смотря на абсолютное спокойствие, вызванное колесами и алко-голем, нахлынула обида, копившаяся годами на подобных беспредельных около-криминальных шке-тиков. Пружина, заведен-

ная внутри, начала раскручиваться, и глаза заволокло красным туманом.

Ударив под дых, схватившего его за воротник пацана, Сергей пнул его, что есть дури, коленкой по яйцам. Теперь можно было спокойно заняться другим.

Двинув его по морде кулаком с нержавеющей, парень удовлетворенно услышал хруст ломаемой кости. Кожа на косточках пальцев была порвана выбитыми зубами, но останавливаться не хотелось. Подстегиваемый угрозами расправы и проклятиями первого хулигана, Сергей колотил второго, руками и ногами. Несчастный сжался в клубок на оплеванном полу, но бес внутри оскорбленного парня только проснулся, – остановившись и, поворачиваясь к первому обидчику, он криво ухмыльнулся.

— И что ты там говорил, гнида? Кого тут на копчик посадят? Кто нищеврод? Иди сюда, мразь, у*бище х*ево... – продолжал повторять он, награждая шпаненыша новыми ударами.

Увидев кровь, брызнувшую из его разбитой физиономии, Сергей понял, что не может остановиться. Верней понимать он уже не мог, – рассудок его словно отключился, целиком подчинившись древнему инстинкту убийства.

Зверь внутри был разумен: достав нож и сухо щелкнув блестящим лезвием, он собирался на-

резать кусков с незадачливых охотников и отведать их плоти. Возможно, так бы все и случилось, но, на счастье дверь в подъезд хлопнула, и на пороге оказалась грузная женщина в оранжевой телогрейке. Прижав к себе авоську с продуктами, она устояла на «кнопарь» в руке молодого человека неординарной внешности с горящими огнем, безумными глазами.

— Это я так, – попугать немного, – сказал, приходящий в себя Сергей, тяжело дыша. – Достали уже в подъезде гадить, а теперь еще раздеть тут меня хотели.

— Иди... иди себе... хорошо? Иди с богом... Иди милок... – причитала женщина.

Пожав плечами, Сергей вышел на улицу и отправился наконец-то, по своим скромным делам.

Масакра осмотрел его, кривя губы в ухмылке и, молча, провел в ванную. Умывшись и сняв порванную рубашку без пуговиц, Сергей надел предложенную другом футболку и опустился в мягкое низкое кресло, искоса поглядывая на часы. Масакра присел рядом, протягивая другу стакан кубинского рома.

— Пойло не очень, – сказал он. – При социализме стали делать Ром из патоки и просто разводить разной ерундой.

— А как было раньше? – спросил Сергей, сделав глоток сладкого крепкого пойла и произнеся довольное «ух», –

выпивка ему, похоже, понравилась.

— Раньше его гнали из сахарного тростника, – медленно, капля за каплей, с малым выходом спирта, без всяких ректификационных колонн. Первый отгон использовался только для технических целей, – например, кисти замачивать, – он самый ядовитый. Чистейший тростниковый самогон получался живым, настоящим и настаивался на солнце в небольших дубовых бочонках. Чаще всего его скупали прямо так, но в тавернах по месту разводили, добавляя ваниль, сахар и разные травы.

— Значит пираты, пьющие ром литрами прямо из бочек, – это киношный бред?

— Наверно, если только у них не было иммунитета к алкоголю, и луженых глоток.

— Да уж, интересно. Нину сейчас кумарить начнет, – на передозняке ее застал. Солью вмазал, – вроде очухалась.

— Чем бахалась?

— Похоже, чернушкой.

— Слушай, а ведь у меня свечи есть ветеринарные!

— Что еще за лабуды?

— Коровам вставляют в матку, – для чего, не знаю, – но в них, под слоем воска, самый что ни на есть настоящий опиум.

— Так ведь, хрен знает, – как его, сколько надо.

— Как готовить, Нина твоя по любому пой-

мет. Растворяешь воск в горячей воде, споласкиваешь, что осталось, размываешь, сажаешь на кору, ангидрируешь, отбиваешь кислый, кипятишь с димычем, выбираешь через петуха, – юзаешь. По пять точек начинай бахать, – не промахнешься.

— Щелочить не надо?

— Нафига тебе лишняя грязь? Ангидрид выгорает махом. Потом остатки выпариваются.

— Понятно. Где кислый взять?

— Дам я тебе все, что надо, – не парься. Что на часы поглядываешь?

— Да она там под радиком спит. Скоро проснется.

— Охота тебе с ней нянчиться?

— Да я сам с себя недоумеваю, – задумчиво ответил Сергей, – Еще, что-то странное со мной происходит, – если бы тетка одна в подъезд не зашла, то я бы этих придурков порезал на лоскуты.

— Этого я и боялся, – усмехнулся Масакра, наполняя стакан Сергея новой порцией рома. – Или чего-то в этом роде.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Кто твоя ментальная подруга?

— Демон, дьяволица, inferнальное существо.

— Ты начинаешь меняться. Духовно мутировать.

— Хочешь сказать, что я превращаюсь в мон-

стра?

— Нет, ты остаешься человеком, но внутри тебя растет семя черной души.

— Прикольно. И что теперь делать?

— Пока не научился сдерживать зверя внутри, ладить с ним, начинать его потихоньку подкармливать.

— Человечиной что ли? – Сергей беззвучно рассмеялся и отхлебнул приличный глоток.

— Зачем так усугублять. В деревнях часто скотину забивают. Сходи, – зарежь кого-нибудь. Крови выпей.

— И он успокоится?

— Наверно, – Масакра пожал плечами. – В любом случае, – интересно, что ты при этом почувствуешь.

— Жалко зверушек.

— Жалко тебя будет, если на зону пойдешь. Это не армия, оттуда нормальным ты уже не вернешься. Зачем, думаешь, делали жертвоприношения?

— Задобрить кого-то. При убийстве освобождается море энергии.

— Да ну, – глупости все это, – так прямо духи и прилетели за душой барана. Кровь им вообще, я думаю, на фиг не нужна. Зато самому шаману сила добавляется, ну и зверя внутри надо задобрить.

— Хм, логично. Говорят, что на кровь подсаживаешься, – бод-

рит она, как лекарство.

— А то. Ладно, не ерзай, пошли уже, – дам тебе все что нужно. Побалдеете малеха. Но, пора бы уже тебе и подвязывать. Уходи в сторону, и – будь что будет.

— Будь что будет. – Эхом ответил Сергей и допил ром.

Он шел к Нине с гостинцами от Масакры, а под ногами похрустывал первый снег. В городе сразу стало, как-то светлей и чище. Снег отражал скудный свет стареющей Луны, тускло мерцающей на пасмурном небе, – ему предстоит растаять еще не раз, перед тем, как осень окончательно сдаст позиции и уступит место зиме. Пока же на улице было тепло одиноко и сыро.

Глава 31. Интриги.
Mylene Farmer и Габриэль.

Панк вылез из своего шалаша, зябко ежась, поморщился и чертыхнулся. Лес побелел от сырого неожиданного первого снега. Небо было светлым и чистым, но в воздухе парили снежинки.

Казалось, что они просто появляются в воздухе по мановению чьего-то злого коварного волшебства. Склонившись над остатками костра, бедняга принялся раздувать едва тлеющие угли.

Дрова были сырыми и никак не хотели разгораться. Снег выпал очень некстати. «Найти

бы сейчас какую-нибудь охотничью избушку», – подумал бедолага беглец, но, тут же, отверг эту мысль, рассуждая приблизительно так: «Как можно найти в лесу маленький домик, не зная к нему дороги? И чем потом я буду питаться? А заготовка дров? Да и вообще, – свихнуться можно, – жить одному в лесу, как старовер, как отшельник. Уж лучше забуриться в какой-нибудь подвал и спрятаться там, предварительно пополнив запасы БМК. Скоро уже тут станет совсем тяжело».

Костер наконец-то разгорелся; сперва задымил, но, по мере раздувания, проливания слез и чихания Панка, начал подавать признаки жизни. Сначала нехотя, а затем, уже даже весело затрещали дрова, – вскоре стало намного теплей и уютней. Маленькие сухие веточки елей, часто защищенные мхом, остаются огнеопасными в любую погоду.

Согрев остатки тушенки, Швед повесил котелок с водой над огнем и быстро поужинал. Осталось только немного сгущенки и несколько сигарет. То, что еда и сигареты кончились, его не слишком тревожило и огорчало, – него был прекрасный заменитель всего. Пополнив кучу хвороста новыми дровами, ходить за ними приходилось все дальше, Панк уселся рядом с костром и достал свой черный пакет. Видения не заставили себя

долго ждать...

На большой кровати с бордовым бархатным балдахином и покрытыми затейливой резьбой спинками, лежала Миелла. Она была красива, как ангел и невероятно соблазнительна. Любой настоящий мужчина, увидев ее, навеки бы потерял покой, – от этого зрелища просто невозможно было оторваться.

Слуги аккуратно раздели Миэллу и уложили в постель на воздушную пуховую перину. Лейла заставила всех удалиться едва уловимым жестом руки и, немного полюбовавшись на обнаженное безупречное тело сестры, сама накрыла ее шелковым одеялом. Нагиля вошла в комнату и медленно приблизилась к Лейле.

— Красивая, – улыбнулась она. – Будешь ее охранять?

— Этим займутся собачки, – ответила Лейла и дернула за шнур, висящий у изголовья кровати.

Где-то наверху издал неслышимый звон каменный колокол. Инфразвук быстро преодолел огромное расстояние, и пару минут спустя, резвившиеся в лесу церберы, наострили уши. Оставив свою недоеденную жертву, – рогатого белого оленя, они дружно побежали на зов волшебного колокола.

— Подарок Нортон? – Нагиля прищурила густо накрашенные глаза.

— Конечно. Толь-

ко королю подчиняются эти лохматые твари.

— А почему ты сама не заняла место матери на троне?

— А оно мне надо? К тому же, – он сам мне этого не предлагал, а крутить мозги Дьяволу... сама знаешь.

— Это верно. Какой-то он вообще мутный. Неужели, и правда, до сих пор любит маму?

— Я не считаю его мутным. Ему незачем мутить. Его разум, – словно бриллиант, – даже страшно, когда общаешься. Ты вся пред ним, будто на ладони, – ничего не утаить.

— Я слышала, что женскую душу он не в силах прочесть до конца.

— Душу, – возможно; но все то, что связано с логикой, побуждениями и математикой, он видит насквозь.

— Не обладай Люцифер такой способностью, – не был бы королем, – Нагиля мечтательно вздохнула.

— Не думаю, что власть ему в радость. Мы были вместе не один год, и я постоянно чувствовала его недовольство своим королевством, печаль, сомнения.

— Ты влюблена в него?

— Немножко, – Лейла склонилась над спящей Миеллой и убрала с ее лица непослушный локон. – Спи сестра. Дух бодр, тело же немощно.

Дверь распахнулась, и в комнату, тяжело

дыша, вбежали три огромных лохматых пса. Глаза их, совершенно разумные, горели зеленым огнем. Черная холеная шесть лоснилась, искрясь в свете газовых рожков, а из клыкастых пастей высовывались длинные красные языки. Погладив, не без удовольствия, одного зверя, Лейла что-то прошептала ему на ухо и, взяв под руку Нагилю, вышла с ней из покоев.

— Отнеси собачкам попить, — сказала она одному из лакеев.

Нагиля косо посмотрела на Лейлу, и ухмыльнулась.

— Без человечины они станут обычными большими собаками, — ответила на немой вопрос сестры Лейла.

— Нет стража надежнее цербера, — тихо сказала Нагиля.

— Не желаешь прогуляться верхом? — Лейла смотрела на Нагилю, многозначительным взглядом.

— Тебе разве не надо заняться бумагами?

— Думаешь, — у меня что-то может быть не в порядке? Первое, чему меня научил Нортон, так это умению управлять и держать все под контролем.

— Но ведь все так сложно и запутанно. Я вообще не понимаю, откуда берутся деньги у некоторых в таких количествах.

— Деньги, — эквивалент энергии. Если правильно все рассчитать, то поток средств становится

таким большим и стремительным, что прямо диву даешься. Что до сложностей, — если мыслить масштабно, — весь муравейник видно, как на ладони. Все хитроумные документы, расчеты, формулы, диаграммы и графики, отражающие немислимые передвижения денег, на самом деле просты и логичны. Достаточно окружить себя умными знающими специалистами, знать своих игроков, чтобы как можно более эффективно использовать их возможности, жестко диктовать свою волю, вовремя и быстро принимать решения, давить непослушных и ненадежных, — и механизм будет работать, как часики.

— А справиться со всякими шакалами и крупными хищниками тебе помог справиться Люцифер, — подытожила Нагиля.

— А как мне было обойтись без покровителя? Если б не он, — пришлось бы мне все время с кем-то воевать.

— Понимаю. Что ж, раз ты свободна и считаешь, что нам будет полезна эта прогулка, — я с удовольствием прокачусь с тобой.

— Весьма полезна, — Лейла улыбнулась своей прекрасной открытой улыбкой. — Встретимся через два часа у западных ворот.

Лейла подмигнула Нагиле и, грациозно покачивая бедрами, — так, как это могла делать только она, отправилась к себе в

кабинет. Плеснув в бокал немного Сливовицы и взяв с полки жутковатого вида книгу, она села в кресло и углубилась в чтение.

Несколько минут спустя, маятник больших часов, стоящих у стены, повис в воздухе. Когда он снова медленно начал свое движение, бесшумно повернулась на смазанных петлях потайная дверь, и в комнату вошел Самаэль. Выглядел он едва ли не сверстником Лейлы. Два метра ростом, стройный, широкоплечий блондин с красивым лицом, словно высеченным из камня. Казалось, — вот-вот, и он выдавит на щеку пену для бритья, проведет по ней станком «Джилетт» с тремя лезвиями и, любуясь на себя в зеркало, улыбнется белоснежной улыбкой. Правда вот, его свирепый нрав и неоспоримая мужественность мало соответствовали приятному внешнему облику, но, таким уж его создал отец, и Самаэль не хотел меняться.

— Все, что ты желаешь узнать обо мне из этого фолианта, я могу тебе поведать сам.

— Ты пришел, папа, — улыбнулась Лейла, делая глоток чешского бренди.

— Я всегда прихожу, когда ты начинаешь читать эту книгу. Как я понял, — концерт с сестрами отменяется?

— Да, — мать сама вдруг решила вернуться и ставит свои условия.

— Разве ты не хо-

тела этого?

— Боюсь, — мне нечем будет заняться по возвращении.

Ангел смерти улыбнулся; сев в кресло напротив Лейлы, он ласково посмотрел на нее, и сказал:

— Тебе, и нечем заняться? Да с твоими талантами, хоть сейчас можно садиться на трон, вместо Люцифера.

— Возможно когда-нибудь так и будет, но сейчас я хочу попасть в твою библиотеку.

— Лучше не проси меня об этом.

— Я все равно добьюсь своего, — бесстрастно сказала Лейла.

— Только не без борьбы.

— Тогда дай мне «Corrigendum errorem fati», на время.

— Это невозможно.

— И это говорит король нижнего Ада?

— Нельзя дотронуться ни до чего в библиотеке без ведома трех. Nous avons assourdi la bibliotheque. I, Lucifer et Gabriel.

Самаэль перешел на французский. Как правило, низшие демоны его совершенно не понимали, — это был язык элиты.

— Damn. Bitch. Voici une chatte. Si Lucifer je peux toujours d'accord, avec un ange quoi faire? — Лейла допила коньяк, и нахмурилась.

— А leur insu et sans notre permission et la souris ne glisse pas dans une bibliotheque..

— Meme une souris, vous dites? Bon, voyons voir. Papa Merci, cela a aid, — сказала дьяволица почти без сарказма.

— Peut rester avec moi quelques jours? Serait alle a la chasse?

— Je ne peux pas. En outre, nous ne avons pas besoin encore de briller ensemble. Je vous contacterai certainement, papa. — Лейла чмокнула Самаэля в щеку и вышла из кабинета, заперев дверь на ключ.

Самаэль ухмыльнулся и, тяжело вздохнув, направился к потайной двери. Ради дочери он готов был почти на все, но жили они по разные стороны границы. В верхнем мире ангел смерти был просто знатным демоном. Даже кровное и духовное родство с Люцифером не давало ему особых преимуществ.

Лейла же переоделась в костюм для верховой езды и направилась в конюшню, напевая красивым, немного грустным голосом одну из любимых песенок:

«Obsedee du pire
Et pas tres prolix
Mes moindres
sopirs

Se metaphysiquent
J'ai dans mon ciel
Des tonnes de celestes

M'accroche aux ailes
Et tombe l'ange
Gabriel!

Obsedee du pire
Un peu trop physique

L'envie de fremir

Est pharaonique !
Fi de l'ascese !
Ma vie s'entenebre
Moi sans la langue
Sans sexe je m'exsangue !

L'amour, c'est rien !
Quand c'est politiquement correct
On s'aime bien
On n' sait meme pas quand on se blesse
L'amour c'est rien
Quand tout est sexuellement correct
On s'ennuie bien
On crie avant pour qu' ca s'arrete
La vie n'est rien
Quand elle est tiede !

Elle se consume et vous bascule
Le sang en cendres de cigarette
La vie est bien
Elle est de miel !
Quand elle s'acide de dynamite
Qui m'aime me suive!

Obsedee du pire
Et pas tres prolix
Mes moindres soupirs
Se metaphysiquent
J'ai dans la tete
Des tonnes de pirouettes
Le saut de l'ange
N'a pour moi rien d'etrange

Obsedee du pire
Et pas tres prolix
Partager mes rires
Plutot plutoniques
J'ai dans ma sphere
Un effet de serre
Mon sang bouillonne

Je bous de tout, en somme»

Глава 32. Одержимость или сумасшествие?

"Должен же быть хоть какой-то выход", -

Обратился Шут к Плуту.

"Такой шум стоит, такой беспорядок -

О покое можно только мечтать...

Торгаши пьют мое вино,

Крестьяне взрывают мою землю, -

Да только им не понять,

Что не стоят они этого".

Эй, эй...

"Эх, да зачем волноваться?" -

С улыбкой отвечал Плут.

"Ведь многие из нас понимают,

Что жизнь - всего лишь шутка;

Нам с тобой уже доводилось побывать в такой же передрыге -

Видно, не судьба:

Так давай перестанем притворяться и лицемерить -

Смотри, уже поздний час".

Эй...

И продолжали они бдеть

На сторожевой башне;*

Порой женщины и босоногие слуги останавливались возле,

А где-то там, в бескрайних холодных далях,

Рычали дикие львы...

Приближались двое всадников.

Выл ветер.

Джизес Хендрикс.

Одержимость демоном сродни наркомании. Сказать больше, - это одно и то же. «Здесь, как во всякой алхимической формуле, должно искать настоящего смысла», - говаривал доктор Папюс. - «Жгучая кислота имеет своего элемента, как и безобидная вода».

Люси не употребляла наркотиков, но сердце ее было открыто для тьмы, и тьма не замедлила прийти к ней.

Встав с постели, она ощутила во рту вкус крови. Не сладенький привкус капельки из пораненного пальца или прокушенной случайно губы, - вкус был насыщенным, глубоким, принадлежал явно мужчине. Железо, соль, щелочь, глюкоза, минералы, гормоны, спирт, что-то еще, животное, - запах который слышишь, испарывая кому-то брюхо и извлекая кишки, чтобы добраться до самого сладкого и вкусного, - двух веретенообразных мышц, располагающихся вдоль позвоночника. Этот запах чувствуешь даже после жарки вырезанного тобой мяса, когда начинаешь им лакомиться...

— Черт, откуда я знаю это? - подумала Лю-

си. «Или, быть может, сказала»? - она уже не была уверена.

Почистив зубы, девушка почувствовала себя лучше, но стальной привкус во рту все же остался.

— Запах крови и смерти очень хорошо отбивает сваренный в турчанке кофе, - пронеслась, почти прозвучала в мозгу посторонняя мысль.

Ощущение нереальности происходящего усиливалось необычной яркостью красок и чувством погружения в сказку. Люси стало казаться, что все это происходит не с ней. Она, словно зритель в кинотеатре, видит себя, ждущую у плиты, когда поднимется пена в турчанке, чтобы вовремя убрать ее с огня. Мир вокруг стал каким-то странным, измененным, слегка неотчетливым, чуждым, призрачным, медленным и даже почти безжизненным. А еще, впервые в жизни, Люси почувствовала Ее. Она была зла, буквально вибрировала от гнева.

— Как он посмел! Что случилось? Ты немедленно должна мне обо всем рассказать! - слышала Люси в звонкой капели падающей в тарелку воды из не до конца закрученного крана. Перед глазами мелькали обрывки - воспоминания, виденного ею сна.

Вот она идет по улице и выбирает жертву: «Толстый не подойдет, - много жира, а в крови

один холестерин и пиво, – эстрадиолом пахнет, как шлюха. Этот какой-то болезненный, тот худощавый, а это что за гора мяса? Кровь таких, воняет витаминами, химией, непонятно чем, и гормональный фон нарушен. Еще один доходяга под кайфом... стоп, а это кто?» Симпатичный парень протянул ей банку коктейля:

— Пей, – сказал он так запросто, словно они были старыми знакомыми...

Раздалось шипение проливаемой на плиту пены. Люси быстро убрала турчанку с огня. Запах кофе разлетелся по квартире, проникая в каждый уголок, но, как это ни странно, он не совсем заглушил остальные запахи, они только отошли на задний план, словно разложенные по полочкам.

Музыка, льющаяся из соседней комнаты, тоже была какой-то иной, – каждый инструмент слышался отдельно; причем, можно было выделить какой-то один и, словно усилить его. Но это оказалось не самым удивительным. В звуках музыки при желании можно было услышать человеческие голоса. Говорили они ясно и отчетливо, кидая редкие, но меткие фразы.

— Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие, – пропела электрогитара.

— Знает то она, знает, – произнес Джими Хендрикс по-русски.

— Имеющие лукавый вид, силы же его отрекшиеся, – сказала гитара.

— Таковых удаляйся, – добавил Хендрикс.

— Надоел, – сказала Люси, заходя в комнату и выключая плеер.

Казалось, тишину теперь нечему больше тревожить, но не тут-то было, – спустя мгновение шум куллеров системника стал похож на злобный нарастающий шепот.

— Иди ко мне, иди ко мне, иди ко мне... – было слышно совершенно отчетливо.

Шум за окном превратился в злобную какофонию звуков. Люси схватилась за голову руками, прикрывая ладонями уши. Грохочущий гул, который она услышала, был еще хуже того, что ждало снаружи.

Повинуясь неведомому инстинкту, бедная девушка побежала в ванную и, быстро раздевшись, села под теплый душ. Шум воды мгновенно заглушил все адские голоса, затем стал напевать, мурлыкать какие-то успокаивающие заговоры. Казалось, что дух воды взял ее под свою защиту и лечит теперь, смывая накопившуюся грязь.

Спустя некоторое время стало действительно легче. Звуки немного утихли, и Люси смогла вернуться к себе в комнату. Немного сомневаясь, она включила музыку и, потихоньку, осторожно

прибавила громкость.

Медленная, лиричная тема «Лакримозы» звучала совсем по-иному. Более значимо, сложно, волнующе, но вполне безобидно. Правда Люси стало казаться, что она начала понимать немецкий язык, но это было уже «как бы не страшно». Немного поразмыслив, она вылила остывший кофе и налила бокал красного сухого вина; а затем села за стол, чтоб написать письмо своему далекому другу. Правда то, что у нее получилось, сильно отличалось от того, что она собиралась сказать.

«Привет, милый Pois. Я не понимаю, что со мной происходит. Кажется, – я начинаю понимать, как все выглядит на самом деле. Чувствую себя новорожденной Евой, впервые открывшей глаза и увидевшей мир, во всей его красоте, величии и волшебном разнообразии форм. Правда, моему разуму, ютящемуся в комфортабельном мире интерпретаций, с большим трудом удастся перенести давление настоящей реальности в ее первозданном, не подверженном цензуре застывшем человеческом сознании виде».

Люси остановилась, и прочла написанное. Изумленно хмыкнув, она посмотрела на свои руки, словно они были ответственны за появившийся у нее, какой-то профессорский склад ума. Вокруг пальцев мерцала

тонкая прозрачная вибрирующая дымка. Примерно такую же, только цветную, она увидела, взглянув на стоящие в вазе цветы.

Взгляд девушки застыл на месте. Как же они были прекрасны, эти алые, пахнущие больше зеленью, голландские розы! Каждый изгиб лепестка, каждый оттенок цвета, был наполнен глубочайшим смыслом, разумом, музыкой. Если бы Люси была набожна, то она сочла бы, что узрела лик Господа в этом обычном букете.

С трудом оторвав взгляд от цветов, (любоваться на них можно было теперь бесконечно долго), она сделала глоток вина и принялась снова писать. Надо ли говорить, что вино вспыхнуло у нее во рту невероятной гаммой удивительных разноцветных оттенков вкуса.

«Я чувствую одновременно страх и божественное, неземное наслаждение, граничащее с безумием или восхождением к вершинам духовного восприятия истинной сущности бытия. Понимаю, что несут меня в ночи крылья, данные Люцифером, но его свет и его любовь наполняют меня уверенностью и силой.

Снова прочитав твоё письмо, я осознала страшную истину: то, о чем ты мне рассказываешь, — это не выдумка, не галлюцинации, — это реальность. Понимание этого прокатилось волной

сладкого ужаса по всему моему телу, заставив его трепетать. Твои слова определенно действуют на меня возбуждающе, — я сейчас в каком-то странном, непонятном оцепенении... Она здесь, она уже внутри меня, и твои слова ей понятны, они вызывают у нее некий интерес. Не могу понять, чего она хочет, — видимо, поиграть; но я знаю только одно, — она хочет тебя... она, — Люси... посмотри... мои слова... через минуту из моей головы исчезнет их смысл... Их послание тебе... не понимаю, что со мной».

Допив вино, Люси бегло прошлась глазами по строкам, вышла на кухню и налила себе новую порцию. Алкоголь действовал теперь на нее совсем по-другому. Не было и намека на опьянение, только рассудок свежел, прояснялся, и все становилось более добрым, комфортным. Уверенным шагом она вернулась в комнату, и нажала клавишу Enter.

***

В голове Сергея раздался отчетливый щелчок, похожий чем-то на звук передергиваемого затвора, но более мягкий, неестественный. Остановившись и оглядевшись по сторонам, парень пришел к выводу, что звук имеет нематериальное происхождение, и продолжил свой путь.

Нина уже успела проснуться и сидела теперь, завернувшись в

одеяло, глядя, куда-то вдаль. Сергей почти понимал, что она чувствует, — он еще не успел пережить ломки, но всепоглощающая тоска и тупая пустота внутри ему были знакомы.

Выпив полстакана водки, он вскипятил чайник и бросил восковую свечу в кружку с горячей водой. Воск расплавился и остался плавать на поверхности, — осталось только сполоснуть опиум.

В отличие от обычной сырой ханки, тот не размазывался на дне мисочки, и это немного напрягло. Решив все же делать все по правилам, Сергей размял чернушку ручкой от открывашки, размыл водичкой, посадил на кору и, брызнув на нее из шприца ангидрид, отправил миску в плавание, в кастрюлю с кипящей водой.

Нина неожиданно встала и подошла к варщику.

— Как ты все медленно делаешь, — просто-напросто она, обнимая Сергея сзади.

— Потерпи немножко, скоро полегчает, — ответил Сергей, поворачиваясь и целуя ее.

— Не могу так сидеть, пока ты возишься. Давай лучше я.

— Ты раньше с этими свечами сталкивалась?

— Было дело, — ответила Нина, доставая из кастрюли мисочку и снимая с нее зажатый резинкой полиэтилен.

В нос ударил резкий уксусный запах. Поляхнув пламенем зажигалки, опытная колдунья выжгла пары ангидрида и начала выпаривать его остатки, добавляя понемногу воду. Сергей тем временем хлопнул еще водки и принялся разминать в ложке димедрол. Вскоре ширево было готово, – слышался даже легкий лакричный аромат опиума, (или Сергею просто это чудилось). Так или иначе, – пришла пора снимать пробу.

— Я делала, – мне первой и бахаться, – сказала Нина, перебирая чернушку.

— Давай лучше я. Забыла, как отъехала недавно?

Нину внезапно передернуло, словно от электричества. Дрожащей рукой она протянула шприц Сергею. Тот, быстро попав иглой в вену, ввел себе сначала полкубика, потом еще немного.

— Блииин, – протянул он, отодвигая шприц двумя пальцами, одновременно прижимая большим пальцем кожу в месте укола и отводя ее в сторону.

— Меня-то сможешь ширнуть? – спросила Нина, подозрительно глядя на друга.

— Да... сейчас... нормально все, – язык Сергея слегка заплетался, но в целом он выглядел вполне прилично.

— Зрак у тебя как упал, – улыбнулась Нина, протягивая свою тонкую

изящную руку ладонью вниз. – Коли сюда, недавно распечатала, – показала она едва обозначившуюся глубоко под кожей вену.

Вскоре жизнь стала прекрасна для них обоих. Занявшись сексом, они долго не могли остановиться и опустошили почти все запасы сока.

— Не пытайся пока кончить, – тяжело дыша, сказала Нина. – Потом, когда отпустит немного, еще потрахемся.

— У меня еще колеса есть, догонимся?

— Давай лучше по водочке. Не хочу такой кайф чем-то портить.

— Давай, – почти неохотно согласился Сергей и, не одеваясь, подошел к столу. – Тебе с соком?

— Да, как обычно, – ответила Нина, заворачиваясь в простыню.

Выпив немного водки, Нина окончательно расслабилась и начала рассказывать Сергею о том, что с ней случилось в замке Лейлы. Внезапно ее рассказ оборвался на полуслове, – девушка схватилась за край стола и удивленно посмотрела на Сергея.

— Мне надо прилечь, – сказала она сдавленным голосом.

— Пошли, а что случилось?

— Да вроде ничего, отпустило.

Сергей подхватил легкую, стройную Нину на руки, и отнес на диван. Заботливо укрыв подругу

одеялом, он присел рядом.

— С тобой точно все в порядке? – спросил он.

— Все нормально; только вдруг показалось, что я верхом на лошади... еду куда-то.

— Ничего себе.

— Это было так же реально, как ты, или я. Как эта комната, диван, потолок...

— А что ты видишь сейчас?

— Сейчас ничего, – только чувствую, что костер горит где-то рядом, – Нина закрыла глаза. – Я чувствую лицом его тепло, почти вижу, как пляшут языки пламени.

***

На карте высокая башня с короной вместо купола; ее окружают тучи, молния поражает ее вершину, так что башня дает трещину, а корона накренилась и готова упасть. Из окон вырывается пламя. На карте человеческие фигуры: король и шут; они летят вниз, под ними разверзается пропасть.

Эта карта символизирует полный крах, распад всего, что до сих пор составляло основу существования, переворот представлений о мире, бессилие перед грозной волей небес. Но это также и катарсис, очищение души от отягчавших ее грехов и страданий...

Автор: Вадим Доннерветтер

Паренек

Глава 7.

Гонка

Все завертелось со сногшибательной скоростью. Через своего давнишнего клиента и друга он вышел на нужного для осуществления проекта человека, специалиста по коммуникационным связям с прессой, телевидением и другими СМИ. Это был Клайв.

Англичанин, живущий в Мадриде, разговаривающий на забавном испанском языке со смешным англосаксонским акцентом, как-то вмиг проникся идеей. Рыжий, с веснушками на лице, много и быстро говорящий, страстно увлекающийся любой темой разговора, Клайв вместе с ним засел за работу. Работали они по утрам, а вечерами Клайв бегал по Мадриду с двумя мобильными телефонами, непрерывно звоня в разные страны Европы и Америки, потом появлялся в скайпе, и они делились новостями, болтая без умолку до поздней ночи. Работы было много до одурения, они оба трудились не покладая рук. А Клайв еще и ног. Сначала следовало написать пресс-релиз, чтобы протрубить о технологии профессора на весь свет. Он обратился к «профу» за помощью и разъяснениями научных постулатов в удобоваримом для обывателя виде. Ученый с радостью от-

кликнулся. Помогал, урывая драгоценные часы от других дел, но не всегда мог уделить им с Клайвом время. Поэтому попросил по менее важным, техническим вопросам обращаться в договорный отдел клиники. И вот тут-то и появился серый генерал в юбке.

Эмму Владимировну Козьявкину знали в клинике все. Еще бы – руководитель договорного отдела, через который проходили все финансовые операции с пациентами, хотя сама она, неизвестно почему, предпочитала называть их «клиентами». Первое столкновение произошло еще на заре его паломничества в клинику, когда он попросил расписанную по всем пунктам квитанцию на полученный им счет за медицинское обслуживание.

– Обычно мы никогда этого не делаем, – надменно ответила дама, походившая в тот момент на серую плохо пахнущую мышку. Или на неказистое насекомое.

«И откуда ж ты взялась, козявка, с какого такого дремучего хутора?» – подумал он.

– Но, извините, это обычная практика. Даже на базаре люди предпочитают вначале узнать цену, а потом уже покупать картошку.

Квитанцию ему выдали, но и здесь не

обошлось без курьеза. На двух разных страницах он обнаружил расхождение в цене за одну и ту же процедуру. Он поинтересовался, в чем дело.

– Да что вы все придираетесь? Это же просто опечатка. Неужели не понятно? – возмущенно набучила тонкие губы Эмма.

Да, знали ее в клинике все, но мало кто знал другое.

Аяз, пациент из Штатов, страдающий боковым амиотрофическим склерозом, во время утреннего обхода попал впросак из-за этого незнания. Профессор спросил у него, как обстояли дела, всем ли он доволен. Обычный вопрос этикета. Аяз выхаркнул – говорил он с трудом:

– Я всем доволен, и питанием, и обслуживанием, не доволен лишь профессиональной квалификацией данной леди, она всегда подсовывает мне какие-то математически неправильные инвойсы. Там цифры не сходятся.

И кивнул на Эмму.

Потом в курилке ему все-таки кто-то сказал, что «данная леди» – жена профессора, директора клиники.

С годами с ней творились чудесные изменения. Она вдруг помолодела, прихорошилась, морщины куда-то исчезли.

Выяснилось, что и английский она владеет вполне сносно. И вести себя стала где-то даже поженски кокетливо. Оставался лишь взгляд. Нехороший, жадный, злобный.

Ему-то было на все это наплевать, особого внимания он на все эти базарные дразги не обращал, не хотел заикливаться. Но пришлось.

С появлением в его жизни ПРОЕКТА и рыжего, похожего на таракана Клайва, все начало меняться. Ему приходилось звонить в клинику почти каждый день. И, к своему великому изумлению, он обнаружил, что на все телефонные номера всегда отвечал один и тот же голос – Эммы. Она присутствовала везде. К кому бы он ни обращался, все почему-то отправляли его в договорный отдел. А ведь дел-то было невпроворот. Они с Клайвом решили выйти на пациентов, достигших хороших успехов в своем лечении. Потребовались их контактные данные, фотографии, видеофильмы. Все в один голос: «Это в договорный отдел». Он так и делал: просил, напоминал, спешил, горел от нетерпения. Да и денег ему все это стоило немалых, а чем больше затягивался этот проект, тем тяжелее ему становилось держать на привязи профессионала – Клайва. Он об этом упомянул несколько раз в разговорах с Эммой, надеясь на понимание и поддержку, ведь не для себя

он в первую очередь пыжился. Потом взорвалась бомба – ему пришло электронное сообщение от Эммы.

«Здравствуйте, уважаемый пациент!

Я представляю себе процесс создания фонда и популяризации исследований, проводимых профессором как последовательную системную работу. А любая системная работа предполагает план действий. В соответствии с планом Вам требуется определенная информация от клиники. Нам было бы всем удобнее знать заранее. Несомненно, успешность Вашей деятельности может серьезно помочь популяризации нашей клиники и привлечь новых пациентов. Но это Ваше совершенно самостоятельное решение. Вы человек крайне благоразумный, поэтому, очевидно, понимаете, чем интересна эта деятельность и для Вас лично, помимо социальной значимости, удовлетворения чисто человеческой потребности быть полезным людям, попавшим в беду по той или иной причине, связанной со здоровьем. В связи с этим очень прошу Вас не ставить меня и клинику в известность о финансовых расходах, связанных с Вашей деятельностью. Надеюсь, что Вам все удастся, я рада всегда помочь с информацией, но не обещаю, что это возможно сделать так срочно, как Вы подчас просите».

– Н-да.. Приехали, – подумал он. Аж пот на

лбу выступил. Ответ он писал ночью, не мог не ответить.

«Здравствуйте, Эмма Владимировна!

Никто и никогда не оскорблял меня так, как это смогли сделать Вы в своем завуалированном под этикет послании. Вы действительно считаете, что я хочу заработать деньги на славе профессора и признании его работы мировой общественностью? Так вот, Я ОФИЦИАЛЬНО ЗАЯВЛЯЮ, что отказываюсь от участия в создании какого бы там ни было фонда и не хочу заниматься данным, с вашей точки зрения, бизнесом. Я и не начинал еще заниматься этим делом всерьез, а лишь осмысливал свои возможности и связи, но после Вашего письма я наотрез отказываюсь от данного проекта. Свое слово, данное профессору, я сдержу и оповещу весь мир о том, что он делает, переведу и опубликую его книги на английском и испанском языках, но на этом остановлюсь. МЕНЯ АБСОЛЮТНО НЕ ИНТЕРЕСУЮТ ДЕНЬГИ после пережитой мною потери здоровья, семьи, сына, квартиры, профессии и т.д. и т.п., но не сохраненного достоинства, которое Вы у меня пытаетесь отнять. Я, по-моему, являюсь последним из могикиан, который после ДЕСЯТИ лет лечения в вашей клинике по-прежнему верит в профессора и продолжает бороться за свою жизнь. Я обрел взамен любовь и

уважение женщины, с которой Вы знакомы, и не собираюсь променивать их на деньги, даже если Вы и найдете формулу для того, чтобы отказать мне в дальнейшем лечении в клинике. Но мне уже ВСЕ РАВНО, так как об этом и о Вас узнает весь «благоразумный мир».

Подустал он что-то. Слишком многое на него свалилось враз. Хотя обмен депешами и прекратился на некоторое время, но гонка не прекращалась. Ко всему прочему, он продолжал **о б з в а н и в а т ь** и «обмыливать» (электронную почту, как и все, давно называл «мылом») испанские, латиноамериканские и англоязычные издательства во всем мире, представляя на рассмотрение редакционных советов отдельные главы переводимых им книг профессора. Да к тому же готовился к операции.

Еще несколько лет назад он обратил внимание на подозрительные изменения в своем теле. При явных, хотя и крайне медленных улучшениях он стал сильно заваливаться на правый бок. Это и раньше случалось, ведь после проведенной в Испании оперативной стабилизации позвоночника и медвежьей лежки на мягком матрасе у него развился сколиоз. В принципе это не очень ему мешало: Дима посоветовал подкладывать под правую стопу ортопедическую

планку, чтобы компенсировать недостающую длину ноги. Он так и сделал, но в последнее время ощущал не только дискомфорт в балансе, то есть в удержании равновесия, но и часто слышал странные звуки в спине: крик-крик.

Профессор, узнав об этом, направил его на МРТ. И, когда пришли снимки, сказал:

– Я бы посоветовал убрать с позвоночника металлическую конструкцию, это она вам мешает. Ее вообще необходимо было извлечь, спустя год после операции. Не понимаю, почему этого не сделали.

Зато он понимал. Но не стал вдаваться в подробности. В памяти лишь всплыла ухмылка Стаса: «Потому что эмигрант?»

– И вы думаете, что это возможно сделать сейчас, после стольких лет?

– Это необходимо сделать. Поймите, любое чужеродное тело надо вытаскивать из организма, потому что его присутствие там идет вразрез с самой природой.

– И что для этого нужно?

– Необходимы снимки и техническое описание системы, чтобы определить тип винтов и подобрать нужные гаечные ключи.

– А кто это сделает? В Испании никто и разговаривать со мной не хочет, ссылаясь на дав-

ность лет.

– Есть такой человек. Пышкин. Он лучший, других таких нет.

Глава 8.

Перед операцией

Пышкина он знал лично, они уже встречались, но мельком. Раньше Пышкин работал у профессора в клинике, но потом ушел в очень известный московский госпиталь.

Теперь он каждый день, как солдат на вахте, по нескольку раз звонил Пышкину на личный мобильный телефон, номер которого ему любезно дал профессор, но тот не отвечал. Тогда он решил звонить в госпиталь, где знаменитый нейрохирург работал. Какой-то личный ассистент Пышкина постоянно бубнил ему, что того нет. То он в отъезде, то на операции, то занят с другими посетителями либо пациентами. Продолжалось это более месяца.

«Да не может такого быть, он что, в воздухе растворился? При его то весе, прямо под фамилию, это, скажем так, несколько затруднительно», – шутил он про себя. Но нетерпение и злоба накапливались.

– Здравствуйте, это опять вам из Испании звонят, вернее, звоню. Я...

– Пышкина сегодня не будет целый день.

– А когда он наконец будет?

– Не могу сказать точно. Позвоните завтра.

– Скажите, к нему можно записаться на прием?

– Да, конечно, заведующий нейрохирургическим отделением принимает по пятницам с одиннадцати до двенадцати ноль-ноль.

– Тогда запишите меня на ближайшую пятницу.

– Вы же говорили, что в Испании живете...

– Я НА ЛИЧНОМ САМОЛЕТЕ ПРИЛЕЧУ!

На следующий день после этой запарки ему позвонил Пышкин. Принес извинения, расспросил про симптомы, попросил выслать МРТ и невозмутимо заверил, что больше ничего не нужно.

– Но ведь надо «определить тип винтов и подобрать нужные гаечные ключи»... – повторил он фразу профессора.

– В о т в а с «откроем», определим и подберем. У нас есть все существующие на данный момент в мире хирургические инструменты, необходимые для вашей операции. Записывайтесь на январь и приезжайте.

«Н-да, спокойный как удав, – подумал он. – Ну что ж, опять в Москву через месяц».

Поехал он на операцию не через месяц, а через два. Причин было много – гонка продолжалась. Рыжий Клайв оказался таким же настырным, как и он сам. Сварганил пресс-релиз, перевел его на английский язык, потом переделал его

несколько раз, следуя указаниям профессора, украсил фотографиями, схемами, ссылками и сносками. Надо было начинать рекламную кампанию. И они опять ринулись в бой. С журналистами разговаривать трудно, особенно с известными, из знаменитых СМИ. Как, например, BBC News. Хитрые они, всегда страхуются.

Поэтому он решил взять Клайва с собой в Москву. Чтобы снять на камеру интервью с профессором, пациентами, врачами и подготовить полноценный репортаж о клинике. Клайв с энтузиазмом начал готовиться к поездке: закупил видеокамеру, смотался в Англию для получения визы, оформил билет на совместный с ним рейс.

К тому же он записался на прием в администрацию президента России. Через интернет, написав на имя президента письмо, в котором говорил:

«Уважаемый Владимир Владимирович!

Я обратился к Вам с личным письмом, на которое получил ответ за исходящим номером А26-02-122385291 от 10.12.2014, в котором мне предложили изложить суть вопросов, которые я хотел бы поставить в ходе личного приема и записаться на прием к одному из уполномоченных лиц из Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан, что я и сделал.

Личный прием назначен на 7 февраля 2015 года в кабинете 204 в 12:00. Суть обсуждения: оказание государственной поддержки клинике, в которой я прохожу лечение на протяжении последних 10 лет, в практическом применении технологии терапии стволовыми клетками под названием «Дистанционная мультиволновая радионейроинженерия головного и спинного мозга человека».

Приближались праздники: Рождество и Новый год. Тут и началась полоса неудач, которые посыпались на него со всех сторон. Сначала любимая жена-подруга упала на улице и повредила колено. Разрыв мениска. Тоже нужна операция. В Москву ехать не с кем. Сам он передвигаться на коляске так и не приспособился. Нужен помощник. Друзей у него в Испании не осталось. Кого попросить о помощи? Он затосковал не на шутку.

Выручила, как всегда, уже сильно постаревшая, семидесятишестилетняя мама-сестра-дочка. Когда эта поездка закончилась, он сказал ей то ли в шутку, то ли всерьез, как всегда: «Мама, а ведь ты совершила настоящий подвиг. Срочно закажу мраморный памятник. Когда тебя не станет, буду ходатайствовать, чтобы его установили в этом городе, на площади Испании».

Она сильно сдала в последнее время: и сноровка была уже не та, и горбиться начала.

Глава 9.

Снежный ком

Забавно, смешно и чуть больно вспоминать события, произошедшие позже. Человеку с устойчивой психикой и развитым чувством юмора свойственно оглядываться назад с улыбкой. Но тогда хотелось плакать. Ницше говорил: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее». Эту формулу он часто примерял на себя – другого выхода не видел. Жизнь стала походить на задрипанную комедию с элементами штампованного фильма ужасов.

Он так добрался до Москвы. С мамой-сестрой-дочкой и Клайвом, который смотрел на открывавшиеся перед ним просторы и людей с неподдельным интересом и удивлением. Встретил их Петя и повез в гостиницу, находившуюся недалеко от профессорской клиники. В самом начале он хотел поселиться с Клайвом на неделю прямо в клинике. Так было бы гораздо удобнее, но – странное дело – свободных мест не оказалось. Видимо, неподалече маячила тень Эммы. Смеяться, чтобы не плакать, они все вместе – он, седая мать, рыжий Клайв и Петя – начали сразу, как только заехал и по дороге в банк, чтобы обменять валюту. Дело обстояло ночью. Он сам этого наблюдать не мог:

остался ждать в машине. Но Петя и Клайв рассказывали очень живописно. За окошком обменного пункта сидела полнехонькая дамочка и жевала вареную курицу. Курица лежала рядом и отстегивалась большими жирными ломтями в рот банковской работнице. Петя попросил произвести обмен валюты. У Клайва истребовали паспорт, долго его изучали, сверяли фотографию со стоявшим напротив испуганным оригиналом. В конце концов, протянули пачку денег и вернулись к прежнему занятию – поеданию оставшегося лакомства. Клайв принялся пересчитывать незнакомые ему денежные знаки и сверяться с квитанцией. Глас был утробным, пронизывающим насквозь:

– А чаго это он деньги перышитывает?

– Девушка, он же иностранец. И клиент, кстати, – вступился Петя.

– А-а-а... – только и нашла что сказать дамочка.

Уже в машине Петя долго пытался объяснить ополоумевшему Клайву, что дамочка наверняка и живет в этой камерке в награду за ночную работу. Клайв не верил, принимал все за шутку и смеялся.

Дальше – больше. Гостиница напрямую общалась с клиникой профессора через какие-то казематные проходы и лифты, потому что оба здания находились на тер-

ритории огромного медицинского комплекса старой постройки. И вот у одного из лифтов, перед входом их остановила пожилая женщина и командирским голосом спросила:

– На какой этаж?

Они ответили.

– Осторожно проезжайте с коляской. Пол мне не попортите!

Они вошли, поднимались медленно и долго. За это время Клайв с видом исследователя морских глубин рассматривал плакатики, развешанные по стенкам огромного, сталинских времен лифта, обратил внимание на ажурную шторку и украдкой заглянул за нее. За шторкой стояла кровать, а рядом столик-тумбочка.

Когда они выходили, Клайв церемонно распрощался с хозяйкой передвигающегося жилища.

– Петя был прав... – выдавил он из себя.

В клинике их встретили настороженно. Сообщили, что профессор приболел, и попросили заглянуть на следующий день. Подошел Леша.

Леша был массажистом. К работе относился очень серьезно и увлеченно. Открытый юноша, интересующий всем новым, он любил поговорить и с радостью откликался на проявленное к нему внимание. Дима Лешу хвалил и старался курить. Они поздоровались за руку как старые друзья. К тому моменту у них сложились по

-настоящему теплые отношения.

– Слушай, я ничего не понимаю, но нам намекнули, чтобы мы с тобой особо не контактировали, – сообщил Леша чуть ли не шепотом и оглядываясь по сторонам.

Интервью с профессором они сняли на следующий день. Снимали долго: профессора было не остановить. С появлением босса все в клинике преобразилось. К ним стали относиться подчеркнуто внимательно, все старались помочь. Эммы и след простыл. Накануне она отказалась их принимать. Клайв воспрял. Рыжий таракан куда-то подевался, и в кабинет профессора вошел английский денди с кинокамерой через плечо. Когда профессор увлекался, опытный Клайв задавал наводящие вопросы, ненавязчиво возвращая разговор в нужное ему русло, затем переспрашивал, просил повторить и обобщить в более сжатой форме, вежливо объяснял, что все это необходимо для более убедительной компоновки интервью. Затем, уже выключив камеру на время небольшого перерыва, начал подводить беседу к очень волнующему их вопросу:

– Глубокоуважаемый господин профессор, я уверен, что западные журналисты, специализирующиеся на медицинской теме в ее научном аспекте и ее популяризированной подаче в ново-

стных колонках средств массовой информации, глубоко заинтересуются вашей новой методикой лечения поврежденной нервной ткани человека. Ведь это открывает путь к кардинальному изменению современной медицины вообще и успешному излечению таких сложных заболеваний, как травма моего друга, – Клайв элегантно отточенным жестом указал на него, сидящего рядом в своей инвалидной коляске.

– Несомненно должна заинтересовать. И я на это очень надеюсь.

– Интерес уже возник, и немалый. В частности, после проведенной подготовительной работы нам удалось выйти на BBC News, и там готовы запустить в оборот ваш пресс-релиз, но необходимо доказать наличие данной практики со всеми необходимыми для этого официальными разрешениями.

– Они существуют, и я вам их предоставляю.

– Вы говорили, что существует и патент... – вставил свое слово он, опережая Клайва.

– Дело осталось за окончательным его утверждением.

Здесь англичанин и он, сидевший рядом, переглянулись. Клайв несколько приподнял тараканьи брови, но сдержался и продолжил:

– Особенно нас, вернее сказать, их – журналистов из BBC News – интересуют ваши науч-

ные публикации о данной технологии в солидных медицинских изданиях. Именно это и послужило бы им страховкой и гарантией на старте.

– Все описано в этой книге, переводом и публикацией которой занимается ваш друг и мой пациент.

– Да, но я имел в виду публикации в научных журналах.

– В российских есть, в иностранных – только в Китае и Индии.

– Боюсь, что этого будет недостаточно.

Вдруг раздался громкий храп. Возникла натянутая пауза. Бедная мама-сестра-дочка, сидевшая на диване старушка, не выдержала прений и уснула. Она-то знала, что раньше профессор утверждал совершенно обратное и уверял, что все готово, дело лишь за ними. Потом он часто вспоминал этот момент и говорил про себя: «А мама у меня – очень мудрая женщина...»

Разговор между тем возобновился. Решили, что профессор подготовит научную статью, а они будут продвигать ее публикацию. Говорили еще о необходимости усовершенствования веб-сайта клиники, смены логотипа, подготовки личной страницы профессора для «Википедии», создания блога, пропаганды через социальные и профессиональные сети, и так далее.

Снежный ком по-

несся дальше. Они опять засиживались в гостинице допоздна, обсуждали собранные материалы, строили планы на будущее. Иногда в свободное от работы время к ним заходили Дима и Леша. Они, как партизаны, проникали в гостиницу и помогали, чем могли. Дима еще и умудрялся позаниматься с ним немного.

Но он начал беспокоиться. Деньги стали заканчиваться. Надо было что-то делать.

– Слушай, а почему бы тебе не поговорить напрямую с профессором?

– Мы изначально договорились о том, что, пока проект не выйдет на этап прибыли, все затраты я возьму на себя, по крайней мере свои собственные затраты. И Эмма мне об этом напомнила.

– Но ведь речь сейчас идет не о проекте, а о твоей предстоящей операции у Пышкина. И потом, ты же сам говорил, что уже практически договорился с одним из издательств о публикации книги профессора. И перевод на английский язык отредактировал твой переводчик – носитель языка.

– Да, Клайв, это правда. И кстати, профессор обещал передать мне свои авторские права. Черт, это идея!

На следующий день он уединился с профессором в его личном кабинете. Рассказал о своем предстоящем визите в администрацию президента России. Профессор на-

стороженно взметнул брови:

– Вы что, с ума сошли?

– Может, и сошел, но я это сделаю. И ведь меня будет принимать не сам президент.

– Не думаю, что это сработает. Мы уже много раз обращались за помощью, и нас всегда отфутболивали в министерство здравоохранения. А потом лишь проверочные комиссии и досуговые разбирательства.

– Одно дело, когда о помощи ходатайствует клиника, а другое – когда обращается пациент на инвалидной коляске, прилетевший из Испании.

– А вы гражданин России?

– Да.

– Это меняет дело, стоит попробовать.

Они обсудили все детали, связанные с данной миссией, разжевали все возможные подводные камни. Однако когда речь зашла о больном вопросе, на лице у знаменитого ученого появилась напряженная гримаса. Казалось, он пытался вспомнить – глаза сузились. Потом кивнул и сказал, что они вернутся к этой теме непосредственно перед публикацией.

Первый удар под дых был нанесен. Он схватил его на лету. В голове дурачки зазвучала популярная в его юности песня группы ABBA: «Money-money-money...»

В поисках денег для операции он связался

с однокашником и начальником Пети. Валерий рос вместе с Петей и его лучшим другом Сергеем в интернате для одаренных детей. Сергей стал довольно известным художником. А Валера – архитектором. В далекие 90-е метнулся в Москву, создал собственную фирму и начал строить и оформлять квартиры и особняки новым русским. Перетащил к себе Петю.

Так он с Валерой и познакомился. Они иногда пересекались в Москве в постоянных его наездах в столицу. Парень проникся его положением, иногда помогал транспортом и однажды даже попытался помочь всерьез. Но вышло плохо. Сидел он как-то у себя в палате, уткнувшись в компьютер. Раздался звонок в Скайпе.

– Привет, Валера! Не ожидал тебя услышать.

– Слушай, я вот тут подумал, это сколько же лет ты к нам в гости едешь, а всё никак. Может, стоит что-то другое попробовать, м-м-м... альтернативное?

Настроение у него тогда было внизу. Случилось это как раз после полугодовой депрессии.

– Я и сам уже об этом думал. По-моему, я даже к бабушке-шепталке готов теперь поехать.

– Понимаешь, у меня тоже были проблемы со спиной, и после походов и подходов к раз-

ным врачам я обратился к одному... м-м-м... лесному человеку. Мне он помог. Могу позвонить, договориться.

Он согласился. К стыду своему, теперешнему. Выехали они под вечер, после того как он закончил со всеми процедурами в клинике. Добирались долго: обычные для Москвы пробки не давали шикарному джипу Валеры разогнаться. Выехали за город, пересекли какой-то дачный поселок и стали углубляться в лес. Рядом сидела любимая подруга. Лицо ее начало темнеть вместе с солнечным светом. А у него самого отчего-то потемнело на душе. Когда они подъехали к полуразваленной лачуге, напоминавшей избушку Бабы Яги, перестал шутить даже Петя – и вызвался помогать. Ведь обратиться и забраться в джип ему, с его инвалидной коляской, стоило немалых трудов, а у Валеры болела спина. Кое-как выбрались и с трудом всунулись в подозрительное помещение. Внутри было темно, в углу стояла лишь газовая горелка, бросающая таинственные блики на лицо хозяина – сморщенного мужчинку, лицо которого напоминало консервную банку из-под кильки, но излучало потустороннюю мудрость. Звучала какая-то идиотская загробная музыка.

Он все сразу понял. Но решил выдержать до конца: Валеру обижать не хотелось. Парень все-

таки искренне пытался помочь, хоть и с новорусским апломбом. Сказал об этом подруге на испанском языке, та стиснула скулы и кивнула.

Мужичок встал напротив. Приказал всем молчать, прикрепил к стене зеркальце, сфокусировал его на лице бедолагинвалида и стал того ощупывать. Затем позвал еще одного хмыря-помощника, торжественно объявил, что это сканер, что теперь надо смотреть на него, и стал выдавать диагностические заключения:

– А левая сторона гораздо сильнее правой, вот она как напрягается и отвечает. Сигнал есть, и он проходит, вот видишь, как идет.

Он открыл рот, хотел ответить, что это просто обыкновенный в его случае спазм, а никакой не сигнал. Лесной человек не позволил ему ничего сказать и продолжал:

– Говорить здесь буду только я. О, как тебя закармлили таблетками знаменитые врачи! Сигнал справа заторможен, но разбудить можем, если работать будешь и строго следовать моим указаниям!

Длилось это довольно долго. Еще ощупывания, приказы прячь тот или иной мускул, вопросы о чувствительности, разглагольствования о силе духа и необходимости огромного желания встать и пойти.

Подруга подавала

ему знаки незаметными жестами. Петя впал в ступор.

Первым не выдержал собственно Валера:

– Послушайте, может, все-таки перейдем к делу?

– А я чем, повашему, занимаюсь?

И тут, что называется, Остапа понесло.

– Да я сейчас точно встану и пойду, мудака, чтобы тебе челюсти переломать, а сканеру твоему все ребра перечислить!

Барыги побледнели, потом позеленели, когда услышали продолжение его взрыва.

– В полицию позвоню сейчас же и прикрою вашу шарашкину контору, ты у меня в тюрьме сканировать будешь, ублюдок, если сейчас же не затащишь меня в джип! – зарычал он на хмыря-помощника, который сразу принял форму эмбриона, как-то сжался и быстро-быстро закивал.

– О наконец-то! Я думала он тебя загипнотизировал, – радостно вскрикнула любимая. – Как же ты меня напугал! Пойдем отсюда поскорее.

С Валерой они с тех пор не виделись. Но деваться было некуда, и он позвонил, попросил в долг. Валера не отказал. Потом позвонил в Белоруссию Сергею, еще немного наскреб.

Автор: Владимир Хомичук

Адаптированный под современность

Толстый плюгавый человек перерезал ленточку, и всё вокруг взорвалось аплодисментами. Засверкали вспышки, в воздухе мелькнули две брошенные шапки, несколько голов выкрикнуло что-то восторженное, и всё стихло. Замерло даже жиденькое небо, приняв в себя этот порыв, и в недоумении остановившись. Зачем собрались эти люди? Что им нужно? И почему толстячок так мерзко улыбается?

- Ура, товарищи! – с надрывом крикнул он, и тут же к нему подбежал ассистент, чтобы забрать ножницы.

И вновь народ хлопал, сильно, громко, но непродолжительно, не в порыве чувств, а потому, что надо. Даже по звукам аплодисментов можно понять, что начал хлопать кто-то один, и только потом включались все остальные, совсем как по команде.

Сонно-унылое зрелище.

Толстячок усыплял и так скучающий народ, говоря о знаковом событии – установке памятника лучшему жителю города. Ведь все должны знать, кто не жалея себя отдал душу обществу, положил все свои

силы на дело становления гражданственности, на духовные скрепы нашего великого государства. Канцелярские формулировки, они так и сыпались на площадь, как снег под ноги согнанной сюда толпе. А небо всё ещё не могло оправиться от недоумения, и стыдливо остановилось, пропуская сквозь себя яркое солнце.

Сонно-унылое зрелище.

И вот представили сам памятник – гранитный камень с вмурованной табличкой, где значилось, что Курочкина Вера Павловна лучший житель города. Выглядел он не помпезно, без какой-либо претенциозности, что никак не соответствовало размаху и торжественности церемонии. Но никого это не смущало, все думали о чём угодно, только не о памятнике. Да и кому он сдался, кроме местной администрации и этой Курочкиной?

Сонно-унылое зрелище.

А толстячок-то разошёлся! Он говорил и говорил, всё больше надсаживая голос, извергая весь запас своей лексики в толпу. Совсем не повезло первым рядам, потому что до некоторых даже долетали слюни оратора,

настолько тот старался, от натуги даже покраснев. Это был его бенефис, его звёздный час, и он точно не собирался отдавать микрофон так быстро.

Ужасное зрелище, погружающее в сон.

Но регламент поджимал, ещё нужно дать слово самой Курочкиной, на чью долю выпала честь иметь памятник при жизни. Как же, памятник поставили, а высказаться не дали? Вот и ассистент опять появился, незаметно тронул толстячка за руки, и жестами постарался убедить его закончить. Сделать это сразу не удалось – он то и дело отстранялся, отмахивался от надоедливой помощника, но настойчивость и целеустремлённость взяли верх. Микрофон переключал из рук оратора в старческие женские ладони самой Курочкиной, которую торжественно вывели на всеобщее обозрение.

- Ура, товарищи! – так же надсадно прокричала она, механически поправляя свою седую шевелюру, и в ответ толпа опять рукоплескала.

Но уже не было так скучно, как вначале, потому что виновница торжества сама по себе

была забавной особой. Она до неприличия на-
красилась, одела самоё
пёстрое платье, и своей
нелепой мимикой могла
вызвать улыбку даже у
самых скучающих зевак.
И это прочувствовали все
в толпе, оживились и за-
двигались, ожидая чего-
то нестандартного. Даже
небо побежало чуточку
быстрее, хоть и осталось
настороженным и безра-
достным.

- Я очень благодар-
на нашей администрации
за всё! – вещала Курочки-
на, сильно картавя. – Мне
всегда казалось, что пра-
вильная жизнь должна
быть чем-то обычным, и
ставить памятники тем,
кто старается быть полез-
ным обществу, не следу-
ет. Ведь это нормальное
человеческое стремление
– помогать ближним. –
было абсолютно понятно,
что Вера Павловна читала
заранее заученный текст.
– Но в наше время, когда
люди утратили элемен-
тарные нормы общежи-
тия, стали холодными и
равнодушными, а главное
– расчётливыми в своей
корысти...

Она сделала паузу,
видимо собираясь с ду-
хом, а я не выдержал и
засмеялся во весь голос.
Громче, чем было допус-
тимо на таких мероприя-
тиях. И неуместно, как
минимум, по мнению
всех, кто обернулся и с
негодованием посмотрел
на меня. Остановилась
даже Курочкина, и откуда
-то издалека сверкнули
гневные очи толстячка. А

я не мог ничего с собой
поделать, всё смеялся и
смеялся, пока на меня не
зашикали со всех сторон.

- Извините – толь-
ко и смог выдавить я, изо
всех сил сдерживаясь,
чтобы снова не хохот-
нуть.

Ох, если бы они
все знали, сколько на са-
мом деле выделили денег
на установку памятника,
сколько из них было за-
п л а ч е н о ф и р м е -
установщику, а какая
часть (несомненно, боль-
шая) превратилась в не-
большую сумку для тол-
стого плюгавого человек-
ка, набитую сами знаете
чем. И что чествование
пенсионерки – всего
лишь предлог, притяну-
тая за уши статья расхода
областного бюджета.
Притом очень и очень не-
маленькая. А фальшивый
праздник с комическим
чествованием – ширма и
никому не нужная бута-
фория.

А смешно мне ста-
ло потому, что я увидел,
сколько серьёзности было
в лице Курочкиной, и на-
сколько она ликовала,
упивалась этим мигом.
Ох, что бы с ней случилось,
расскажи ей это кто-
нибудь...

И вопреки регла-
менту, я развернулся и
зашагал прочь, просачи-
ваясь сквозь толпу. Мне
не хочется видеть это бе-
зумие. Мне не заплатили
денег, как всей этой мас-
совке. Я волен делать всё,
что угодно, потому что
самолично организовал
здесь всё.

Я – менеджер
«Общественной мемори-
альной компании», ко-
мандировочный специа-
лист для оформления кло-
унады с памятником. И,
судя по всему, это далеко
не последний мой вояж в
турне, которое приуроче-
но к программе поощре-
ния гражданской актив-
ности «Лучший житель
города».

Я больше не хочу
ничего о себе рассказы-
вать. Кроме того, что мне
по-настоящему стыдно. И
смех всё-таки был не ве-
сёлым, а нервным и исте-
ричным. Это отчаяние. Я
– винтик в механизме,
который вращает колёса
машины, перекачиваю-
щей государственные
деньги в частные карма-
ны. И я получаю за это
зарплату и ежекварталь-
ные премии, а также оп-
лачиваемый отпуск и по-
лис Добровольного Ме-
дицинского Страхования.

И не могу ничего
изменить. Поверьте на
слово. Обстоятельства
сильнее человека, в них
оказавшегося.

И запомните – это
не исповедь, я не ищущу
сочувствия или понимаю-
щих кивков. Когда пи-
шешь – проще разобрать-
ся и в себе, анализиро-
вать, притупить душев-
ную боль, как бы взгля-
нув на себя отрешённо, со
сторон.

Я просто хочу всё
проговорить на бумаге, с
самого начала.

**Автор: Вячеслав
Гаврилов**

История одного андрогина

Лондон
1990 год

Планы Малколма свершились. Он устроил выставку своих работ в январе нового десятилетия. И эта выставка привлекла достаточно внимания для того, чтобы говорить о каком-либо потенциале.

Им с Евой удалось насобирать денег. Теперь 47 фотокартин украшали галерею, на 20-ти из них была Ева. Она была центром всей концепции Малколма. Каждое произведение поражало посетителей своей новизной. Некоторые из представленных работ были еще с прошлых времен, но они никак не выпадали из концепции Маринелли.

Эти несколько фотографий будто рождались из чего-то черного и абстрактного, будто они были началом всего и рождали некий образ, силуэт. Сначала это было чем-то непонятным. Размытые края, гаусс, рябь, все темное. Лишь несколько линий вырисовывали безликий силуэт. Что-то гуманоидное в абстракции экспрессий. Затем, вдруг, возникали люди. Их изображения были четкими, но однотипными. Какое отношение имеют эти мужчины и женщины к

данной концепции? В них преобладает реализм. И он приводит зрителя к образу Евы Адамс, которая и занимает следующие 20 фотополотен.

Каждое следующее полотно – это эволюция ее образа. Кто эта девушка? Она такая естественная. Будто вовсе юная девственница, совершенно чиста от любого порока. Вовсе светлая. Ее взгляд был умиленным. Он все больше адаптировался во внешней обстановке, которая все больше становилась видимой и полнела по себе.

Со временем начинает казаться, будто перед зрителем предстает все же парень. Все спутали его с девушкой из-за длинных, светлых, прямых волос. А как же! Они так харизматично прикрыли его лоб и скулы, что кроме лица ничего не было. Ничего лишнего. Это мужской, естественный взгляд, без какого-либо макияжа. Он тверд и он уверен. А как он пьет из бутылки! А как он сексуально курит! Вероятней всего, в его тумбочке лежит пачка презервативов и он готов заняться бомбезным сексом с каждым из зрителей прямо сейчас. Будет это парень или девушка. Все равно. Казалось, будто перед этим существом не

устоит ни один из представителей обоих полов. Но что он делает дальше? Он подходит к зеркалу и смотрит на себя, милуясь. Становится очевидно, что это девушка. Из-под ее облегающей белой майки выступает небольшая грудь, соски которой впились в эту майку. Такие твердые и ледяные. Это девушка, наверняка!

Теперь она достает косметичку и начинает красить свое невинно чистое лицо. Она красит губы красной помадой, пудрит нос, подводит глаза черным карандашом. Будто не было мужчины. Где вы видели его? Эта загадочная девушка, которая совсем недавно была парнем, утрет нос любой признанной красавице – сколько силы в ее взгляде, жестах, красоте. Ее черные облегающие штаны начинают вводить в ступор всех внимающих и сводить с ума. Что происходит?

Приходит вторая девушка. Это точно девушка! Бесполое существо начинает ее целовать. Так страстно и так нежно. Она полностью покоряется чарам нашей героини. Проходит ночь, и утром она уходит. Знакомый для зрителей образ просыпается с щетиной на лице и в желтом платье. И вдруг

образ исчезает. Куда он делся? Следующие картины размышляют вместе с нами.

Алкоголь, сигареты, беспорядочный секс. Тусклый свет, яркие цвета, утро, ночь, бардак в отеле. Вещи на полу – и мужские и женские. Вроде бы становится все ясно. Но не бред все это? Юноша с грудью или девушка с щетиной? Кто оно? Что это за создание без пола? Все это рождает все больше идей.

Евы больше нет. Теперь здесь Афродита. Это она была в начале, в первых снимках. Еще пару фотокартин – Гермес. Это отец. Он предпоследний в этом мире. Последней предстает Ева. Теперь понятно, кто она есть. Ребенок греческих богов, ребенок Афродиты и Гермеса. Ева – Гермафродит.

Все те, кто понимали это, были в изумлении от столь неординарной идеи в разножанровых представлениях Маринелли. Фотохудожник заложил образ мифического Гермафродита на Земле, в человеке, в обществе. И это был фурор.

Пресса не миновала данный факт. По лондонским телеканалам стали транслировать новость, которая была лишь стартом в этой новой эре искусства, создаваемого Маринелли.

- Это не ново. Но именно сейчас андрогин может покорить мир, как когда-то, в Древнем Мире, – говорил Маринелли

журналистам.

Он добился своего. Он привлек внимание к себе и своей выставке. Различные специалисты в сфере аукционов стали измерять данную концепцию сотнями тысячами фунтов стерлингов. И это превозносило Малколма до седьмых небес. Наконец-то его признали. Наконец-то, его имя у всех на языке. Но не менее чем самим Маринелли, люди интересовались той самой загадочной персоной на большинстве его полотен. Кто эта девушка? Либо она – гермафродит? У нее уникальная внешность. Бесполой потомок богов.

Сама Ева присутствовала на выставке в день ее открытия. Она даже позвала с собой Астрид, чтобы и та посмотрела. Так же она звонила Генриху и приглашала его. Тот с вечными проблемами со свободным временем еле нашел для себя пару часов, дабы прилететь в Лондон ради такого повода. И им повезло. Ведь в первый день не было того безумия, что начало твориться дальше.

У всех началась «болезнь» по внешности Евы Адамс. Кто-то называл ее богочеловеком на земле, то есть тем самым Гермафродитом, кто-то опровергал ее истинность и мнимый, наигранный образ. Но все говорили только о ней. Даже Генрих узнал об истинном гермафродитизме Евы только сейчас (что знали до этого лишь Астрид и

Малколм). Теперь Ева не скрывала этого. Она гордилась собой.

Ева чувствовала, что ей пора раскрыться. Невероятно удачные фотоснимки Малколма были лишь тому подтверждением. Никто не видел такого до них. Ева настаивала Малколму говорить все, как есть: она гермафродит, сирота и прочее. И СМИ тянулись к этой творческой чете. То, что она так долго скрывала, наконец, должно было стать ее главным достоинством. Единственное, о чем она не могла поведавать, так это о том, что знала лишь ее лучшая подруга.

Для Лондона стало обыденным разговаривать о Еве Адамс. Это продолжалось месяц, не стихая. После волны панка, глэм-рока и готики Англия жаждала чего-то нового и столь необычного. И это «новое» народ нашел в Еве Адамс. Она не была сценичным образом или субкультурой. Она была отдельным миром. Никто никогда ни о ком не говорил так со времен Ziggy Stardust Дэвида Боуи. И Еву тешили такие сравнения. Ей нравилась роль мессии в собственном видении мира. Но она знала, что в отличие от краше-ных глэм-рокеров она берет естественностью в образе, невинной бесполостью.

Все газеты пестрили бесполоыми первыми страницами, как то: «Пришествие Гермафро-

дита», или «Малколм Маринелли открыл миру Гермафродита», или «Кто такая Ева Адамс? Банальный фейк, или богочеловек на земле?». Все эти названия невероятно веселили Еву и внушали ей оптимизм.

Когда работы Малколма приобрели за сказочные деньги, ему досталось 150 000 фунтов стерлингов. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым. Ева была на седьмом небе от счастья, когда ее пригласили на один из местных телеканалов, так как СМИ уже не могли терпеть интригу Евы Адамс.

Они с Малколмом пошли делать покупки в лучшие бутики Лондона. Первое, что купила себе Ева, так это леопардовую шубу, в которой она и явилась в телестудию. Малколм рассчитался с долгами, выплатил кредит, и так же приоделся, чтобы подчеркивать свой статус свежее испеченной знаменитости. Он был без ума от бежевых пиджаков, и он не мог не приобрести себе подобного. Одевшись не беднее Евы, Малколм примкнул к Еве в телестудию, так как его там тоже ждали.

Это случилось в канун дня всех влюбленных, в одной из ежедневных женских передач, которых было пруд пруди на местных телеканалах Лондона. Но все сегодня смотрели только эту передачу. Ева Адамс была впервые в эфире.

Некая брюнетка среднего возраста, со стрижкой каре, в синем деловом пиджаке представляла собой телеведущую. Она сидела справа от телезрителей, лицом к огромному дивану, на котором располагались герои сегодняшней телепередачи.

Ева до сих пор пыталась адаптироваться к столь резкому вниманию к своей персоне. «Неужели это со мной?» - думала она, пытаясь отлично держаться в кадре, держа все в своей голове. Малколм, как всегда, не любил снимать свои солнцезащитные очки (особенно, последним временем) и сидел так, широко расставив ноги, низко отперевшись на спинку дивана, делая вид абсолютной невозмутимости.

- Приветствую вас, мои дорогие гости! Напоминаю телезрителям, что сегодня у нас в гостях культурный бум и его творец: Ева Адамс и Малколм Маринелли! - начала телеведущая. - Наконец-то вы решились на открытый разговор, ребята! Вы так на шумели этой зимой!

- Ахах... да! - произнес Малколм, потирая свою щетинистую бородку на лице.

- Насколько я знаю, ваши фотографии в общей сумме оценили в пять нулей. Это очень дорого! - говорила телеведущая.

- Совершенно вер-

но, - кратко говорил Малколм.

- Это прорыв!

- Вполне. Я извечно бедный фотохудожник даже не рассчитывал на подобный успех. И я бы не добился этого без помощи моего физического воплощения музы - Евы. Когда мы только познакомились с ней, у меня были лишь планы. Теперь я вижу лишь результаты, - разговорился Малколм.

- То есть, вы признаете, что Ева напрямую повлияла на ход вашей карьеры?

- Безусловно!

Ева немного смутилась в этот момент. Единственное, что она могла сделать, так это улыбнуться. Как человек вежливый. В глубине у нее была неимоверная гордость за саму себя.

- Ева. Всех волнует один и тот же вопрос, который возник почти сразу - вы истинный гермафродит, или это всего лишь образ, концепция, замысел? - обратилась к Еве телеведущая.

Ева зная, что будет говорить много, вздохнула, перед тем, как начать свою речь:

- Да. Я - гермафродит. Это довольно редкое биологическое явление у людей. Но это не значит, что его не бывает, или люди, которые имеют это - изгои. Нет. Ни в коем случае! Признаюсь честно, раньше я стеснялась всего этого. Я пыталась скрыть свою истинную биологию. Все время бы-

ло легче притворяться девчонкой, чем объяснять то, почему ты не такой как все. Но в один момент я осознала, что хватит скрывать то, кто ты есть на самом деле. Пусть говорят тебе в спину или в лицо, пусть показывают пальцем, насмеются или жалеют. Главное – не врать самому себе. Мне надоело жить под маской. Пусть люди воспринимают меня такой, какая я есть. Пусть они будут не терпимы к правде. Но лишь благодаря ней можно добиться признания. Я не люблю льстецов! Все они лживы! Лишь правда дает шанс на успех.

Ева будто выговорила, но ей хотелось говорить еще. Телеведущая, под впечатлением отличных риторических способностей Евы, все больше хотела продолжать беседу с ней, заглядывая Еве в рот.

- Многие отмечают вашу естественность на фотоснимках. Сохранились ли ваши фотографии с детства? Вы были столь красивы в детстве? На кого вы были больше похожи – на мальчика, или на девочку? Пока у вас не обнаружилась данная патология? – спрашивала она у Евы.

- Во-первых. Я не считаю гермафродитизм патологией. Да, я стеснялась этого ранее. Но сейчас я горжусь тем, кто я есть. Великий человек умеет превращать свои недостатки в достоинства. Во-вторых. Социум все-

гда проводит стену между собой и такими как я. И я здесь для того, чтобы изменить все это, – сказала Ева со все большей нарастающей уверенностью в себе.

Малколму нравилось то, что и как говорит Ева. Он одобрительно кивал головой и поглаживал свою милую бородку. Телеведущая, заметив это, сказала шутливым тоном:

- Видно, вы ребята нашли друг друга.

- Нас познакомил наш общий, очень хороший друг. Поговорив буквально десять минут, мы поняли, что отлично сработаемся, – сказала Ева.

- Да. Это было искрометно, – добавил Малколм, своим вечно спокойным, будто задуманным тоном голоса.

- Какова будет ваша следующая выставка? Чему вы ее посвятите? – сказала телеведущая, смотря на Малколма.

- Буду продолжать раскрывать свою идею. Лишать мир его односторонней плоскости. Посредством уникальной внешности Евы можно развеять все границы принятого.

- Кстати, Ева! Много вопросов сводится к возможно неприятной для вас теме. Но все-таки. Какова история вашего этого шрама у левого глаза? Если не секрет, конечно, – улыбочиво спросила телеведущая.

- Получила по заслугам. Мало ли у кого какие шрамы! Такое спра-

шиваете! Как малые дети! – с сарказмом говорила Ева.

- Извините. Просто один источник пишет, что, цитирую: «...шрам добавляет нужной харизмы, какой-то мужской. Словно девушка подралась в баре. Возможно, весь успех зависит от еле заметного шрама на брови?». Что думаете, Ева? Не хотите перевоплотиться в парня?

- Что за бред! Неужели такое пишут в прессе? Они видят гермафродитизм в моей брови, или в шраме? – с сарказмом говорила Ева. - Видно, люди преуспевают в знании искусства. Даже свою работу выполнять толком не могут. А насчет себя – нет. Я еще не думала о маскулинном образе.

- Еве пойдет любой образ. Все зависит от концепции, – добавил Малколм.

- Вы уже видите какие-либо конкретные образы для Евы? Что-то прорисовывается в вашей голове? – обратилась к Малколму телеведущая.

- Да. У меня уже есть парочка на примете, – ответил Малколм.

- Скажете какие?

- Нет. Творческий секрет.

Телеведущая улыбнулась. Она спросила:

- Вы не закреплены контрактом?

- Нет. Я – свободный художник. Ева – свободная модель. Зачем нам это?

- Как это? Вот

представьте себе. Ева на пике славы. Сотни агентов, компаний, модных домов умоляют ее на колених работать на них. Вдруг, она решит покинуть вас? Или этого не будет?

- Нет, – невозмутимо произнес Малколм, чувствуя провокацию в данном вопросе. - Мы нашли друг друга в творчестве. Мы объединены одной идеей. Никакие контракты нас не поссорят, – в последний момент у него вдруг дрогнул голос.

Малколм все же словил себя на мысли, что недостаточно знает Еву для того, чтобы уверенно говорить за нее. И он задумался.

Телеведущая продолжала общаться со своими сегодняшними гостями в прямом эфире. Как Ева, так и Малколм поняли, что эта необразованная баба любит ставить неудобные вопросы, на которые им все меньше хотелось отвечать. В результате, они практически закрылись в беседе. Ева толком так и не рассказала о своем детстве. Малколм вовсе сдулся без всякого вида заинтересованности в беседе. И когда телеведущая сказала, что время телепередачи подходит к концу, это стало для них победным ощущением. Настолько не интересно им стало.

Услышав лишь немногие ответы на народные вопросы, Англия в поиске все больших ответов порождала новые во-

просы. Самыми популярными из них стали: «Детство Евы Адамс покрыто мраком. Почему она ничего не рассказывает?», «Ева Адамс скрывает личные факты своей биографии?». От этого Ева лишь все больше убеждалась в наивности людей. В их инстинктивном желании хлеба и зрелищ. Они хотят все сразу. Она же хотела раскрываться постепенно. Огонь усиливался.

Выйдя из телестудии, она чувствовала опустошенность. Смешанное чувство безразличия и усталости. Лишь факт момента славы подогревал ее удовлетворение внутри. Идя по темной холодной улице, Ева лишь думала о том, как поскорее прийти домой к Астрид и выпасть на кровать с радостным чувством дружеского уюта. Все мысли она хотела оставить на завтра. Ей хотелось поболтать с Астрид, чего она так долго не делала. Возможно, выпить, отметить ее первый эфир на телевидении, поделиться радостью, в конце концов. Она так давно не разговаривала с Астрид. Может быть, в ночь Святого Валентина им удастся порадоваться друг за друга.

Ева не любила этот праздник, ибо считала его глупым и бессмысленным. Но ей так хотелось порадоваться в эту ночь. И дабы поддержать настроение, она, все же, решилась взять бутылку хо-

рошего красного вина, чтобы распить ее с Астрид. Та с нетерпением ждала ее, приготовив свой подарок. Но никто из них не знал, какой подарок приготовила в этот вечер Сара.

Вовсе обезумевшая, она выбежала из-за угла (подстерегая Еву) и сбила ее с ног. Ева так сильно ударилась головой об асфальт, покрытый тонким слоем леденеющего снега, что поначалу она вовсе не поняла, как оказалась в таком положении. Она выронила бутылку из рук и схватилась обеими руками за затылок. Позже, когда она открыла глаза, она увидела над собой Сару, присевшую на нее сверху.

Ее лицо выглядело больным и несчастным, а ее глаза пылали огненной ненавистью по отношению к Еве. Приподняв правую руку перед своим лицом, Сара выстрелила движением пальца лезвие ножа из рукоятки.

- Наконец-то, мы встретились, Ева! – сказала она с довольной злобой сквозь зубы.

Ева, пытаясь превозмогать боль, сказала:

- Сара, что ты делаешь?

- Что я делаю? Сейчас узнаешь! – замахнувшись, сказала Сара, готовая распороть лицо Евы на разные участки кожи.

Ева схватила Сару за запястье, и они сцепились как два равносильных врага.

- Что тебе нужно? Стерва ты бешеная! – говорила Ева, борясь с Сарой.

- Из-за тебя меня бросил Генрих! – ответила Сара, пытаясь преобладать в лежачей схватке, не выпуская ножа из сжатых пальцев.

Они катались по дороге около полминуты, пока Ева не дернула с силой руку Сары и та не выронила нож, ощутив боль в запястье. Ева, встав, сказала стоящей напротив истеричке:

- Как бросил? Почему? Я здесь не причем!

- Еще и как причем! На Новый Год Генрих приехал и сказал мне, что отношениям конец! Видите ли, я обижаю его клиентов, – истерично кричала Сара, держась за руку.

- Ты сама виновата! Нечего лезть в чужие дела!

- Чужие дела? Вижу я, какие у тебя дела. Вполне отличные, я бы сказала. Зато мои не очень. Ты мне всю жизнь испортила! – сказала Сара, после чего вновь набросилась на Еву.

Вцепившись в нее, она надеялась как можно сильнее покалечить ее. Поцарапать лицо, выдавить глаза. Лишь бы ее больше не снимали. Но Саре не удавалось этого. Ева умело отражала атаки Сары, при этом она не хотела причинять ей физический вред, пытаясь откидывать ее в сторону или на землю.

- Ну и что, что он тебя бросил? Это не конец света! – говорила Ева вновь лежавшей Саре.

Сара плакала и не могла держать себя в руках. Она билась в истериках, от чего Еве вновь было жалко смотреть на нее. Она хотела помочь ей встать и протянула руку.

- Давай, вставай! – говорила она.

Но Сара долго не хотела протягивать свою руку, обдумывая.

- Ну же! – сказала Ева, смотря в ее заплаканные глаза.

Сара заметила, как с неба стали спускаться мелкие снежинки. Ева так же обратила на это внимание. Когда между ними образовалась эта снежная мнительная стена, Сара решила протянуть свою руку, но словив Еву на доле секунды невнимательности, она повалила ее на землю и треснула бутылкой того самого красного вина по голове. Ева упала без сознания.

Бутылка оказалась крепче головы и даже не треснула. Зато из головы Евы потек кровавый ручей. Сара откинула бутылку в сторону и стала искать свой раскладной нож.

Проведя перчатками по свежевывавшему снегу, она наткнулась на него, потратив кучу нервов. Ей казалось, будто он пропал в этом радиусе трех-четырех метров. Глянув сквозь кончик его лезвия, Сара сказала, не в силах успокоиться:

- И все же, я отомщу тебе, сука! – позже добавив. - За все! – подойдя к беззащитно лежавшему телу Евы.

Она сжимала рукоятку ножа все крепче и крепче, смотря на бессознательное лицо Евы. Она видела это: как берет ее за волосы и режет ее лицо на части. Но словно отваги не хватало в ее груди. С каждой секундой Сара смотрела на обездвиженное тело Евы и слабела ее мысль. Не так уж легко на деле пырнуть кого-либо ножом. И Сара начинала беситься от самой себя. От того, что она не может искалечить беззащитного человека. Ей не хватает духа. И она пыталась настроить себя. Она гневилась. Она не понимала, куда делся тот настрой. Ее все больше это бесило. Она заходила от нервов по сторонам. И будто почувствовав звон внутри себя, она остановилась, и последний раз перебрала пальцами на рукоятке ножа. Она уже хотела было приложиться лезвием ножа к лицу Евы. Но склонившись, она увидела фары приближающейся легковой машины.

Машина уже была совсем близко. Несколько секунд и она будет перед Сарой. Яркий свет ослепил ее глаза. И еще раз взглянув на Еву, она сказала:

- Черт с тобой! – и тут же рванула отсюда.

Ощущая свет автомобильных фар на своем затылке, Сара устреми-

лась в быстром беге. Еле слышным звуком раздался хлопок дверей машины позади. Но Сара уже была далеко. Маленьким белым пятнышком она скрывалась в дали темной улицы. Она уже никогда не встретит Еву. Не захочет. Точно так же, как и Ева, которой пришлось провести ночь Святого Валентина в одной из лондонских больниц.

Очнувшись в больнице рано утром, Ева почувствовала жуткую головную боль. Пытаясь найти очаг боли, щупая своими пальцами сквозь бинт, Ева переживала, что у нее может быть разбита голова. Запах медицинских препаратов лишь усугублял ее тревожное чувство.

Как оказалось, травма была не настолько серьезной, как того могла ожидать Ева. Место, где она получила по голове, лишь напухло и имело небольшую рану. Никакого рассечения у Евы не оказалось и медики даже не прикоснулись к иголке с ниткой. Когда Ева узнала это, она почувствовала себя немного легче. Доктор настоял на том, чтобы она полежала здесь до следующего дня, чтобы прошла головная боль и медики сняли повязку.

Пока она отбывала кратковременное лечение в больнице, Еву навестила Астрид, как всегда поддерживавшая ее, и Малколм, который лишь усугубил головную боль Евы. Почему, Ева расска-

зывала Астрид у нее дома, после выписки:

- Представляешь, приходит ко мне Малколм и говорит про какой-то контракт! Я вообще не понимаю. Лежу в больницы койке, даже думать больно. А он мне вместо сочувствия контракт какой-то пытается всунуть. Меня это взбесило, – сидя в белой обтягивающей майке на кровати Астрид с недоумевающим лицом.

Она поджала ноги под себя и хрустела желто-розовой морковкой. На голове ее было видно йодное пятно. Астрид что-то искала в своем шкафу и параллельно поддерживала беседу с Евой.

- По-моему, он начал переживать за тебя, – сказала Астрид.

- Я тоже так подумала. После той тупой передачи он словно хвост поджал, – продолжая грызть морковку, говорила Ева.

- Не подписывай. Ты же не хочешь? Я верно поняла?

- Не то чтобы не хочу, Астрид. Просто он не достаточно официальный, профессиональный... Это же не контракт с модельным агентством, без которого я не смогла бы там работать. Тем более, даже если я буду обязана работать на него, по контракту, я буду привязана к нему. Я не собираюсь стоять на месте! Я хочу в Париж!

- Тебе виднее.

- Вот именно. Я

знаю, что я делаю. А вот Малколм, как мне кажется, немного потерялся в своих мыслях. Про каких-то транссексуалов мне рассказывал в больнице.

- Каких транссексуалов?

- Обычных. Он хочет их снимать вместе со мной. Теперь то, он может нанять кого угодно. Только вот мне не нравится эта затея.

- Почему?

Ева, прожевав большой кусок морковки, сказала после нескольких секунд:

- Слушай, триста лет уже не ела такой вкусной морковки! Есть еще?

Астрид посмотрела на нее и улыбнулась.

С первыми оттепелями марта Еву ожидала вторая концептуальная фотосессия с Малколмом. Тот, как и обещал, притащил на фотосессию нескольких транссексуалов, что не понравилось Еве. Еще до этого он успел надоесть Еве со своим контрактом раз пятьсот. Теперь он испытывал ее нервы в объективе фотокамеры.

Ева уважала Малколма как творца и личность вдохновляющую. Она ценила его за мастерство. Ведь именно благодаря этому имя «Ева Адамс» не стихало второй месяц подряд. Но также Ева понимала, что и без нее Малколм бы пропал. Ей чертовски не хотелось стоять рядом в кадре с «недоделанными

гермафродитами», к которой она испытывала отвращение и некое презрение.

Все они были любезны и дружелюбны с Евой, которая смотрела на них свысока. Но также они чувствовали себя ниже плинтуса, особенно после того, как новоиспеченная звезда Великобритании дала всем понять, кто главный в кадре, и к кому нельзя приближаться ближе, чем на один метр.

Ева молчала. Относительно молчала ради себя и искусства Маринелли. Но все это продолжалось до тех пор, пока она не узнала, что этот сумасшедший уготовил на потом.

С каждым снимком эта группка становилась все более интимной, и становилась похожей на извращенное групповое порно. Количество одежды на телах фотомоделей уменьшалось. Ева постоянно была в центре внимания объектива фотокамеры. Когда Малколм сказал всем оголить свою линию бикини, Ева не выдержала и сказала:

- Что? Ты совсем страх потерял?

- Тихо-тихо! Успокойся, Ева! – говорил Малколм.

Остальные стали раздеваться молча и пытались не вступать в конфликт художника и музы. Эти «недоделанные гермафродиты» оказались покорными шимейлами, работавшими здесь за 200

фунтов стерлингов. Лишь Ева, поставив руки в бок, активно выражала свое недовольство и пыталась навязать Малколму свои условия.

- Мало ли этих ублюдков привел, так ты еще хочешь снять меня без трусов?! – говорила она в ярости.

- Успокойся, Ева!

- Это ты успокойся и послушай меня! Быстро одел этих засранцев с мужскими членами, и чтобы через три минуты я не видела здесь ни одной женской сиськи! Ты меня понял?

- Они делают свою работу, – пытался держаться Малколм.

- Значит, они знают свою работу? Они знают, что ты здесь собираешься фотографировать? Почему я узнаю все в процессе? Это не моя работа? Да? Тогда почему я должна фотографироваться с этими псевдо гермафродитами!

- Но, Ева! Такова задумка. Понимаешь? Пожалуйста, всего лишь несколько снимков.

Малколм сложил ладошки вместе и сделал умоляющий вид. Но в Еве была буря эмоций. Ее ничто не могло разжалобить в этот момент. Она глянула на голых транссексуалов и сказала:

- Пошел ты! – устремившись к выходу.

Ева решила, что лучше ничего, чем «такое». Положив свою ладонь на дверную ручку, она важным взглядом

глянула на растерянного Малколма и сказала:

- Всего доброго!

- Послушай, Ева! – пытался остановить ее Малколм, задержав ее внимание на своих словах. - Да, я должен был посвятить тебя в курс дела! Извини! Но я был не уверен на счет полной концепции, которую подумал лишь сегодня. Поэтому я решил...

- Или ты меняешь ее прямо сейчас, или я ухожу!

- Что?

- Что слышал. То, что для тебя дороже, то и выбирай! Я с этими голыми ублюдками фотографироваться не собираюсь!

- Тебя не устраивает то, что они голые? Или то, что они такие же как и ты?

- Заткнись! Что ты в этом понимаешь? Ты не знаешь, каково оно полжизни думать, что ты мальчик, а затем ты видишь, как твой член сохнет как огурец под Солнцем, а грудь превращается в женскую. Когда ты не знаешь кто ты. Как себя называть: им или ею. Те уроды, которых ты привел – они подделки, жертвы общества и гендерных стереотипов. Они стали таковыми по собственной воле. Поэтому, они фальшивки. А мне нет равных. Я – настоящий гермафродит! Я идеал бесполости! И всегда им буду! Идеалом, который ты не посмеешь раздеть до конца! Теперь ты

сделал выбор?

- Ева, не заставляй меня делать выбор! — ошеломленный, говорил Малколм.

- Значит, я сделала его за тебя. Всего доброго!

Ева хлопнула дверью.

Она вдруг стала ощущать, что не может больше выносить общества Малколма. Несомненно, ей нравились его идеи, убеждения. Но гордость не давала ей преступить собственные принципы. Она понимала, что уходит от своего единственного имеющегося шанса в большой белый мир. Но это не расстраивало ее больше, чем позировать без трусов.

У Евы снова началась депрессия. Она осознала все реалии жизни. Астрид должна была уехать этим летом навсегда. А сама Ева беспомощна. Она не хотела оставаться без Астрид, порой даже виня ее за то, что она «бросает» ее на произвол судьбы. На месяц Ева выбилась из собственной колеи, пока не заметила новую выставку Маринелли.

Очередной раз она гуляла по улицам наедине с собственными мыслями и совершенно случайно натолкнулась на витрину. В ней она увидела фотографии, а поблизости Малколма, который не выглядел счастливым.

Помещение было пустым, будто холодным. Как оказалось, сегодня

был последний день фотовыставки Маринелли, которую по сравнению с предыдущей попросту проигнорировали все.

Напрашивался вопрос: «А где же Ева Адамс? То таинственное существо неопределенного пола?». Никому не были интересны банальные транссексуалы.

Местные газеты стали разворачивать интригу вокруг данного вопроса. Назвав выставку Маринелли провалом, пресса признала значение Евы Адамс в работах Маринелли. Без них они ничего не стоили. И Ева, прочитав все это, лишь усмехнулась. Она знала, что Малколм не выдержит и приползет к ней на коленях. Со дня на день. И это свершилось.

Малколм явился к Еве и признал все свои ошибки. Он сказал, что потерял ориентир в искусстве. Теперь он снова готов следовать за музой. Он влез в долги, в этом плане он также имел талант. Ева была его воздухом. И она решила не перекрывать ему кислород и помочь, взяв с него обещание, что следующую фотовыставку Малколм посвятит исключительно Еве Адамс. Ее естеству. И Ева знала, что запрашивает. Следующая выставка произвела фурор.

Она прошла в конце июня, практически через полгода после первой фотовыставки Евы. Перед самым отъездом Астрид в Норвегию. Странно. Но

теперь это нисколько не волновало Еву. В ней словно включился какой-то другой режим. Это было что-то знакомое. Что-то, что возникает при повышенном внимании к своей персоне. Ей стали поступать различные предложения фотосессий от местных глянцево-и не только. Слава посыпалась на нее градом.

Однажды, на волне тщеславия и денег в кармане, Ева заявила Астрид, что больше не нуждается в ее крыше над головой, и она переезжает. Астрид радовал этот факт. Она понимала, что ее лучшая подруга не простынет без нее. Но она волновалась насчет внутреннего состояния Евы. За последнее время она очень изменилась. Она стала вести себя сама по себе. Будто диалоги ведет лишь сама с собой. Больше ни с кем. Астрид уезжает в Норвегию через несколько дней, они больше не увидятся с Евой. А Ева даже попрощаться нормально не соизволит, ибо дела у нее, слава, что-то главнее, чем отъезд подруги.

Астрид заметила, как Ева вовсе отдалилась от нее. Это выходило за края их бокала наполненного дружбой. Астрид было больно покидать ее, и сама мысль о том, что им нужно прощаться навсегда, разбивало ее сердце. Еве же было до лампочки, настолько она увлеклась собой.

Малколм также замечал подобное за

Евой. Он понимал, что скоро лишится ее. Еву буквально рвали на куски, так хотели ее презентовать в своих фирмах, корпорациях и прочих учреждениях. Малколм вылезал из шкуры дабы хоть как-то остаться на пике: искал спонсоров, моделей, пел всю ту же песню о контракте с Евой. Но последнее было утопией, что он и сам уже отлично понимал.

Ева в свою очередь, стала ходить на светские тусовки, так как некоторые ее там уже знали, а некоторые даже приглашали и видели в Еве своего желанного гостя. Интервью стали у нее вместо ужина. Телестудии забирали все больше личного времени. Евы Адамс стало много в средствах массовой информации, и не только Лондона или Великобритании. О ней стали говорить и на континентальной Европе.

Даже не сказав «спасибо», Ева молча перебралась из квартиры Астрид в собственную просторную квартиру. Ей было не интересно разговаривать с людьми. Более интересным ей казалось закрываться в ванной комнате, позируя перед зеркалом часами, а затем – часами перед объективами фотокамер. И однажды, зайдя к Астрид последний раз, дабы забрать последние из своих вещей, Астрид не смогла сдержать свой поток мыслей. Она не смогла упус-

тить возможность поговорить с Евой. Поговорить так, как они разговаривали друг с другом раньше, когда-то давно, еще до всего этого. Она понимала, что это, скорее всего, ее последний шанс вывести Еву на откровенный разговор.

- Может быть, скажешь мне что-нибудь? – говорила Астрид, наблюдая за молчаливой Евой, рыскавшей по комнате.

- В смысле? – отвечала Ева, вовсе без внимания на Астрид.

- Ева, у меня завтра самолет! Я улетаю! Навсегда! Ты даже слова не молвишь на прощание? Это наш с тобой последний день! Что с тобой? – пыталась добиться искренности Астрид.

- Ах, да. Я рада за тебя, – сказала Ева.

Она продолжала молча собирать вещи. Астрид не могла спокойно воспринимать все это. Она не могла понять безразличия Евы. Лицо Астрид становилось все более болезненным и холеричным.

- Рада? Ева, ты о чем? Ты, наверное, не слышишь. Я – У-Е-З-Ж-А-Ю! Завтра! Разве тебя не беспокоит это? – доносила, как могла, данную информацию Астрид.

Ева подняла голову и сказала:

- Слушай. Если ты думаешь, что я обижаюсь, то не беспокойся об этом. Все в порядке.

- Нет, не в порядке, Ева! Ты не в порядке!

- Что ты имеешь в виду?

- Посмотри, кем ты стала! Тебя ничего не волнует! – позже Астрид добавила. – Кроме тебя!

Ева задержала свой взгляд на лице Астрид, после чего выровнялась и перестала суетиться. Она сказала с актерской выразительностью:

- Что?

Ева услышала от Астрид то, чего та долго не могла ей сказать. Астрид держала мысли при себе ради дружбы. Но теперь она понимала, что молчание ни к чему не приведет. Она должна сказать Еве всю правду. И сейчас ее лицо было как никогда серьезным. Из ее уст прозвучали не менее серьезные слова:

- Я давно хотела тебе сказать Ева, но не осмеливалась. Я не хотела обижать тебя, но теперь я вижу, что должна сказать тебе это. Ева, ты бессердечная тварь! Ты стерва! У тебя вместо крови по жилам течет наркотик нарцисса. Ты – Нарцисс! Ты думаешь только о том, как захватить мир своей замечательностью. Своей бесполой красотой. Как ты еще это называешь? На чужие чувства тебе наплевать!

- Ты действительно так думаешь? – со все большей концентрацией во взгляде говорила Ева.

Астрид чувствовала себя жутко неловко. Но она понимала, что должна высказать Еве всю правду. Ибо никто, кроме нее,

этого не скажет. И набравшись смелости, терпения в груди, Астрид продолжила:

- Да. Я так думаю. Разве не ты подошла ко мне, дабы познакомиться? Разве не ты рассказывала мне, и только мне, все свои секреты? Я привела тебя в первый в твоей жизни ночной клуб. Пусть это был готический бар. Я всегда и во всем тебя поддерживала, и ты всегда могла на меня положиться. Я никогда тебя не подставляла. Мы были лучшими друзьями в мире, и даже больше! Теперь посмотри на себя по внимательнее. В кого ты превратилась? Ты стала патологическим эгоистом, замкнутым на собственном успехе, который должен быть лучше, чем успех твоей матери, чтобы ты не чувствовал себя дерьмом...

- Заткнись! – взорвалась Ева.

Ее глаза мгновенно наполнились слезами. Астрид так же не сдержала эмоций и пустила слезу. Обе они пытались выглядеть спокойными. Но внутри у них были антициклоны.

- Ты ничего не знаешь! И меня не знаешь! Совершенно! – усиливалась истерика Евы.

- И даже то, что ты рассказывала?

- Это ничего! Это всего лишь пыль на твоих глазах, по сравнению с тем, что у меня в душе творится! Ты хочешь, чтобы я тебе сказала что-

то? Так я сейчас скажу!

Еву переполняли эмоции. Она стала активно жестикулировать, и не сбавляла громкости своих речей:

- Проваливай! Катись в свою Норвегию! Я больше не желаю тебя видеть! Это твоё отношение ко мне! Вы все отвергаете меня! И всегда так было! А мне многого не надо. Мне нужно лишь, чтобы меня признали. Как личность. Как человека, живого, существующего.

- Тогда зачем тебе все это? Тебя зовут не Ева! Тебя зовут Натаниэль!

- Нет. Натаниэль – пустое место. Это никому не известный ребенок, без конкретной даты рождения, без прописки, без родителей. Он не имеет ничего. Его не существует! Он не достоин всякого внимания! Он мертв! Он никто!

- И его мать, тоже никто?

Астрид знала, на что надавить. И данные слова задела Натаниэля в бесполом теле ее собеседника.

- Не смей так говорить о моей матери!

- Тогда, почему ты не можешь рассказать о ней всем? Скажи: Синди Уолкотт – моя мать! Разве это так сложно?

- Я жалею, что рассказала тебе эту тайну!

Эмоции покрыли здравый разум Евы. Ей все больше хотелось вставить словесный нож в

спину своей лучшей подруги. Человека, которого, скорее всего, больше никогда не увидит. Ни в ней, ни в ком-либо другом. Но она сказала:

- Уезжай в свою Норвегию и не возвращайся! Пусть твоя мамочка любит тебя и лелеет!

Астрид набралась смелости подойти к Еве ближе, дабы взглянуть в ее бесстыдные черные глаза. И увидев в них презрение, она не смогла сдержать желания дать пощечину.

Ева почувствовала себя униженной. Она вообще провалилась в мысленную бездну после данного жеста Астрид. Она молча пустила слезу. Астрид поняла, что это конец.

- Ты обвиняешь меня в том, что у меня есть мать? – произнесла она с комом в горле.

Ева, держась за щеку, не поднимала глаз. Между ней и Астрид сохранялась метровая дистанция. Никто из них не шевельнулся с места и не произнес ни слова, пока Ева не взяла пакет, и так же, не смотря на Астрид, покинула ее квартиру. Молча. Так же молча Астрид провожала ее взглядом. После, закрыв лицо ладонями, она стала громко рыдать.

Следующий день был последним днем Астрид в Лондоне. Она не знала, вернется ли когда-нибудь, и хочется ли ей этого. Она перевелась на дистанционное обучение,

теперь она могла быть с матерью.

Ей самой хотелось нянчить своего почти годовалого братика, которого скоро увидит. Она хотела быть в семье, быть частью семьи, внутри семьи. И единственное, что разрывало ее сердце на куски, была Ева. Эгоистичная, самодостаточная, презиращая всякие семейные ценности Ева, с которой она не могла не попрощаться. Астрид безумно хотела, чтобы, все-таки, они расстались с Евой друзьями и не держали друг на друга обид. Зная новый адрес Евы, она решила заехать к ней по дороге в аэропорт. У нее было мало времени и мало обиды. У нее были лишь благие намерения. И с таковыми она позвонила в дверной звонок квартиры Евы.

Ева была опустошенной. Она чувствовала себя куском дерьма на простывшей дороге. Почти пустая бутылка коньяка стояла с обреченной грустью на журнальном столе, заваленном разным хламом, вроде газет, журналов и окурков. Много окурков. В пепельнице и за ее пределами. Ева курила третью пачку. Она не спала всю ночь после ссоры с Астрид. Теперь ее лицо было безжизненным, усталым, неумытым и потрепанным алкоголем, никотином и депрессией.

Услышав звонок в дверь, она не стала тут же подниматься с дивана.

Она вовсе проигнорировала его. Страхнув пепел на журналы, она снова, с тем же флегматичным видом затянулась сигаретой, смотря куда-то в пустоту.

Снова звонок. Второй, третий. Еве все равно. Кто там. Для чего. Она наедине с собой. Лишь через пару минут она услышала знакомый голос по ту сторону двери:

- Ева, открой! Я знаю, что ты дома.

Но Ева была неподвижной. Лишь сигаретный дым подавал признаки жизни.

- Послушай, Ева. Я знаю, что тебе больно. Прости. Дай мне шанс сказать тебе хоть слово. Открой дверь, – пыталась достучаться Астрид.

Ева понимала, что Астрид улетает. Сейчас последняя возможность сказать друг другу что-то. Но она не хотела говорить, и не хотела слушать.

- Ева, я должна сказать тебе кое-что важное! Выслушай меня! Открой мне дверь! Я хочу, чтобы ты меня простила, ведь я тебя простила! Ну же, открой! Это касается только нас с тобой...

Астрид услышала музыку по ту сторону двери. Ева не пожелала ее слушать, включив магнитофон, стоявший рядом. Это был старый знакомый мотив: David Bowie – «Fame».

- Черт, Ева. Открой! – со всей силы заба-

рабанила Астрид по двери.

Но бесполезно. Ева слушала музыку и курила сигарету. Она опрокинула голову назад, на спинку дивана, и расслабленно закрыла глаза.

Астрид опаздывала на самолет. Она не могла выломать дверь или вытащить Еву из квартиры. Она терзалась и была обреченной. Достав праздничную коробку из кармана, она оставила ее у двери и еще долго смотрела на нее, не в силах покинуть данное место.

- Надеюсь, у тебя все будет отлично, Ева, – произнесла она с шепотом в голосе и с трепетом в душе, осиливая себя покинуть Лондон навсегда.

Ева так и просидела целый день, даже не выглянув за пределы квартиры. Под вечер она допила бутылку коньяка и уснула намертво.

Проснувшись на следующий день, Ева сразу же почувствовала невыносимую головную боль. Она выпила несколько таблеток аспирина и решила принять душ, дабы освежиться.

Она чувствовала себя разбитой. Она с силой приняла душ, и для нее стало облегчением выключить кран и снова одеться. Она решила, что нужно выйти из этой прокуренной и насквозь пропитанной алкогольными запахами квартиры, и пойти погулять, подышать свежим воздухом. Ей давило в висках от

этих стен вокруг нее. Она чувствовала, что ей нужно позавтракать как следует. Пойти в кафе. Печальный вид пустой бутылки и окурков еще больше сдвигал ее на это.

Надев огромные солнцезащитные очки, чтобы не красить глаза и скрыть свою синюшность, Ева вышла из квартиры и увидела какой-то предмет под ногами. Осмотревшись по сторонам, она наклонилась к подарочной коробочке и взяла ее в руки. Чуть поразмыслив, она стала вспоминать, как вчера к ней стучалась Астрид. Возможно, это она оставила у нее под дверью.

Растрепав коробку, Ева увидела ее содержимое. В ней лежал браслет, на котором было написано: «Я тебя люблю». Это застопорило Еву. Ей было сложно думать. И положив этот браслет в карман своих коротких бежевых шортов, она решила не останавливаться, отложив мысли на потом. Ей хотелось на пространство. Ей хотелось есть.

Ева не желала думать об Астрид. Это слишком напрягало ее. Но подобные мысли непроизвольно лезли в голову. Особенно ее охватило чувство дежавю, когда она, погруженная сама в себя, случайно наткнулась на то самое кафе, в котором Астрид похмеляла Еву после ее первой пьянки в Пещере. Ева долго думала, заходить в

это кафе или пойти в другое. Но ее живот так бурчал, что у Евы не было иного выхода, как пойти в то самое кафе.

Она старалась не думать и не обращать ни на что внимания. Единственной целью для нее было: выпасть на стул и заказать какой-нибудь бодрящий салат с пивом. Пока официант оформлял заказ, Ева оперлась лбом себе в ладонь, чтобы минимизировать боль в голове, и опустила взгляд сквозь солнцезащитные очки.

Какой-то парень, видимо услышав знакомый голос, повернулся, будучи за стойкой, и глянул на Еву, которая не проявляла активных признаков жизни. Огромная оправа очков была так же отдаляющая, как и сама Ева. Держа полулитровый стакан молочного коктейля в руке, он решил подойти к столику Евы с приветственными словами.

- Можно? – спросил он.

- Как хочешь, – без эмоций сказала Ева, поначалу не подняв свою голову.

Ей было абсолютно все равно, кто там и с чем пришел. Худощавый брюнет уселся на стул в надежде, что Ева взглянет на него и узнает. Но даже когда она соизволила уделить ему несколько секунд своего внимания, она никак не показала, что знает напротив сидящего человека. Она лишь

сделала глоток пива, как только официант поднес заказ, и продолжила находиться на своей волне.

- Ты не узнаешь меня? – удивленно с заинтересованным взглядом говорил парень.

Он не знал, смотрит ли на него Ева сквозь эти чернящие, здоровенные очки. Но ему казалось, что она вовсе безразлична. Не только по отношению к нему, а и ко всему здесь происходящему.

- Нет, – холодным тоном ответила Ева и сделала глоток пива.

Парень, наблюдая всю эту картину, сказал:

- Разве тебе можно пить пиво?

- Черт! Та кто ты такой, твою мать? – с яростью сказала Ева и сняла свои очки, чтобы лучше взглянуть на этого наглеца.

- Выглядишь неважно, – сказал тот, чуть передернувшись.

Он смотрел на Еву и будто спрашивал: «Неужели ты не узнаешь меня?». И сидя так, он все больше понимал взгляд Евы, который выражал усталость, безразличие и недовольство данной ситуацией. Решив не томить душу ни себе, ни Еве, он сказал:

- Я Сэм! Разве ты меня не помнишь? – стараясь сделать доброжелательную улыбку.

Это был тот самый Сэм, длинный и худой неформал, которого Ева встретила, будучи с Аст-

рид на тот самый памятный Хэллоуин. И вспоминая это, в сознании Евы стал всплывать знакомый образ перед ее лицом. Когда до нее дошло в чем дело, то Ева без всякого удивления сказала:

- Ах, да. Помню тебя. Ты что-то вроде подружки для Астрид, – после чего уставилась в свой салат, начав ковыряться в нем.

Сэм усмехнулся в ответ, но ничего не сказал. Ева же, запихнув в себя пару вилок салата, неожиданно для самой себя вдруг сказала:

- Кстати, нашел, чем подбодрить! «Неважно выглядишь»! Это ты всем девушкам говоришь при встрече? – продолжая пережевывать салат.

- Не хотел обидеть, – сказал Сэм, улыбаясь. - Жаль, что я больше не увижусь с Астрид. У нас с ней много общего. Тебе, наверное, тоже нелегко?

После этих слов Ева громко положила вилку на стол и, облизав губы, сказала с пронзительным взглядом:

- Отчего мне должно быть нелегко?

- Насколько я знаю, вас с Астрид связывали довольно крепкие чувства. Особенно Астрид питала к тебе нечто платоническое, – осторожно сказал Сэм.

- То есть? – продолжала прессинг Ева.

- Мне она говорила, причем не однократно, что любит тебя.

Ева зависла на полминуты, а то и на дольше. Стало видно, как ее мысли не вмещаются в ее голову. Она полезла своей рукой в карман шортов и достала оттуда браслет, тот самый. Она взглянула на слова, написанные на нем: «Я тебя люблю». Что-то зашевелилось в ней в этот момент, но она не подала виду.

- Она тебе все-таки его подарила?! – сказал Сэм, увидев браслет в ладони Евы.

Она взглянула на Сэма и сказала:

- Я нашла его в кармашке сегодня утром. Астрид оставила ее под дверью.

- Но ведь она хотела подарить его на День Святого Валентина, – сказал Сэм с недоумением, отчего Ева погрузилась в новые мысли.

Теперь она вспоминала все, что происходило с ней и с Астрид. Она вспоминала их лесбийские игры, поцелуи, «сюрприз» Астрид, которой та хотела преподнести Еве на День Святого Валентина, но которому помешала Сара. Ева и забыла обо всем. Теперь она понимала. И с неким прозрением в глазах она сказала:

- Почему она никогда не говорила мне этого? Почему не говорила, что любит меня?

- Она боялась, что ты ее отвергнешь, – сказал Сэм.

Какие-то негатив-

ные эмоции стали появляться в Еве. Она злилась как на себя, так и на Астрид. И это разжигало в ней непонятный для нее огонь.

- По сути, я и так это сделала, – сказала Ева. - Мы поссорились с ней перед самым ее отъездом.

Сэм тревожно смотрел на Еву и видел в ней бурю, сокрытую под холодным занавесом и глубочайшим, задумчивым взглядом. Как только Сэм успел проникнуться им, Ева спрятала его под солнцезащитными очками. Недолго думая, она достала деньги из кошелька и положила их на стол, после чего, собираясь к выходу, последний раз задержала свое внимание на Сэме и вложила ему в ладонь тот самый браслет. Все попытки Сэма что-то сказать были лишь пародией на рыбу, глотавшую воздух. Ощущая нажим руки Евы на своей ладони, он не смел разжать ее и вернуть браслет. Он не смел перечить Еве, которая уверенным голосом сказала:

- Надеюсь, я больше никогда тебя не увижу.

Ей было все равно, понял ли Сэм эту фразу. Главное – Ева знала, что говорит. И легкой походкой, удаляясь в небо, она стала развеиваться в сияющей от Солнца витрине.

**Автор: Роттен
Морган**

Антоний и Анжелика

Эта история произошла в прекрасной стране Италия лет двести назад. У одного богатого человека была дочь, звали ее АНЖЕЛИКА. Свою мать девочка никогда не видела, так как она умерла, почти сразу после рождения ребенка. Роды были очень сложными, и мать Анжелики так и не смогла поправиться, она понемногу угасала, как свеча. И когда новорожденной исполнилось две недели, мать тихо скончалась. Отец Анжелики привел в дом кормилицу, которая кормила девочку своим грудным молоком. В доме кроме кормилицы было много нянек. Все они ухаживали за Анжеликой, холили ее и нежили. Отец безумно любил свою дочь и очень боялся за ее благополучие. Анжелика росла здоровенькой, подвижной, разумной девочкой. У нее были прекрасные волосы: ярко рыжие, густые и кудрявые.

Когда пришла пора братья за ум, в доме появились учителя разных наук. Гувернантки учили ее хорошим манерам и иностранным языкам. В доме звучала красивая музыка- это учитель пения и музыки давал девочки уроки на фортепиано. Отец радовался, глядя на своего ребенка. Он так и не женил-

ся после смерти жены. Всю свою нежность он дарил дочери. А Анжелика любила всех: отца, гувернанток, учителей, нянек, слуг. Она росла в пространстве любви, никогда не знавшая ласку матери, она чувствовала любовь окружающих ее людей.

К семи годам у нее появилась тайна, которую она никому не доверяла, даже отцу. Анжелика стала слышать голос внутри себя. Она не испугалась и не удивилась этому голосу, когда услышала его впервые. Как будто этот голос был всегда с ней. Постепенно девочка привыкла к своему незримому собеседнику. Этот голос звучал редко, но именно в тот момент, когда его присутствие и совет были необходимы девочке. Однажды Анжелика бегала по прибрежным скалам, пугая чаек с насиженных мест. Она услышала Голос : «Сними ботинки». Но Анжелика подумала: «Мне больно будет босиком бегать по камням» и не последовала совету Голосу, и тут же поскользнулась на мокром камне и сильно расшибла колено. Потекла кровь, пришлось медленно слезать со скал и хромая, возвращаться домой. «Прости меня, мой Голос, мой друг, что я тебя не

послушала. Ведь ты меня предупреждал.» Анжелика один раз спросила Голос «Кто ты? Как тебя зовут? И почему ты мне помогаешь?» Но голос только сказа: « Когда немного подрастешь, тогда тебе скажу».

Каждое утро Анжелика с трудом расчесывала свои густые кудрявые волосы. За ночь они сильно спутывались, и вот однажды у нее не хватило терпения их расчесывать, и она решила их обрезать. «Что я каждое утро так мучаюсь, пусть мои волосы будут короткими»- подумала она и взяла в руки ножницы. И тут же она услышала Голос внутри: « Не стриги свои волосы. Это твой оберег». В этот раз Анжелика не посмела ослушаться Голоса. Она отложила ножницы и снова принялась расчесывать волосы.

У Анжелики был единственный и настоящий друг – это Антоний. Он был старше своей подруги на три года. Антоний был тоже единственным сыном в семье, и у него тоже рано умерла мать. Схожесть жизненных ситуаций очень сблизила детей. Отец Антония был не богатый землевладелец. У него были небольшие поля и виноградники. На полях у него росла пшеница, а из

винограда он делал вино. С раннего возраста Антоний помогал отцу во всех его делах. Антоний пять лет посещал школу. Потом отец решил, что сын получил достаточно знаний и забрал его из школы. Антоний стал первым помощником отца.

С Анжеликой он встречался каждый день. Им было хорошо вместе. Дети росли, и дружба их тоже росла и становилась крепче. Из детей они превратились в подростков, а потом - в юношу и девушку. Отец Анжелики был посвящен во все ее дела, он прекрасно знал о ее дружбе с Антонием и был сначала не против этой дружбы. Он считал, что дети еще малы, и когда они подрастут, то их пути разойдутся.

Но он ошибся. С возрастом Анжелика и

Антоний стали неразлучными друзьями и постепенно эта дружба переросла в любовь. Как это произошло, они сами не заметили. Им казалось, что они знают друг друга целую вечность, и что жить они могут на этой земле - только рядом друг с другом. Когда отец Анжелики это понял, было уже поздно. Любовь полностью заполнила сердца Анжелики и Антония.

Отец Анжелики хотел бы видеть рядом со своей дочерью богатого и знатного человека, который бы объединил два знатных рода и тем самым преумножил богатства. Но дочь и слушать не хотела ни о ком, кроме возлюбленного Антония. Она взывала к помощи своего небесного покровителя Голоса. Но Голос молчал.

В это самое время отец Антония решил расширить свое хозяйство - и построить мельницу. Дело это хлопотное и затратное. Он уговорил богатого соседа дать ему денег под строительство мельницы и обещал отдать долг с процентами в течении трех лет. Сосед согласился. Мельницу построили быстро. Год был урожайным, и мельница работала круглые сутки, принося хороший доход хозяину. Отец Антония был доволен. Сын работал на мельнице наравне с рабочими.

Прошла зима, весна и наступило лето. Солнце палило нещадно. Даже ночи не спасали от жары. Поля стали засыхать от зноя. Дождей было совсем мало. Такая жаркая погода - это настоящее бедствие для крестьян. Многие хозяй-

ства разоряются в такие засушливые года.

Но самое страшное - когда засуха приносит еще и пожары. Так случилось и этим летом. Загорелась сухая трава, огонь перекинулся на поля и дошел до мельницы. В одночасье мельница сгорела. Отец Антония не смог расплатиться по долгам, мельница сгорела и на урожай винограда рассчитывать не приходится. Все что он мог сделать - это продать свой дом и отдать долг соседу. Он был честным человеком и другого выхода он не видел. Горе было настолько велико, что его сердце не выдержало и в один страшный момент оно перестало биться.

С этого момента Антоний остался сиротой. В это время ему исполнилось двадцать два года. Кроме Анжелики, у него никого не осталось на этом свете. Он прекрасно понимал, что отец Анжелики никогда не отдаст свою единственную дочь замуж за нищего юношу. Он не знал, что делать. Вечером он пришел к скале на берегу моря, где он всегда встречался с любимой Анжеликой. Солнце заходило за море. На берегу было немного прохладней, чем в городе. На душе у юноши была темнота, он смотрел на волны и в голову приходили страшные мысли. Но вот он увидел, как к нему бежит Анжелика, и его сердце радостно забило. Он нежно обнял лю-

бимую. Он стал гладить ее густые волосы. Антоний молчал и с трудом сдерживал рыдания. Первым заговорила Анжелика:

- У меня есть немного денег. Нам хватит, чтобы уехать вдвоем из этого города. Мы сядем на корабль и можем уплыть, например в Грецию. Мы начнем новую жизнь. Мы любим друг друга, а это главное. У тебя умелые руки, ты хороший мастер. Мы купим на берегу моря маленький домик с садиком и будем жить счастливо и долго.

Она говорила так уверенно, что у Антония исчезла тревога. Он стал, как и раньше, сильным и уверенным человеком. Именно это - отъезд вдвоем, он и хотел предложить своей любимой. Но боялся это сказать. Ведь он предлагает ей жизненные трудности в будущем, взамен легкой и богатой нынешней жизни.

- Я готова в любой момент уехать с тобой, хоть на край света. Я знаю, что мы будем счастливы.

- Ты оставишь отца одного, уедешь не попрощавшись. Он так тебя любит.

- Я оставляю ему письмо, где попрошу прощения и постараюсь объяснить свой поступок. Если он меня любит, то поймет и простит.

Влюбленные стали готовиться к побегу. Антонию и собирать то в дорогу было особо нече-

го: пара книг, немного одежды и обуви. Все уместилось в один саквояж. Тайно укладывала вещи и Анжелика. Вещей у нее оказалось много. Одни вещи она брала с собой, другие оставляла. Потом она выкладывала их из чемодана и складывала другие. Она первый раз в жизни собирала вещи в дорогу и не могла решить, что ей взять. С большим трудом она упаковала вещи в два больших чемодана. И решила, что ничего уже менять не будет. Чемоданы она спрятала в своей гардеробной комнате.

Вечером Антоний и Анжелика вновь встретились на своем любимом месте, на берегу моря. Это было их последнее свидание здесь. На рассвете отплывал корабль в Грецию, на который они купили два билета.

- Тебе страшно? - спросил юноша любимую.

- Нет. Рядом с тобой я ничего не боюсь. Страшно - это когда тебя со мною нет.

Для влюбленных настала последняя ночь в этом городе. Анжелика тайно вышла из дома с двумя чемоданами, у калитки ее ждал Антоний. Они спешно зашагали на пристань. Через полчаса они уже были в каюте. Только когда корабль отплыл, влюбленные облегченно вздохнули. Им было хорошо вдвоем, как

хорошо было все эти годы. Их ждала новая жизнь. Какая она будет?

Анжелика в эти тревожные дни перед отъездом часто спрашивала у своего Голоса совета и только один раз ОН ответил: «Любите друг друга»,- и все. И ничего про отъезд- ни «Да», ни «Нет». Но Анжелика не сомневалась в выбранном пути, потому что это был единственный путь, ведущий ее к счастью.

Через пять дней корабль причалил к берегам Греции. Анжелика и Антоний спустились по трапу на землю. Они взяли за руки.

-Куда пойдем, любимая?- спросил юноша.

-Я хочу посмотреть дома на берегу моря. Возможно, там будет продаваться какой-нибудь маленький домик.

И они отправились искать себе жилище. Стало жарко, идти с чемоданами было тяжело.

-Я предлагаю остановиться в гостинице. Отдохнуть. А завтра продолжить поиски- предложил Антоний.

Они так и сделали. На следующее утро они вместе налегке отправились по улицам приморского небольшого городка. Вдруг Анжелика услышала внутренний Голос: «Вон тот дом, с зеленой крышей. Иди туда.» Анжелика взяла за руку Антония и повела к дому, который указал

Голос. Это был маленький уютный домик с крохотным участком земли. Невысокий узорчатый забор отгораживал его от других домов. Окна дома выходили на море. В саду росли цветы, маленькая беседка была увита виноградом.

-Зайдем в этот дом. Мне сердце подсказывает, что нас здесь ждут,- сказала Анжелика.

Они открыли калитку, и зашли в сад. К дому вела дорожка, усыпанная морским мелким песком. Открылась дверь дома и навстречу им вышла старая женщина.

-Вы кого-то ищите?- спросила она.

-Мы ищем жилье. Вы не сдадите нам комнату?- спросил Антоний.

-Да, у меня две комнаты пустуют. Проходите, смотрите,- пригласила она, - меня зовут Таис, а вы кто, молодые люди?

-Я- Антоний, а моя жена-Анжелика. Мы прибыли из Италии.

-Ну, что ж, я буду рада, если вам понравится у меня. Если вы будете делать всю работу по дому, то я плату за жилье с вас брать не буду. Я – старая женщина, мне трудно управляться с домом, а без сильных молодых рук, дом быстро приходит в негодность. Вот ваши две комнаты.

-Мне нравится,- сказала Анжелика.

-Если тебе понравилось,- значит, и мне-

тоже. Мы согласны.

Антоний и Анжелика остались в этом доме. На следующий день Антоний пошел искать работу, а Анжелика стала помогать хозяйке в домашних делах. К вечеру вернулся Антоний.

-Дорогая,- обратился он к жене,- как ты думаешь, если я буду моряком. Я разговаривал с одним капитаном рыболовецкого судна. Ему нужны моряки. Опыта у меня в этих делах не много. Но я вырос в Италии, а там все мужчины в душе – моряки. Я думаю, что справлюсь.

-Но нам придется расставаться.

-Эти плаванья не долгие, всего один-два дня. Зато оплата хорошая. Нам нужны деньги.

Так Антоний стал моряком. Анжелика в первый же день пребывания в Греции написала отцу письмо с обратным адресом. Она еще раз просила прощения у отца и приглашала в гости. Она с нетерпением стала ждать вестей от отца. Но ответа из Италии так и не было. Это очень огорчало ее. Домашние хлопоты отвлекали ее от грустных мыслей об отце. Она любила Антония и эта любовь вытесняла грусть из ее сердца.

Прошел год жизни в Греции. Антоний стал опытным моряком. Капитан судна сделал его своим помощником. Команда уважала Антония за справедливость, сме-

лость. И он уважительно относился ко всем членам команды. В море может случиться любая сложная ситуация и от сплоченности команды часто зависит жизнь моряков.

Но самое радостное событие ждало Антония впереди. Анжелика вот-вот должна родить ребенка. Это волнительное событие произошло в середине сентября. У них родился мальчик. Его назвали Марком. Марк-Антоний-Мариони — вот полное имя малыша. Мальчик родился здоровым малышом, с кудрявыми рыжими волосами, как у матери. Анжелика вновь отправила письмо к отцу с известием о рождении Марка.

Антоний решил перейти на другой корабль, который плавал в длительные рейсы. Это

было большое торговое судно. Ему предложили место помощника капитана. Антония смущало в этой ситуации то, что ему придется оставлять свою семью на пару месяцев одних. О своем решении он объявил Анжелике перед самым отплытием:

-Дорогая, я ухожу в плавание на долгих пару месяцев, это очень интересное плавание, мы посетим несколько стран, в том числе и Италию. Если хочешь, я зайду к твоему отцу. Мне очень не хочется расставаться с вами, но это очень выгодное предложение. Мы сможем купить свой дом, просторный и с хорошим участком земли. Я все делаю, чтобы вам было хорошо.

Это решение Антония было неожиданным для Анжелики. Ее

насторожило, что муж сам принял это решение и не посоветовался с ней. Она мысленно обратилась за советом к Голосу. И ответ незамедлительно появился в ее голове: «Это может быть очень опасно.» Как всегда ответ был коротким. Она полностью доверяла своему внутреннему голосу. Анжелика стала убеждать мужа отказаться от этого предложения. Она плакала и умоляла его. Антоний гладил жену, нежно целовал и успокаивал, как только мог.

Через три дня Антоний на торговом судне покинул берега Греции. Два месяца должно продолжаться первое плавание Антония на этом корабле. Анжелика и Марк остались ждать его возвращения. Первая половина плавания прошла

благополучно. А вот на обратном пути корабль, на котором был Антоний, попал в сильнейший шторм. Ураган бушевал четверо суток, корабль бросало из стороны в сторону, как маленькую щепку. Команда боролась за спасение корабля из последних сил. Ураган не утихал. На четвертые сутки этого крошечного ада, корабль не выдержал натиска стихии и стал тонуть. Команда старалась спустить шлюпки на воду, но шлюпки тот час переворачивались от сильных волн.

Люди оказались в воде. Стихия вышла победителем из этой неравной схватки. Сколько то времени моряки держались на воде, под воду ушли сначала самые слабые. Антоний видел, как тонули его друзья и ничем помочь не мог. Он понимал, что еще минута и его ждет та же участь. Он не боялся смерти, пугала только одна мысль, что Анжелика и Марк останутся без поддержки, и его гибель причинит им огромную боль. Эта мысль жгла любящее сердце Антония: «Анжелика, Марк, я люблю вас, люблю, простите меня!»- выстукивало оно. Перед глазами все стемнело, и он уже ничего не чувствовал.

В этот самый миг мощные невидимые крылья АНГЕЛА выхватили тело Антония из морской пучины и понесли сквозь

волны и ураган на самый близкий берег суши. Это был АНГЕЛ, голос которого с детства слышала Анжелика. АНГЕЛ прочел книгу судьбы Антония и ОН знал, что сегодняшняя страница в книге судьбы юноши. Антоний должен был умереть.

АНГЕЛ ПОНИМАЛ, что законы БОГА неизменны, и ОН не должен был спасать Антония. АНГЕЛ НАРУШИЛ ЗАКОН. И в этот миг содрогнулось Мироздание, и глас Божий раздался: «Как ты посмел это сделать? Ты будешь за это наказан!»

Анжелика в этот час была в саду и играла с сыном. Вдруг ее сердце прожгла боль, и появилось чувство страха. «Что то случилось с Антонием, - подумала она, - Голос, Голос, ответь, что с ним?»- взмолилась она. «Жди, жди, жди»- прозвучал в сердце ответ.

-Ждать, я готова ждать, но он жив, ответь мне, пожалуйста!

-Жив, жив. Прощай, мое возлюбленное чадо, больше ты меня никогда не услышишь, запомни: Я- АНГЕЛ, и имя мое- ОДИЙ».

Анжелика закрыла глаза руками и разрыдалась, ее все покинули: и Антоний, и Голос. Она взяла на руки Марка и крепко прижала к себе. «Теперь мы одни»- подумала Анжелика. Но одни ли? Ангел совершил еще

одно чудо в ее судьбе.

К дому Анжелики в это время подходил ее отец. Это Ангел внушил ему, что пора простить свою дочь и поехать к ней и внуку в Грецию. Их встреча была очень трогательная. Именно сейчас Анжелике нужна была поддержка. Отец уговаривал ее вернуться в Италию, но она не могла покинуть этот дом, ведь сюда должен вернуться ее любимый. Голос сказал: «Жди», и она будет ждать до последнего своего вздоха.

Прошло три года мучительного ожидания. Именно столько времени понадобилось Антонию, что бы выбраться с того заброшенного необитаемого острова до материка, а потом с материка - уже в Грецию. В его книге судьбы появились новые страницы. За ним теперь наблюдали все обитатели небес, ибо поступок ОДИЯ перевернул всю историю Мироздания.

А что же наш АНГЕЛ? БОГ опустил его на землю.

Дорога. По ней шагает одинокий усталый путник, в руках посох, за плечами- котомка. Это- Одий. В его глазах нет печали и страха, в них только ЛЮБОВЬ, ВСЕЛЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Автор: Ирина Никитина

проза

Пенан

публицистика
Р свобода

е эротика

фанфик

поэзия

Мансёнг

п

м

д

хокку

о

и

е

Над номером работали:

рок

антиутопия

Александр Маяков—главный редактор

драма

т

сарказм

т

Надежда Леонычева—старший редактор

киберпанк

поэма

р

а

г

Расима Ахмедова—редактор

пародия

фельетон

с

а

лирика

д

Элина Ким—редактор-корректор

шансон

видения

литература

я

Даниил Агафонов—редактор-корректор

рассказ

стимпанк

э

н

т

е

з

и

действие

Драпа

стих

Рубаи

ирония

мемуары

п

р

и

к

л

ю

ч

е

н

и

я

фантастика

роман

сюрреализм

граматургия

критика

сказка

Философия

2017

На фото: Деш Вольных